JAN 11 1936

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

15

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

ТОМ LXXI

СОДЕРЖАНИЕ

Царская цензура о произведениях Энгельса.— Волнения крестьян на Херсонщине в 1905 г.— Из истории революционного движения в армии 1905—1906 гг. Московский Военно-революционный комитет.— Поташные заводы в Смоленском уезде в XVIII в. Из истории освоения Северного морского пути.— Полиция и похороны А. П. Чехова. — Церковный обман при открытии «мощей» Питирима Тамбовского.

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ◆ СОЦЭКГИЗ ◆ МОСКВА
1935

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Царская цензура о произведениях *Ф. Энгельса*. С предисловием *Ф. Константинова* 3

Волнение крестьян на Херсонщине в 1905 г. С предисловием *И. Кузнецова* . . 17

Из истории революционного движения в армии в 1905—1906 гг. (Восстание 7 запасного кавалерийского полка в Тамбове). С предисловием *Зинезич* . 39

Московский Военно-революционный комитет. С предисловием *Э. Рожена* . . . 60

Поташные заводы в Смоленском уезде в XVII в. С предисловием *А. Сперанского* 116

Из истории освоения Северного морского пути (Экспедиция Беринга 1732—1743 гг.). С предисловием *П. Горина* 137

Из записной книжки архивиста

Полиция и похороны А. П. Чехова. С предисловием *Н. Бельчикова* 170

Церковный обман при открытии «мощей» Питирима Тамбовского. Сообщил *Б. Кандидов* 172

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том четвертый

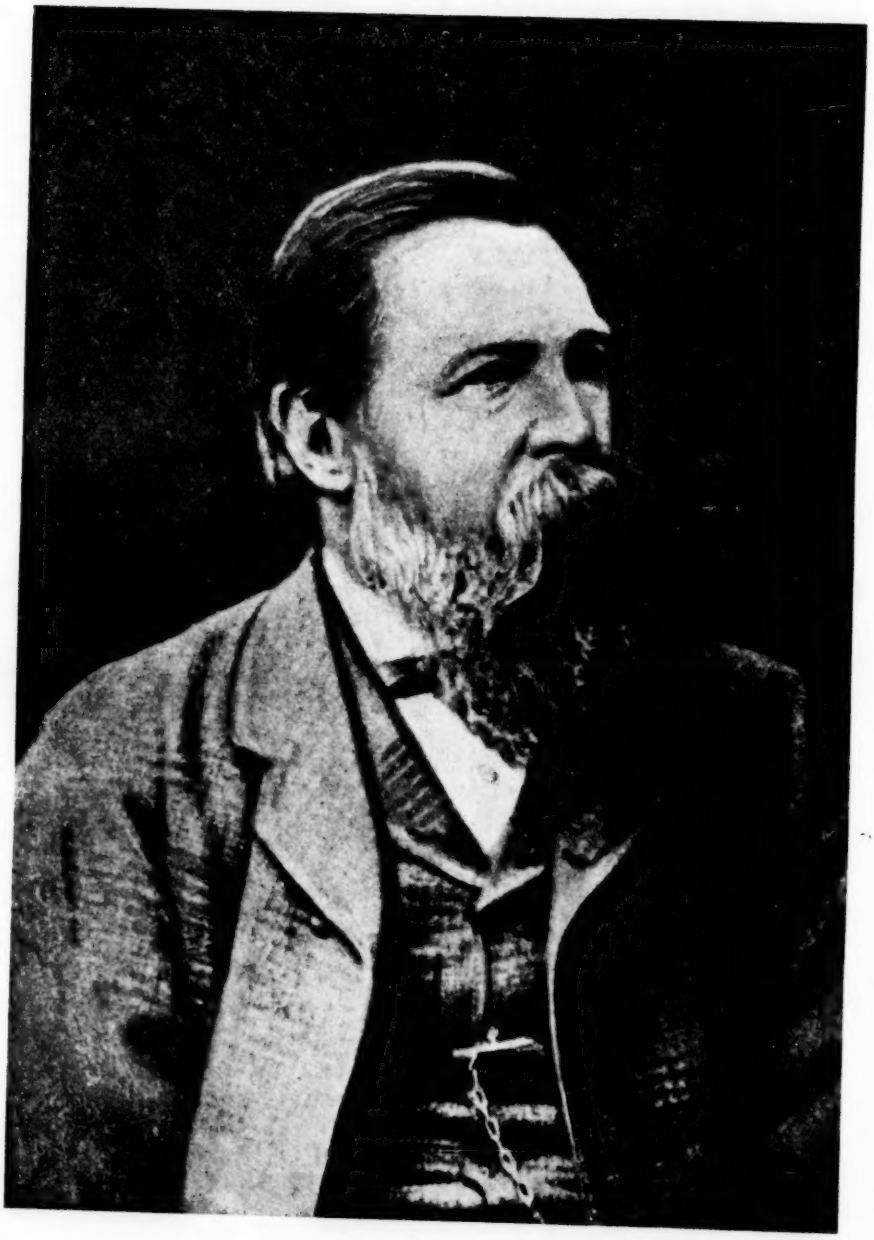
(СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ)

1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1935

Сдано в произв. 5/VII—4/IX 1935 г. Подписано к печати 31/X 1935 г.
Статфор. Б 176 × 250 $11^1/_8$ п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п.) № 45 Зак. 1866
Уполн. Главлита Б—13205 Выпускающий А. Налимов. Тираж 2450

Тип. изд-ва «Крестьянская газета», Москва, Сущевская ул. 21.



Фридрих Энгельс
1820 — 1895

Царская цензура о произведениях Ф. Энгельса

Английский философ Бэкон когда-то писал, что время подобно быстро текущей реке: оно доносит до последующих поколений лишь легковесное, поверхностное и топит безжалостно в своих пучинах все веское, основательное, глубокое. Это, конечно, неверно.

Время безжалостно уничтожает и предает забвению прежде всего мелкое, ничтожное, безжизненное. Подлинно же великое не только не умирает, не тонет в пучине времени, но с ходом истории еще больше возрастает в своей силе, в своем величии, в своей непоколебимой правоте и жизненности.

Лучшим доказательством последнего служат имена творцов научного коммунизма и их поистине бессмертные творения, самые величественные произведения человеческого гения. Труды Маркса — Энгельса — Ленина не только не забыты, но, наоборот, они сегодня празднуют свое великое торжество. Каждый шаг всемирной истории, каждое сколько-нибудь значительное явление современности все больше и больше подтверждают истинность марксизма-ленинизма. Жалкие апологеты капитализма, которые сначала пытались замолчать произведения Маркса и Энгельса, а когда уже замалчивать их стало невозможно, переходили к травле, писали бесчисленные опровержения принципов марксизма.

Кто сейчас помнит этих ничтожных противников Маркса и Энгельса? Они забыты, как забыты и их бездарные произведения. Правда, их место заступили новые защитники капитализма и опровергатели марксизма, но кто может сомневаться в том, что их постигнет та же участь, что и их бесславных предшественников.

Печатаемые ниже документы царской цензуры о произведениях Ф. Энгельса интересны во многих отношениях.

Во-первых, они показывают, с какой свирепостью относились сторожевые псы царизма к великим произведениям научного коммунизма, марксизма. Но каков итог, результат этой политики царизма?

Царизм, несмотря на всю свою свирепость и беспощадность, не смог задушить марксизм, воспрепятствовать проникновению великих идей в среду рабочего класса, идей, которые были изложены в «Положении рабочего класса в Англии», «Анти-Дюринге», в «Л. Фейербахе» и других произведениях Маркса—Энгельса.

Марксизм запрещали, душили; произведения, где излагались великие идеи научного коммунизма, сжигались, — но марксизм сегодня жив больше, чем когда бы то ни было, а свирепый царизм погиб безвозвратно, навсегда.

Разве этот исторический пример не доказывает, что в тех странах, и прежде всего на родине Маркса — Энгельса, где марксизм запрещен, где произведения Маркса и Энгельса сжигаются на кострах, разве может кто-либо сомневаться в том, что идеи марксизма-ленинизма проложат там себе дорогу сквозь все препятствия и заграждения и превратятся в великую материальную силу, которая сметет «свирепый» фашизм.

Кто может в этом сомневаться после той участи, которая постигла запретителей и истребителей марксизма в царской России? Вожди фашизма утвержда-

ют, что им удалось уничтожить марксизм в своей стране. Это, конечно, чепуха. Марксизм уничтожить так же нельзя, как нельзя уничтожить рабочий класс, выражением интересов которого является марксизм-ленинизм. Великий Сталин на XVII съезде ВКП(б) говорил:

«Более 80 лет прошло с тех пор, как марксизм выступил на арену. За это время десятки и сотни буржуазных правительств пытались уничтожить марксизм. И что же? Буржуазные правительства приходили и уходили, а марксизм оставался. Более того, — марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света, причем добился победы в той самой стране, где марксизм считали окончательно уничтоженным. Нельзя считать случайностью, что страна, где марксизм одержал полную победу, является теперь единственной страной в мире, которая не знает кризисов и безработицы, тогда как во всех остальных странах, в том числе и в странах фашизма, вот уже четыре года царят кризис и безработица. Нет, товарищи, это не случайность» [1]).

Печатаемые ниже документы интересны и в другом отношении. По ним можно наблюдать, как идет нарастание противоречий в царской России, как начинает гореть почва под ногами всесильных, казалось, самодержавных властителей «всея России» и как вместе с нарастанием противоречий растет свирепость царской цензуры. По это возрастание свирепости и беспощадности было не столько выражением силы, сколько выражением слабости, страха, который овладел господствующими классами. Вот отзыв цензора Майкова о «Положении рабочего класса в Англии», отзыв, относящийся к 1871 г. В Западной Европе в это время только что отзвучали раскаты гражданской войны во Франции, только что погибла Парижская коммуна, возвестившая о тайне классовых битв XIX столетия. В России в это время капитализм только еще проделывает период первоначального накопления. Пролетариат еще только формируется. Россия еще пока находится во власти феодальных отношений. Но уже рождается спрос на такую книгу, как «Положение рабочего класса в Англии». Цензор Майков, несмотря на всю свою узколобость, не может отказать книге в том, что это серьезное научное произведение. Он пишет, что в книге дано «изложение научное, исполнено цифр и цитат, так что книга, несмотря на свой тенденциозный характер, имеет серьезный вид, выходя из ряда брошюр на ту же тему, наводняющих западную литературу».

Правда, этот жандарм по делам печати дальше пишет, что в настоящее время, т. е. в 1871 г., «книга утратила свой научный интерес». Но на то он и жандарм. Из отзыва Майкова видно, что так называемый рабочий вопрос в России еще стоял не так остро, как на Западе, отсюда и сравнительно неопределенная, нерешительная позиция в отзыве — запретить или не запретить. Высшая инстанция — комитет по делам цензуры — вынес свое «запретить».

Но вот в России капитализм вступает в процесс быстрого развития. Россия пережила революцию 1905 г. и знаменитое декабрьское восстание. Мы видим вторую попытку издать книгу Энгельса, которая для России приобрела сугубо актуальное значение. Как отнеслась царская цензура в 1909 г. к книге, написанной 65 лет назад, видно из отзыва цензора Смирнова. Этот отзыв поистине замечателен. Он пишет: «Есть запрещенные книги — и их довольно большое количество, — которые с течением времени настолько устаревают, что цензурное запрещение отпадает потом от них по запоздалости и отсталости запретных свойств этих книг. Нельзя сказать того же про вышеозаглавленное сочинение известного своею яростью проповедника боевого социализма и даже коммунизма Энгельса».

[1]) XVII съезд всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет, стр. 36.

Зубр царской цензуры Смирнов тут же объясняет, почему отзыв Майкова в 1871 г. был «преисполнен нерешительности и чуть ли не склонности признать книжку дозволительной» и почему в 1909 г. книжку злокозненного «пропагатора социализма» нельзя издавать.

«Теперь, — пишет цензор, — когда социалистическая проповедь из отвлеченной теории превратилась на наших глазах в социалистическое движение, сочинение Энгельса приобретает свое значение как печатное приглашение пролетариата к самой отъявленной борьбе, и не только словом, но и делом, с буржуазией, как у него называются все имущие классы, кроме рабочих. И, хотя он в своей книжке трактует только об Англии и об английских классах имущих и пролетариев, но после того, как недавно прошел по всей Европе клич: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», содержание книжки сразу получает широчайшее значение чего-то вроде общепролетарского катехизиса, даже больше того, — зажигательного воззвания к пролетариату ополчиться против имущих классов. Вся книга представляет сплошное обвинение буржуазии во всех неблагополучиях рабочего класса».

Несмотря на то что в книге написано о положении а н г л и й с к о г о рабочего класса, царский цензор чует, что эта книга является обвинительным документом и р у с с к о й буржуазии.

В чем значение, неослабевающая сила этого гениального произведения юного Энгельса, почему царские цензоры один за другим накладывали на нее свое сакраментальное «запретить»?

Что нового было в этой книге? И до Энгельса писали об ужасах нищеты, на которую обречен рабочий класс при капитализме. Эта нищета, бедствия рабочих у многих честных людей вызывали сострадание к трудящимся. Но они не могли указать выхода из этой нищеты, из этих бедствий. Видя нищету рабочих, эти люди — социалисты-утописты — ставили своей задачей убедить капиталистов в безнравственности их поступков, они хотели проповедью добиться уничтожения язв и пороков капитализма. Это было пустой, бесплодной мечтой. Великая заслуга Энгельса и Маркса состояла в том, что они в нищете рабочего класса увидели не только зло, они увидели и другую сторону дела, — что эта нищета толкает рабочий класс на борьбу против условий, обрекающих его на нищенское существование. Так родилась идея соединения социализма с рабочим движением. До этого социалистами были люди, которые не были связаны с рабочим классом и видели в последнем только зло, язву, а рабочие, хотя и боролись против капиталистов, но еще не были социалистами. Великое значение произведения Энгельса состояло в том, что в нем указывался истинный путь выхода из положения через классовую борьбу пролетариата против буржуазии, в этом произведении давался истинный лозунг борьбы.

Это еще в большей мере относится к таким произведениям, как «Л. Фейербах», «Анти-Дюринг», где великие идеи-принципы марксизма изложены в блестящей, прямо увлекательной форме. Даже царский цензор в своем отзыве о «Л. Фейербахе» отмечает эту сторону, и это вызывает его страх перед неотразимой силой гениального произведения Энгельса.

Теперь в нашей стране раз навсегда снят проклятый запрет, тяготевший над бессмертными произведениями Энгельса. Эти произведения в миллионных тиражах распространяются среди трудящихся нашей страны. Никогда не было в истории такого количества читателей философских, экономических, политических произведений, как в нашей стране, разбуженной и возрожденной великой коммунистической революцией, возвещенной в произведениях Маркса — Энгельса.

В этом кратком предисловии мы хотим указать еще на одну черту, характерную для цензурных отзывов. Наряду с вопросами о призыве к классовой борьбе

пролетариата, что являлось главным злом в произведениях Энгельса с точки зрения царской цензуры, они особенно отмечают атеистический характер марксистской философии. Враги понимали значение религии для упрочения господства помещиков и буржуазии и поэтому со всей страстностью оберегали это «святая святых» классового общества.

Это же делает и буржуазия наших дней во всех странах. Это нас обязывает не ослаблять, а усиливать борьбу против мракобесия, средневекового варварства, мистики. Враг сам указывает, где его духовная опора и чего он боится.

Тем с большей настойчивостью мы должны развертывать пропаганду нашего материалистического, атеистического мировоззрения [1]).

Ф. Константинов.

Доклад цензора А. Майкова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», Лейпциг, 1848. — 11 августа 1871 г.[2])

Книга эта издана в 1848 г. Автор рассказывает, что он посвятил 21 месяц на изучение быта рабочего класса в Англии, и изображает его в самых черных красках, выставляя буржуазию или вообще имущие классы как натуральных врагов и притеснителей рабочих. Изложение научное, исполнено цифр и цитат, так что книга, несмотря на свой тенденциозный характер, имеет серьезный вид, выходя из ряда брошюр на ту же тему, наводняющих западную литературу. Всего определеннее выражает свое направление автор в посвящении своей книги английским рабочим, на английском языке. Конечно, в настоящее время (книга издана 2-м изданием в 1848 году) вопрос о рабочих перешел множество разных фазисов в Англии, и книга утратила свой научный интерес, тем не менее я не могу доверить одному своему суждению об этой книге и представляю на усмотрение Комитета решение о дозволении или недозволении оной, прося Комитет основать свое заключение на введении: to the Working Class of Great Britain [3]).

А. Майков.

Резолюция: «Запретить».

Доклад цензора В. Смирнова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», Штутгарт, 1909.— 26 октября 1909 г. [4])

Второе издание этого сочинения давно запрещено было цензурою, еще в 1871 году, по докладу покойного А. Н. Майкова (см. рапорт № 2576, 1871 г.).

Есть запрещенные книги, — и их довольно большое количество, — которые с течением времени настолько устаревают, что цензурное запрещение отпадает потом от них по запоздалости и отсталости запретных свойств этих книг.

Нельзя сказать того же про вышеозаглавленное сочинение известного своею яростью проповедника боевого социализма и даже коммунизма Энгельса. И если отзыв рапорта А. Н. Майкова преисполнен какой-то нереши-

---

[1]) Публикуемые ниже документы хранятся в ЛОЦИА и подготовлены к печати тт. М. Л. Лурье и Л. И. Полянской.

[2]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1871 г., № 2576.

[3]) «К рабочему классу Великобритании».

[4]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1909 г., № 7182.

тельности и чуть ли не склонности признать книжку дозволительною, то это было какое-то с его стороны недоразумение, ввиду сравнительной в те поры новости и неполной выраженности социалистической проповеди и пропаганды.

Теперь же, когда социалистическая проповедь из отвлеченной теории превратилась на наших глазах в социалистическое движение, сочинение Энгельса приобретает свое значение как печатное приглашение пролетариата к самой отъявленной борьбе, и не только словом, но и делом, с буржуазиею, как у него называются все имущие классы, кроме рабочих. И хотя он в своей книжке трактует только об Англии и об английских классах имущих и пролетариев, но после того, как недавно прошел по всей Европе клич: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», содержание книжки сразу получает широчайшее значение чего-то вроде общепролетарского катехизиса, даже больше того, — зажигательного воззвания к пролетариату ополчиться против имущих классов. Вся книга представляет сплошное обвинение буржуазии во всех неблагополучиях рабочего класса. «Рабочий есть юридически и фактически раб имущего класса, буржуазии, который продается как товар» (81); «Буржуазия нисколько не интересуется его занятием, его существованием» (82). Если рабочий отваживается на открытую войну с буржуазиею в виде воровства, грабежа, убийства, то в этом виновата сама она же, доводя его до голода (89). Она не имеет никакого интереса в его образовании (112); она ставит пролетария в ужасное, нечеловеческое положение, вынуждающее его восставать против нее (119, 120, 121), дабы избавиться как-нибудь от своего порабощения ею (121). Помышляющая только о приобретении денег, буржуазия только иногда прикидывается входящею в положение и интересы рабов своих (126), да рабочие в обыкновенной-то жизни гораздо гуманнее буржуазии, ибо они больше помогают бедным, тогда как для буржуазии деньги имеют значение бога, другого бога они не знают (128, 129). В пьянстве и распутстве рабочих также виновата буржуазия, ибо им только и остается утех в жизни, тогда как буржуазия наслаждается всем вдоволь (131). Если рабочий грубо набрасывается на буржуазию, то он действует тут так же стихийно, как вода (133), и больше всего предметом преступлений рабочего, конечно, служит собственность (134). Болезни рабочих есть также плод «мерзкой жадности буржуазии к деньгам» (стр. 169). Она совращает жен и дочерей рабочего (183). Даже склонность буржуазных дам к нарядам тоже повинна в нездоровье рабочих, выделывающих эти наряды (211).

Обвиняя во всем буржуазию, Энгельс время от времени лирически изрекает ей угрозы в недалеком будущем, что, мол, «в одно прекрасное утро имущие классы будут поражены такими вещами, о которых они и не мечтают» (стр. 136). Даже в одном месте приводит целое стихотворение самого зажигательного пролетарского содержания насчет Молоха, которого должен в конце концов сокрушить гнев народа (188—189).

А затем он уже трактует о движении рабочих к освобождению себя от ига эксплоататоров, как о совершенно естественном и неизбежном последствии их экономического положения (215, 216, 217, 239), и перебирает все отрасли приложения рабочей силы, в которых тлеет ненависть к буржуазии и готовность к борьбе с нею (277, 278, 280, 296, 297), пересыпая свои собственные рассуждения цитируемыми им из других тоже задорных писателей возгласами, вроде: «Война дворцам, мир хижинам — это боевой клич раздающегося по нашей стране ужаса. Пусть богатые заметят это» (296, 297); «революция должна наступить, и теперь уже поздно помышлять о мирном разрешении дела» (299, 300).

Энгельс известен своим Коммунистическим манифестом. Нечто в этом же роде составляет и его обращение «К рабочему классу Великобритании» на английском языке в этой книге (стр. XXVII—XXIX), и А. Н. Майков предлагал Комитету основать свое суждение о книге главным образом на этом обращении. Но то, что вкратце содержится в этом зажигательном обращении, наполняет всю книгу.

Я полагаю, что тяготеющее на этом сочинении Энгельса запрещение должно быть снова подтверждено Комитетом и на дальнейшее время.

Смирнов.

Резолюция: «Запретить».

Доклад цензора А. Копылова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», Штутгарт, 1888. — 12 июня 1888 г. [1])

В названном сочинении популярно изложен прогресс философской науки в Германии после Гегеля следующим образом. Долговечный спор об отношении мышления к действительному бытию, приводящий к вопросу о том, бог ли создал мир или последний существовал вечно, разделил исследователей на две группы — идеалистов и реалистов, т. е. материалистов. Этот спор не был решен Гегелем, но тем не менее знаменитый философ дал значительный толчок для правильного понимания, и это явилось результатом не системы его, в которой автор, принимающий существование абсолютной идеи, является чистым идеалистом, а диалектики, неминуемо склоняющей к заключению об изменяемости всех жизненных явлений (см. стр. 5). После Гегеля завязалась борьба между его адептами, к которым принадлежали и идеалисты, приверженцы системы Гегеля, и материалисты, приверженцы его диалектики. Поэтому образовались разные гегелианские школы. К числу крайних гегелианцев-материалистов принадлежали в начале 40-х годов Д. Штраус, автор «Das Leben Jesu»[2]), антагонист его Бруно Бауэр, Штирнер, у которого многое заимствовал Бакунин. Но главный шаг вперед был совершен Фейербахом.

С появлением сочинения последнего «Wesen des Christenthums»[3]) материализм одержал верх. Гегелевская теория абсолютной идеи, обнаруживающейся в природе, разбита, и получило господство убеждение, что природа существует независимо от духа, что она — основание, на котором выросли люди, что вне природы и человека не существует ничего и что высшее бытие, созданное нашей религиозной фантазией, не что иное, как лишь фантастическое отражение нашего собственного бытия. Нужно было, — замечает при этом автор статьи, — самому испытать отрезвляющее действие сочинения Фейербаха, чтобы получить понятие об его значении. С непреоборимой силой внушается им убеждение, что гегелево предвечное существование абсолютной идеи—лишь фантастический остаток веры в стоящего вне мира творца, что материальный, доступный чувственному наблюдению мир — единственно действительный и что наше сознание и мышление — произведение материального органа — мозга. Не материя — произведение духа, а, напротив, дух — высший продукт материи.

Утверждение подобного принципа составляет главную заслугу Фейер-

---

[1]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1888 г., № 4660.
[2]) «Жизнь Иисуса».
[3]) «Сущность христианства».

баха, но далее он не пошел. В некоторых отдельных объяснениях он даже является идеалистом. Так, он вовсе не желает уничтожения религии, которую он толкует произвольно, полагая, что она должна быть не фантастическим отражением действительности, а связью любви между «я» и «ты», связью прямой и непосредственной. Столь же произвольно у Фейербаха определение человеческой нравственности.

Причиной, почему Фейербах не создал ничего капитального на место разрушенной им гегелевской системы, является положение естествознания в его время. Только важные открытия в этой науке в последнее время, как-то: теория развития клеточки, теория изменений в энергии природы и теория Дарвина—могли доставить материалистической философии достаточный материал для построения своей теории о связи между мировыми явлениями. Поэтому лишь в новейшее время могло явиться в философии направление, каковое одно лишь только может принести правильный плод. Это направление введено в жизнь Карлом Марксом.

Главная идея этого нового направления та, что на мир надобно смотреть не как на совокупность постоянных предметов, а как на совокупность процессов, в которых предметы, лишь повидимому постоянные, равно как и их умственные отражения в нашей голове, т. е. понятия, совершают свой непрерывный путь возникновения и исчезания. В частности то же самое явление представляет и история человеческого общества. В нем также происходит аналогический процесс развития друг друга сменяющих явлений, из которых многие в прежнее время не были как следует поняты под влиянием предвзятой идеалистами теории. Только в новейшее время сделалось вполне ясным, что основным двигателем в этом процессе смены исторических явлений оказывается борьба общественных классов, основанная на материальных интересах и долженствующая привести к экономической эмансипации. Из изложенного содержания сочинения видно, что в нем проведен по отношению к объяснению мировых явлений и признан за непреложную истину крайний материалистический, подкапывающий всякую положительную религию взгляд. Чтобы еще лучше убедиться в этом, достаточно прочесть страницы 15 и 16, вторую половину 34-й и стр. 62—66. Развитие и признание этого взгляда тем легче может поколебать религиозные чувства малоопытного читателя, что опирается, повидимому, на основания, заимствованные из области точных наук. При этом сочинение написано легко, доступным языком и отличается живым, почти увлекательным изложением. По отношению к новейшим политическим вопросам господствует воззрение писателей демократически-социалистического направления, которые главную задачу будущего общества полагают в перевороте, освобождающем человеческий труд от давящего его влияния капитала. Представители науки в Германии, отвращающиеся от рабочего вопроса, характеризуются жалкими по бездарности или нравственной испорченности рабами буржуазии и полицейского государства. Только от рабочего движения можно-де ожидать будущности, и оно в этом смысле является прямым продолжателем немецкой классической философии.

Ввиду всего доселе приведенного, я полагал бы, что разобранное сочинение, как могущее легко производить смуту и вредное влияние в голове неподготовленного читателя, допускать к свободному обращению не следовало бы.

И. д. мл. цензора К о п ы л о в.

Резолюция: «Запретить».

Доклад цензора В. Смирнова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», Штутгарт, 1907. — 15 октября 1914 г. [1])

Фейербах, Энгельс и Маркс — какая констелляция знаменитого материалиста и — крайних социалистов! И надо только удивляться усердию бывшего цензора Копылова, написавшего целую почти диссертацию, чтобы доказать необходимость запрета брошюрки в первом ее издании (см. рап. № 4660, 12 июня 1888 г.), когда ее материалистическо-социалистический облик сквозит всюду (см. в особенности стр. 14, 27, 29—33, 52 и др.). А потому и я, не утруждая внимание Комитета повторением подробной характеристики брошюры, решаюсь прямо ходатайствовать о запрещении и этого четвертого ее издания по тем же самым основаниям, по каким было запрещено и прежнее.

Смирнов.

Резолюция: «Запретить».

Доклад цензора А. Плетнева Одесскому временному комитету по делам печати о книге Ф. Энгельса «От классического идеализма к диалектическому материализму», издание Е. М. Алексеевой, Одесса, 1905.— 12 февраля 1915 г. [2])

Хотя настоящая брошюра посвящена вопросам философии и отвлеченной идеологии, но в ней красной нитью проходит намерение автора утвердить в уме читателя материалистические убеждения в ущерб всяким религиозным верованиям. Так, автор хочет объяснить веру в единого бога не божественным откровением, а простым развитием религиозного мышления. Так, на стр. 16 он говорит: «С течением времени, благодаря естественно возникающему в ходе умственного развития процессу абстракции (я чуть было не сказал процессу фильтрации), из многих, более или менее ограниченных и друг друга ограничивающих богов образовалось представление о едином боге монотеистических религий, не допускающих иных богов». В другом месте, на стр. 66, говорится о христианстве следующее: «Христианство вступило в свою последнюю стадию; оно утратило способность служить идеологическим одеяниям стремлений какого-либо прогрессивного класса; оно все более и более превращалось в монопольную собственность господствующих классов, которые пользуются им просто, как средством управления, с помощью которого можно сдерживать низшие классы в известных границах».

Такое отношение к христианству является явно кощунственным, почему полагал бы наложить арест на брошюру с возбуждением судебного преследования по 2 пункту 73 статьи уголовного уложения [3]).

А. Плетнев.

---

[1]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1914 г., № 7292.

[2]) Главное управление по делам печати, II отделение, 1915 г., д. № 84, л. 4.

[3]) 2-й пункт 73 статьи угол. ул. определял наказание за богохульство или оскорбление святынь в произведениях печати.

В результате судебного преследования, возбужденного по книге Одесским временным комитетом по делам печати, Одесский окружной суд признал проявленное в ней отношение к христианству «явно кощунственным» и приговором 15 апреля 1915 г. определил уничтожить все экземпляры книги, а также стереотипы и другие принадлежности, заготовленные для ее напечатания (Главное управление по дел. печ., II отделение, 1915 г., д. № 84).

Доклад цензора К. Виддера Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», Лейпциг, 1870. — 7 августа 1885 г. [1]).

С явною целью настроить умы низших классов против существующего государственного строя и указать на необходимость согласия в их действиях для достижения намеченной цели Энгельс, описывая ужасы крестьянской войны в Германии, пытается вызвать в читателе сочувствие Münzer'у [2]) и другим революционерам того времени (стр. 8, 11, 12, 17, 18, 24, 34, 40, 41, 42, 105, 107, 108).

Вследствие вышеизложенного, брошюра «Крестьянская война в Германии» подлежит, по моему мнению, запрещению, о чем имею честь донести Комитету.

К. Виддер.

Резолюция: «Запретить».

Отзыв цензора Пеликана о рукописи Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии (1525 г.)», представленной в Петербургский цензурный комитет 30 апреля 1897 г. [3]).

Рукопись «Немецкая крестьянская война 1525 г.», по-моему, не может быть дозволена к печати. Она принадлежит известному пропагандисту социалистических учений Энгельсу и написана с явной целью утвердить в умах читателей уверенность в благих последствиях революций. Хотя в ней говорится главным образом о Германии, тем не менее провозглашенные в ней на каждом шагу демократические и социалистические взгляды автора делают появление ее в русской печати крайне нежелательным.

Имея в виду общую известность Энгельса, я нахожу излишним излагать содержание настоящего его сочинения. В подтверждение правильности моих выводов позволю себе лишь указать на стр. 14, 19, 20, 22, 33, 41, 44, 45, 50, 51, 52, 61, 63, 64, 67, 69, 70, 73, 74, 75, 80, 84, 91, 118, 130, 134, 148, 157, 171, 172, 195, 222, 223, 228, 239, 243, 252—254 и многие другие [4]).

Цензор Пеликан.

Доклад цензора В. Смирнова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», Берлин, 1908.— 20 октября 1915 г. [5]).

Это сочинение известного рьяного пропагатора социализма Энгельса уже было запрещено во втором его издании по рапорту цензора Виддера (рапорт 7 августа 1885 г., № 5304).

---

[1]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1885 г., № 5304.

[2]) Мюнцер—один из вождей крестьянской войны в Германии.

[3]) Петербургский цензурный комитет, собрание рукописей, № 1114.

[4]) Петербургский цензурный комитет в заседании 15 мая 1897 г. постановил: «Рукопись, на основании 95 статьи устава о цензуре, к напечатанию не дозволять» (Петербургский цензурный комитет, собрание рукописей, № 1114).

Ст. 95 предписывала не допускать сочинения, излагающие «вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии».

[5]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1915 г., № 3843.

В самом деле, брошюра содержит в себе историю крестьянских войн в Германии, начиная с XVI века и до конца прошлого столетия, и в таком освещении автора, что неудачный исход этих войн имел своею причиною разрозненность революционных масс народных, отдельных княжеств немецких и даже партий, единомышленников в общем стремлении, но расходившихся в частных воззрениях, вплоть до половины прошлого столетия, когда за объединительною политическою группировкою немецкого населения около двух главных центров Пруссии и Австрии началось объединение рабочего класса и пролетариев (стр. 20, 21) в борьбе их против господствующих классов (23, 26, 27, 117, 118), каковое движение обещает стать общеевропейским (119, 120).

Полагаю, что и в настоящем издании это сочинение Энгельса не может быть дозволено к беспрепятственному распространению в публике.

Смирнов.

Резолюция: «Остаться при прежнем решении».

Доклад цензора К. Виддера Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Переворот в науке, произведенный г. Е. Дюрингом», Лейпциг, 1878. — 23 августа 1878 г. [1])

Разбирая критически сочинения Е. Дюринга, автор доказывает несообразность его философских и политико-экономических учений и особенно резко осмеивает несостоятельность его воззрений на образование коммунистических обществ с целью парализования вредного влияния капиталистов на увеличение пролетариата.

Объясняя историческое происхождение и развитие социализма, Энгельс проводит мысль (стр. 233—237), что образ производительности, практикуемый капиталистами, способствуя постепенно обращению большей части народонаселения в пролетариев, создаст вместе с тем силу, которая, под страхом собственной гибели, должна произвести переворот в существующем строе государства; последствием этого переворота, по мнению автора, должно явиться уничтожение классов и правительства.

Далее, на страницах 265—267, автор говорит, что религия есть не что иное, как фантастическое отражение в мыслях людей тех внешних сил, от которых зависит их существование; уничтожения этого отражения, в которых земные силы являются в образе сил сверхестественных, нельзя достичь одним сознанием, необходимо и дело. И вот, когда это дело будет исполнено, когда общество освободится от угнетающей его власти, когда человек будет не только предполагать, но и располагать, — тогда только исчезнет последняя посторонняя сила, отражающаяся в религии, а с тем вместе исчезнет и само религиозное отражение.

Полагая, что критический разбор сочинений Дюринга, как ученый труд, не подлежит строгости цензуры [2]), я, тем не менее, нахожу неудобным дозволение вышеизложенных воззрений критика, о чем и имею честь представить на усмотрение комитета.

К. Виддер.

Резолюция: «Запретить».

---

[1]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1878 г., № 6478.

[2]) Специальные научные труды по правилам царской цензуры не должны были рассматриваться с такой же строгостью, как книги, издаваемые «для общенародного употребления». Однако на это более снисходительное отношение могли рассчиты-

Доклад цензора А. Копылова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Переворот в науке, произведенный г. Е. Дюрингом», Штутгарт, 1894. — 15 августа 1894 г. [1])

Сочинение это в первом издании было запрещено у нас, по докладу покойного цензора Виддера. Просмотрев настоящее издание, я нашел в нем те же места, на которые обращал внимание г. Виддер, и полагаю, что нет повода к отмене решения. Главная причина цензурной меры вызывается особенно стр. 286—306, где доказывается неминуемость социалистического переворота в силу ненормального экономического быта общества, созданного нынешним капиталистическим производством. Уже и теперь условия жизни значительной массы рабочего населения ужасны, а между тем в будущем неминуемы еще большие группировки капитала в немногих лишь руках и громадное увеличение пролетариата. Все это, как скоро последний придет к большему сознанию своей силы и своих выгод, неминуемо поведет к уничтожению капитализма и государства, являющегося при социалистическом быте совершенно излишним. Задача ученых социалистов в настоящее время заключается единственно в том, чтобы ускорять наступление кризиса, просвещая пролетариев и склоняя их к единству действий.

На стр. 343—344 доказывается, что новый социалистический строй общества неминуемо уничтожит и религию, которая тогда сделается излишней.

Вообще нужно сказать, что сочинение, несмотря на свою полемическую цель и характер, может заменить вполне социалистический катехизис и по ясности и логичности доводов является опасным орудием социал-демократической пропаганды.

А. Копылов.

Резолюция: «Остаться при прежнем решении».

Доклад председателя Петербургского цензурного комитета А. Катенина главному управлению по делам печати о книге Ф. Энгельса «Философия, политическая экономия, социализм (Переворот в науке, произведенный Дюрингом)», издание В. И. Яковенко, Петербург, 1904.— 30 июля 1904 [2])

В С.-Петербургский цензурный комитет поступила 24 сего июля отпечатанная без предварительной цензуры в количестве 2450 экз. книга под заглавием: «Фридрих Энгельс. Философия, политическая экономия, социализм. (Переворот в науке, произведенный Дюрингом)». Перевод с 3-го немецкого издания, цена 1 руб. 50 коп., издание В. И. Яковенко.

Рассматривавший названную книгу цензор Соколов представил Комитету следующий доклад:

По справке в Центральном комитете иностранной цензуры от 27 июля 1904 г. сочинение Энгельса под вышеприведенным заглавием неизвестно. А немецкий подлинник под заглавием «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft», Stuttgart, 1894. XX + 354,8°, — запрещено 15 августа 1894 г. Так как, очевидно, под измененным заглавием в русском переводе

вать только издания, недоступные для широких масс читателей,—большие по объему, а следовательно дорогие по цене и отличающиеся трудностью, неудобопонятностью изложения.

[1]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1894 г., № 5854.

[2]) Главное управление по делам печати, III отделение, 1904 г., д. № 5, лл. 145—146.

является именно это запрещенное произведение Энгельса, известное в литературе под сокращенным заглавием «Анти-Дюринг», цензор не может взять на себя ответственности за выпуск этой бесцензурной книги и считает необходимым представить ее на усмотрение С.-Петербургского цензурного комитета, причем считает долгом привести следующие соображения по существу дела.

Означенная книга Энгельса была запрещена в 1894 г. С тех пор в нескольких изданиях был дозволен «Капитал» Маркса, долгое время бывший под запретом. По выходе в свет этой книги идеи Маркса много раз становились предметом обсуждения как в журнальных статьях, так и в отдельных изданиях. Теперь эти идеи и понятия для русского образованного общества ничего нового не представляют и за ними едва ли возможно признать тот особый вред, который дал бы возможность применить статью 149 [1]) к книгам научного содержания. Марксизм, в особенности так называемый «правоверный», т. е. по Марксу и Энгельсу, утратил уже остроту соблазнительной новизны и разбился на новые течения.

В марксизме поэтому необходимо отделять его теоретическую сторону от практических выводов, которые, собственно, и могут быть особенно вредными. Теоретическая критика современного капиталистического строя уже давно стала постоянным явлением нашей журналистики и литературы и ведется не только с точки зрения марксизма. А книга Энгельса, за немногими исключениями, которые будут указаны мною, ограничивается теоретическою стороною дела. В полемике с Дюрингом, тоже социалистом, даже более революционного оттенка, так как он в основе капиталистического строя видит грубое насилие, Энгельс постоянно пользуется книгою Маркса «Капитал» и приводит оттуда большие выдержки. Ввиду этого цензор затруднился бы при таком общем содержании книги подвести ее под 149 статью устава о цензуре и печати.

Но в книге есть отдельные места и страницы, которые, по мнению цензора, не могут быть дозволены и в бесцензурном издании. Особого внимания заслуживают резкие нападки автора на христианскую религию и христианскую нравственность на страницах 30, 69, 87, 88, 89, 108—119, 121—122, 122—124, 133, 137, 188, 201.

Кроме того, есть резкие места в изложении доктрины социализма, причем особенного внимания заслуживают те, которые говорят о несомненном будто бы будущем торжестве этой теории в жизни. Это на страницах 17, 155—156, 184—185, 279—280, 380—381, 387, 396—398, 404—408, 411—412, 461—465.

При исключении означенных мест книга, по мнению цензора, могла бы быть выпущена в свет.

С.-Петербургский цензурный комитет, выслушав изложенный доклад цензора, с своей стороны, нашел, что 1) книга Энгельса, под видом чисто научной полемики, написана с практической целью служения интересам социалистической партии и устранения в ней раскола, внесенного теорией Дюринга, и 2) она представляет собою краткое, но вполне ясное и доступное массе читателей изложение главнейших оснований учения Маркса и его доводов о неизбежности изменения нынешнего общественного строя на началах социалистических.

Поэтому комитет признал, что от распространения означенного издания может произойти особый вред, и постановил применить к нему 149 статью

[1]) Согласно статье 149 цензурного устава министр внутренних дел имел право представлять в комитет министров для запрещеня те вышедшие без предварительной цензуры книги, которые он признавал особо вредными. Статья эта сохраняла силу до 1905 г.

устава о цензуре и печати и представить о вышеизложенном на усмотрение главного управления по делам печати, с приложением экземпляра книги с отметками цензора [1]).

Срок выхода книги наступит завтра, 31 сего июля, в 1 час дня.

Председательствующий, член совета главного управления по делам печати.

А. Катенин.

Доклад председателя Петербургского цензурного комитета А. Катенина начальнику главного управления по делам печати о книге Ф. Энгельса «Философия, политическая экономия, социализм», издание В. И. Яковенко, Петербург, 1904.— 14 октября 1904 г. [2]).

Вследствие ходатайства издателя приостановленной выпуском в свет, на основании предписания главного управления по делам печати от 30 июля сего года за № 8020, книги под заглавием «Фридрих Энгельс. Философия, политическая экономия, социализм», В. И. Яковенко, ваше превосходительство изволили предоставить мне указать ему те места в книге, за исключением которых она могла бы быть допущена к появлению в публике, как издание отпечатанное без предварительной цензуры.

Ныне названная книга представлена в С.-Петербургский цензурный комитет в измененном виде, т. е. с исключением неудобных в цензурном отношении мест и исправлениями на страницах: 17, 30, 69, 88, 121, 122, 123, 133, 137, 155, 156, 184, 185, 188, 201, 279, 280, 380, 381, 387, 396, 397, 398, 404, 405, 406, 408, 409, 410, 411, 412, 461, 462, 463 и 464.

Находя, что от распространения перевода этого сочинения в исправленной редакции не может произойти особенный вред, предусмотренный статьею 149 устава о цензуре и печати, С.-Петербургский цензурный комитет полагает возможным выпустить вышеупомянутую книгу в свет, так как в остальной ее части она не заключает в себе чего-либо неизвестного уже интеллигентному читателю.

Об изложенном имею честь представить на усмотрение вашего превосходительства, с приложением вновь представленной книги и экземпляра в первоначальной ее редакции, в которой указаны красным карандашом исключенные места.

Срок выхода в свет книги в настоящем ее виде наступит 16 сего октября в 1 час. дня.

Председательствующий, член совета главного управления по делам печати

А. Катенин.

Доклад цензора В. Росковшенко Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Переворот в науке, произведенный г. Е. Дюрингом», Штутгарт, 1901.— 29 ноября 1906 г. [3])

Эта книга в предыдущих своих изданиях была дважды запрещена Центральным цензурным комитетом: в 1878 г. (доклад цензора Виддера, № 6478) и в 1894 г. (доклад цензора Копылова, № 5854). Энгельс в этой

[1]) Это издание было разрешено в «исправленной редакции» т.-е. с исправлением и исключением ряда «неудобных» мест. См. об этом следующий документ.

[2]) Главное управление по делам печати, III отделение, 1904 г., д. № 5, л. 173.

[3]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1906 г., № 8128.

книге проповедует борьбу труда с капиталом, чистый социализм, отвергает при социалистическом строе необходимость всякой религии; призывает пролетариат к объединению. Одним словом, эта книга является орудием пропаганды социализма и пролетариата.

В. Росковшенко.

Резолюция: «Комитет постановил остаться при прежнем решении».

Доклад цензора Н. Страхова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Социализм утопический и социализм научный», Париж, 1880. — 25 марта 1887 г. [1])

Писания Энгельса, кроме самых первых, проникнуты красным социализмом, и настоящая неопрятная брошюрка, очевидно, есть род программы или воззвания. Смотри конец, стр. 34.

Полагаю, нельзя позволить.

Н. Страхов.

Резолюция: «Запретить».

Доклад цензора барона Каульбарса Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», Берлин, 1907.— 2 февраля 1909 г. [2])

Книжка эта была запрещена в 1887 году вследствие рапорта цензора Ремезова [3]).

В настоящее время она переиздана 5-м изданием и снабжена предисловием Каутского, и кроме того приведены и прежние предисловия Энгельса. Во всех этих предисловиях подчеркивается агитационный характер издания и указывается главная цель — социалистическая пропаганда и широкое распространение в массах, чему соответствует и цена в 1 марку (3, 5, 14). Кажется, современные деятели социализма пришли к убеждению, что наиболее сильные и талантливые произведения по социализму вышли из-под пера первых апостолов сего учения, и последующие произведения далеко им уступают во всех отношениях. Вот почему старые произведения выпускаются все новыми изданиями, повторяющими одни и те же принципы и всегда стремящимися в конечном результате натравить неимущих на имущих (стр. 14, 48 и др.).

Вот почему я полагал бы и это издание запретить.

Барон Каульбарс.

Резолюция: «Комитет постановил остаться при прежнем решении».

---

[1]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1887 г., № 2258.

[2]) Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1909 г., № 883.

[3]) В кратком докладе цензора Ремезова подчеркивалось, что цель брошюры— «пропаганда социализма среди рабочих классов». (Рапорты за 1887 г., № 2447.)

Волнения крестьян на Херсонщине в 1905 г.

Публикуемые ниже материалы являются во многом аналогичными с опубликованными во LXIX—LXX томе «Красного архива» «Записками Татищева о карательной экспедиции Дубасова в Черниговской губернии». Только здесь мы имеем Херсонскую губернию и вместо Дубасова уполномоченным по подавлению крестьянских волнений выступает ген.-ад. Игнатьев 2-й.

Общим является и то, что публикуемые документы освещают лишь начальные этапы борьбы крестьянства в революции 1905 г. Читая их, не надо забывать, что весенние и летние волнения крестьян в 1905 г. — это только первые исходные этапы борьбы в деревне и что наиболее полное развитие это движение получило осенью 1905 г. и затем в 1906—1907 гг., вылившись повсеместно в широкую волну захвата земель, разгрома помещичьих имений и т. д. В публикуемых документах эта сторона дела отражена лишь косвенно — в виде невольного признания Игнатьева в конце своего доклада, что «благополучное и скорое восстановление течения жизни в Херсонской губернии не дает однако оснований думать, что порядок восстановлен раз навсегда или даже на более или менее продолжительное время. Все выясненные мною причины крестьянских волнений действуют и — быть может в целях парализовать оказанное мною влияние — будут действовать с удвоенной энергией».

Такой же «прогноз», не требовавший большего разума от предсказывающего, делал вскоре вслед за Игнатьевым и представитель низшей административной власти — одесский уездный исправник, который в своем рапорте одесскому ген.-губернатору от 15 августа 1905 г. доносил, что «беспорядки начались с 27 мая, и затишье последовало лишь в первой половине июля месяца, но я с уверенностью могу сказать, что затишье главным образом последовало благодаря подоспевшей уборке созревшего хлеба». И далее он заявлял: «В данное время с большой определенностью могу заявить вашему превосходительству, что речь впереди, что осень, т. е. время земельных сделок, при предстоящих посевах озимых хлебов и съема земли на будущий 1906 г. явится решающей и народное движение представит большое осложнение...» [1]).

Но надо подчеркнуть, что вместе с этими общими моментами публикуемые материалы имеют свою особенность. Она состоит прежде всего в том, что они ярко рисуют не вообще борьбу крестьян, а особый вид этой борьбы — стачки, снятие с работы в имениях сельскохозяйственных рабочих. Этот вид борьбы имел сравнительно широкое распространение в районах с преобладанием помещичьих экономий. Так, в правобережной Украине он составлял 13,9% ко всем видам антипомещичьей борьбы, в Приозерном крае — 14,5%, в Прибалтике — 8,1%.

В Херсонской губернии наиболее охваченными этим движением были Елисаветградский и Александрийский уезды. Игнатьев доносил Николаю II, что прибыв 22 июня, он «застал положение Херсонской губернии в следующем

[1]) Д. П., II, 1905 г., д. № 41, ч. 3, лл. 93—94.

виде: полевые работы в большей части владельческих имений в северной части Елисаветградского уезда были насильственно прекращены местными крестьянами, удалившими пришлых рабочих». «Насильственными» эти действия являлись, конечно, только по отношению к помещикам. Между крестьянами же и сельхозрабочими никаких противоречий в этом вопросе не существовало. Это видно хотя бы из того, что публикуемые документы, несмотря на то, что происходила так называемая съемка с работы, не отмечают ни одного случая столкновения крестьян и рабочих. Наоборот, Игнатьев пишет, что при этом крестьянами предъявлялось помещикам требование «значительной (по 1 рублю в день, тогда как при нормальных условиях поденная плата не превышает 30—40 коп.) прибавки поденной платы, увеличения цены на съемку хлеба и понижения арендных цен». Ясно, что в этих районах довольно значительная часть крестьян сама представляла собой тип батрака с наделом.

Стачки, особенно вначале, носили относительно мирный характер. Крестьяне, как описывает Игнатьев, ходили с «комиссиями» к помещикам, «договаривались», заставляя подписывать последних новые условия работы, назначали оплату и пр. Но, сталкиваясь с сопротивлением помещика, помещичьими и жандармскими расправами, сел.-хоз. рабочие и крестьяне переходили к разгрому помещичьих имений, революционному захвату имущества, поджогам и т. п. мерам.

Публикуемые нами телеграммы помещиков Кузнецова, Домбровского и Окулича рисуют все эти ступени борьбы крестьянства от простого «самоуправства», о котором сообщает Кузнецов, когда крестьяне «разгоняют рабочих, ставят свою прислугу, везде против воли хозяев заставляют подписывать всевозможные условия» до «систематических поджогов», о которых доносит Домбровский, заявляя, что «моя усадьба почти вся сожжена, на поле пожары не прекращаются, со всех сторон доносятся угрозы, что худшее еще впереди..., все старания крестьян направлены к вынуждению местных землевладельцев уйти с своей земли либо систематическим разорением или страхом вооруженного нападения».

В описании методов подавления движения в публикуемых материалах мы не найдем чего-либо особого. Тут выступает главное, основное, все решающее и все спасающее, по мнению помещиков, средство — расправа. Это ярко выражено словами Игнатьева. Говоря о средствах приостановки движения, он заявляет: «Рассчитывать на защиту порядка и предупреждение его нарушений самим населением пока невозможно... Влияние земских начальников в значительной мере ослаблено. Остается власть полицейская и военная». И, отчитываясь перед Николаем II, он, как мы видим, указывает прежде всего на следующее: 1) военное положение, 2) беспощадная расправа, 3) массовая высылка без суда, 4) усиление судебных репрессий. Как видно из материалов, Игнатьев был недоволен министерством юстиции.

Наряду с этим пускается в ход кое-что из демагогии, то, к чему пытался прибегать в Черниговской губернии и Дубасов — «увещания» под охраной и угрозой штыков. Так же, как и Дубасов, Игнатьев во время объезда ряда уездов выступал перед крестьянскими сходами, заявляя, что царь прислал его «сказать вам слово правды». Пытаясь уверить крестьян, что они «царем не забыты», Игнатьев старался всеми силами внушить крестьянам мысль, что «всякая собственность должна быть ненарушима», что «никаким имуществом никто не владеет даром; отцы ваши получили свои наделы на выкуп», а помещики де «покупали свои имения на деньги»! Однако в положительные результаты своих слов Игнатьев и сам мало верил. На авансцене всюду основное требование — побольше войск. И самое свое «слово правды» Игнатьев обычно

кончал все той же угрозой: «В случае каких бы то ни было покушений на собственность, порядок будет восстановлен силой».

Но Игнатьев был послан не только для подавления, но и для выяснения «истинных причин происходивших там крестьянских беспорядков».

И тут он напоминает собою ужа, который всячески вьется, чтобы обойти действительные причины движения, выдвигая на первый план известный лейтмотив погромно-антисемитской агитации. Вся беда, по Игнатьеву, в том, что евреи, опираясь на свое огромное экономическое влияние в крае, старались «привлечь на свою сторону темную массу крестьян, разжигали в последних прирожденную им алчность к земле и обольщали надеждами поживиться землей на развалинах помещичьих хозяйств».

Несомненно, что значительные слои угнетенной массы еврейского населения принимали участие в борьбе против самодержавия и помещиков. Но водораздел в этой борьбе шел не по национальной, а по классовой линии, объединяя пролетарские и трудящиеся слои еврейского населения с пролетарскими и трудящимися слоями других национальностей, тогда как, по словам самого Игнатьева, впадающего в этом случае в явное противоречие с самим собою, «солидная часть еврейского населения [то-есть как раз его богатая верхушка, на чье экономическое влияние Игнатьев так жаловался. — *И. К.*], воспитанная в духе религии, может быть признана до известной степени непричастной к смуте...».

Как однако ни уклонялся ген. Игнатьев от вскрытия действительных причин крестьянского движения, но замолчать целиком их он не мог. И тут сразу выплывает вопрос о земле. Он должен признать, что «факторы, способствовавшие развитию пропаганды, несомненно, находили себе почву в неравномерном распределении земельных угодий, находящихся в пользовании крестьян, в м а л о з е м е л ь и (подчеркнуто мною. — *И. К.*) во многих местах губернии и безземельи значительной части мещанского и крестьянского населения, занимающегося земледелием и арендующего землю у помещиков. Это последнее обстоятельство способствовало не только поднятию цен на аренду, но и появлению такого типа землевладельцев, немцев преимущественно, которые, хотя и на законном основании, тем не менее создали безусловно тяжелые условия существования окрестных крестьян; острота отношений крестьян к таким владельцам (например, помещик Ананьевского уезда князь Гагарин, в имении которого беспорядки происходили и в прежнее время) выражалась тем сильнее, чем менее землевладелец уделял им земли для аренды». И несколько ниже Игнатьев указывает: «Отсутствие выпасов, примитивный способ ведения крестьянского хозяйства и недостаточность получаемого со своих наделов хлеба вселили в них уверенность, что только большая посевная площадь может выручить их семьи от голода и нужды».

Казалось бы, приведенные здесь Игнатьевым факты достаточно обосновывают всю неизбежность крестьянских волнений. Но признать это означало признать всю непримиримость интересов крестьянства с существовавшим самодержавно-помещичьим строем. На это Игнатьев пойти, понятно, не мог. Он пытается уверить и царя и себя, что в крестьянстве еще сохранились «верноподданнические чувства», ссылаясь при этом на свои впечатления от выступлений перед «представителями обществ», т. е. перед старшинами, представлявшими собой чаще всего кулацкую верхушку деревни. Но тут же он должен признать, что «наряду с выражениями верноподданических чувств мне были сделаны и противоположные заявления в духе и по программе социал-демократов: в Глодоссах Елисаветградского уезда». Однако как отчет Игнатьева, так особенно донесение начальника Херсонского губернского жандармского управления в департамент полиции от 12 июня 1905 г. (см. стр. 34) с очевидностью

показывают, что дело не ограничивалось одними Глодоссами, но и охватывало ряд других мест, где также видно влияние социал-демократии. Для изучения крестьянского движения в революции 1905 г. публикуемые документы дают несомненно интересный материал.

И. Кузнецов.

Из отчета гр. Игнатьева 2-го по командировке в Херсонскую губернию [1].

Вашему императорскому величеству благоугодно было командировать меня в Херсонскую губернию для выяснения: 1) истинных причин происходивших там крестьянских беспорядков, 2) обстоятельств, способствовавших их возникновению, 3) освещения вопроса о том, своевременно ли приняты к предупреждению и пресечению таковых надлежащие меры, и 4) могут ли быть признаваемы существующие уже по закону у администрации полномочия достаточными.

Прибыв 22 июня в гор. Елисаветград, я застал положение Херсонской губернии в следующем виде: полевые работы в большей части владельческих имений в северной части Елисаветградского уезда были насильственно прекращены местными крестьянами, удалившими пришлых рабочих и требовавшими значительной (по 1 рублю в день, тогда как при нормальных условиях поденная плата не превышает 30—40 к.) прибавки поденной платы, увеличения цены на съемку хлеба и понижения арендных цен.

Требования эти сопровождались угрозами, последствием которых был уход только-что нанятых рабочих, бегство помещиков, лишенных возможности распоряжаться хозяйством и своими людьми, в большинстве удаленных из их имений.

Насильственных действий против личностей помещиков хотя и не наблюдалось, но обстановка и форма обращения с ними крестьян давали основание думать, что неисполнение ими предъявленных скопом требований повлечет к насилиям, исход и развитие коих трудно предугадать. Из многочисленных и разнообразных бесед моих с местными деятелями, помещиками и другими заслуживающими доверия лицами видно, что движение крестьян, носящее у них название забастовки, является продолжением исполнения плана революционной пропаганды. План этот заключается в употреблении всевозможных средств в целях создать такое положение землевладельцам, чтобы ведение ими сельского хозяйства стало невозможным. Как одно из средств, примененных агитаторами прошлой осенью, были поджоги, главным образом кормов для скота: соломы и сена. Что поджоги производились не крестьянами-хозяевами, во всяком случае, не с их согласия, и даже против их воли, — можно заключить из того, что по случаю неурожая им приходилось покупать корм и отопление у помещиков, уничтожением же их возвышалась цена и отдалялось место доставки. Таково было положение до весны настоящего года, когда начались тревожные слухи о переделах земли и отобрании таковой от помещиков. 5 июня в северной части Елисаветградского уезда начались волнения, которые совершенно последовательно подвигались, как бы

1) Печатается с копии, хранящейся в ЦВИА, ф. Гл. штаба, 16 отд., 1905 г., д. № 337.—Текст подготовил к печати А. К. Бочков.

от границ Киевской губернии, идя с севера на юг с некоторым отклонением в сторону гор. Елисаветграда и его окрестностей. Правильность и постепенность этого движения, слухи среди населения о появлении агитаторов показывают, что и здесь мы имеем дело не с волнением крестьянской массы по собственному побуждению, а с движением, организованным извне. Значительный урожай Херсонской губернии мог погибнуть, и это обстоятельство в связи с предшествовавшими явлениями, имевшими место осенью 1904 года и зимой 1905 года (поджоги), создало панический страх всего имущего сельского населения, объяснившего себе последние события как последующее действие, долженствующее перейти к захвату всего имущества, грабежам и убийствам. Попытки администрации, чинов полиции и земских начальников воздействовать на толпу увещаниями и призывом к спокойному обсуждению волновавших ее вопросов, вызывали раздражение, переходившее (в двух случаях) в личную расправу над осмелившимся произнести осуждение самовольным действиям крестьян. Уверенность в правоте предъявленных ими требований поддерживалась, несомненно, агитаторами этого движения, с одной стороны, и относительным, а подчас и безусловным равнодушием властей к таким явлениям местной жизни, которые не могли не волновать более здоровую и, следовательно, наиболее благонадежную часть населения, замечавшую тревожные признаки явлений, разыгравшихся в конце мая и июня месяцев сего года, еще осенью прошлого 1904 года. Революционная пропаганда и прокламации с призывом к мятежу и восстанию, к уничтожению собственности, сделались распространенной литературой, появляющейся в деревнях, селах и местечках Херсонской губернии. Подцензурная пресса — «Голос юга» и «Елисаветградские новости», издающиеся в Елисаветграде (первая в особенности)—систематически группировала и перепечатывала из других газет такие факты, которые служили как бы пояснительной запиской к известным и читанным уже крестьянами прокламациям. Беспрепятственное разбрасывание их практиковалось настолько широко, что даже около церквей во время пасхальной заутрени прокламации подбирались тысячами, а виновные не только часто ускользали от преследования, но даже самая попытка подойти к этому оказалась неосуществимой — за недостатком сыска и отсутствием энергичных, находчивых и добросовестных агентов общей и сельской полиции.

Условия, предшествовавшие возникновению беспорядков в Елисаветградском уезде, аналогичны с условиями других уездов. Все это—явления более или менее одного типа, различающиеся лишь частными особенностями по месту и второстепенным обстоятельствам, хотя активная деятельность пропаганды выражена в Елисаветградском уезде сильнее, потому что центром и руководительством движения нужно считать гор. Елисаветград с его более чем 30-тысячным еврейским населением, несомненно, принимавшим, в лице некоторых своих представителей, видное участие в организации задуманного движения. Вообще, чтобы выяснить ту роль, которую играют евреи в крестьянском движении, имевшем место в Херсонской губернии, необходимо сказать несколько слов о том значении, которое они имеют на юге России. Будучи на основании существующих узаконений до известной степени ограничены в своих правах, фактически евреи занимают первенствую-

щее место среди остальных народностей, населяющих юг России. Найдя благовидный предлог в бывших несколько лет тому назад еврейских погромах, они якобы в целях самообороны организовали боевые союзы, главным образом составленные из еврейской молодежи, снабдили их оружием и разрывными снарядами и только ожидали удобного случая, чтобы активно принять участие в революционном движении. Печальные события, имевшие место так недавно в гор. Одессе [1]), дали им случай применить на практике все то, к чему они уже давно готовились в тиши. Масса револьверов и разрывных снарядов, найденных при обысках у евреев в г. Одессе, большое количество евреев, мужчин и женщин, принимавших участие в уличных беспорядках, ясно указывает на ту активную и, смело можно сказать, первенствующую роль, которую они играют в революционном движении. Одновременно с организацией союзов самообороны евреи энергично занимались печатанием и распространением преступных прокламаций, в которых требовали ниспровержения существующего строя и, желая привлечь на свою сторону темную массу крестьян, разжигали в последних прирожденную им алчность к земле и обольщали надеждами поживиться землей на развалинах помещичьих хозяйств; для достижения этого рекомендовали не останавливаться ни перед чем, применяя в случае надобности поджоги и убийства. Такого рода прокламации тысячами стали появляться в селах, причем центром этой преступной агитации всегда являлись города с многолюдным еврейским населением (Елисаветград, Одесса, Ананьев), а наиболее деятельными участниками — еврейская интеллигентная молодежь. Если солидная часть еврейского населения, воспитанная в духе религии, может быть признана, до известной степени, непричастной в участии в смуте, то относительно огромного большинства евреев (молодежи), зараженных сплошь социалистическими учениями крайнего направления и притом почти без исключения состоящей из атеистов, можно с уверенностью сказать, что она составляет самый деятельный и опасный элемент революционного движения...

Беспорядки, бывшие среди крестьянского населения в июне месяце сего года, происходили, несомненно, под влиянием и под руководством революционных организаций, которые, на этот раз удерживая население от всяких крайних мер, настоятельно советовали не совершать уголовных преступлений, грабежей и насилий, а действовать массой, предъявляя самые невозможные требования к землевладельцам и подкрепляя эти требования лишь угрозами.

Некоторое разнообразие приемов, наблюдавшееся при забастовках, объясняется личным взглядом того или иного руководителя на местах. В то время когда в Елисаветградском уезде скопом прекращали работы на владельческих землях и удаляли рабочих местные же крестьяне, к которым изредка присоединялись крестьяне из соседних деревень, в Ананьевском уезде местные крестьяне принимали участие в насильственных действиях против экономий большей частью тогда, когда в село приезжали на 100—200 подводах посторонние люди, к которым уже присоединялись местные жители. Переезжая из усадьбы

---

[1]) О событиях в Одессе 14—18 июня 1905 г. во время пребывания там восставшего броненосца «Кн. Потемкин-Таврический» см. «Красный архив», т. LXIX—LXX, стр. 72—101.

в усадьбу, люди эти, кроме предъявления перечисленных выше требований, считали, что словесное изъявление помещиками согласия не гарантирует им исполнения таковых, а потому настаивали на выдаче письменных обязательств, каковые в большинстве случаев, во избежание насилий, и выдавались им землевладельцами и помещиками. Характерный случай подобного набега передал мне один из потерпевших помещиков Ананьевского уезда Кондрацкий, в имение которого на 200 подводах прибыло около 800 человек крестьян. «Я вышел к ним, — рассказывает Кондрацкий, — и, спросивши, по какому делу они приехали, предложил войти во двор; мне ответили, что еще не приехала комиссия, которая занята у соседнего помещика и без которой они разговаривать не желают, а потому войти во двор отказываются. Вскоре появилась комиссия, состоявшая из 20 человек; они вошли ко мне на балкон, сели и предложили подписать известное обязательство. Толпа, к которой присоединились местные крестьяне, сопровождавшие комиссию, вошла в сад, окружила балкон, но участия в переговорах не принимала. Напрасно я убеждал крестьян, что даже при желании они не смогут убрать моего урожая, так как сами заняты уборкой своего хлеба, что все местные люди, желавшие поступить в экономию, приняты на работу, — мне возражали, что они не могут сделать для меня исключения, так как те же требования предъявлены ко всем помещикам, и те подчинились им. После долгих, бесполезных переговоров я подписал обязательство, но, желая сохранить у себя на работе пришлых из Полтавской губернии женщин, много лет являющихся ко мне на летние работы, я испробовал средство, не имевшее впрочем успеха. Согласившись на удаление мужчин, на прибавку поденной платы, на уменьшение арендной цены и другие неудобовыполнимые для меня условия, я просил оставить женщин; предложение это принято было комиссией благосклонно; они тоже ничего бы не имели против оставления их, но не иначе, как с согласия местных крестьян, каковое после обсуждения этого вопроса всей толпой было отвергнуто, и женщины вместе с другими были удалены из имения».

В других экономиях крестьяне, удаляя служащих, тотчас же заменяли их своими людьми, определяя им жалованье, которое те должны были получать от владельцев; средствами помещика, так же как подбором людей они не стеснялись; кучеру, получавшему 200 рублей в год, они назначили 500, за неимением в своей среде машиниста они заменяли его истопником и утверждали, что он справится не хуже машиниста. Случаи удаления помещичьей прислуги бывали тоже нередки; крестьяне входили в дома, разыскивали прятавшихся на чердаках, предлагали им оставить дом и угрожали избить, а иногда и убить в случае неповиновения их требованиям. К таким моментам приурочивалось обыкновенно и сведение личных счетов, давность которых превышала подчас 10—12-летний период; требуя полной безнаказанности за свои проступки, они с озлоблением говорили либо о дешевой цене за работу, либо о взятом с кого-либо штрафе, настаивая на возвращении такового; требования эти исполнялись большей частью беспрекословно. Особенно критическое положение испытывали те из сельских хозяев, которые лишились всех без исключения служащих. Бросивши дом на произвол судьбы, они бежали из имений,

не зная, что произойдет с их имуществом и скотом, оставшимся без присмотра, без корма, без водопоя. Таким образом погибло немало сена в покосах, частью расхищенного или пришедшего в негодность. Ананьевский уезд, где движение началось позже, а уборка хлеба наступает раньше, был в особенно тяжелых условиях: каждый день промедления наносил величайшие убытки хозяевам.

Положение Херсонского, Александрийского и Тираспольского уездов было относительно спокойнее, хотя и там были единичные случаи насилий того же характера.

Собранные земские начальники Елисаветградского уезда единогласно заявили мне о постепенном падении их власти и ослаблении влияния их на крестьян; они свидетельствовали факты, заслуживающие особого внимания и указывающие на необходимость изыскания способов восстановления исчезающего в народе чувства законности, уважения к порядку и к авторитету власти. Слабость власти, безнаказанность нарушения закона и его фактическое упразднение скорее других поняла известная часть так называемой интеллигенции, пристроившаяся под разными наименованиями в качестве служащих земств, и даже некоторых учителей церковно-приходских школ; по ее примеру начинают двигаться массы городские и сельские; подстрекателей к беспорядкам уже не единицы, а десятки и сотни. Все это — революционные упражнения, революционное воспитание толпы в предвидении еще более крупных революционных операций. При таком положении авторитет власти, на котором держится порядок, поразительно быстро падает.

Весьма характерно является отношение крестьян к всемилостивейшему манифесту вашего величества по поводу рождения наследника цесаревича [1]). Большинство их отнеслось к этому акту монаршей милости недружелюбно и, так сказать, с полным разочарованием. «Все милости получили воры, разбойники и недоимщики, а что дано нам, аккуратным плательщикам». Немало недоразумений породило толкование манифеста (по случаю рождения наследника цесаревича), различного рода официальными лицами: земские начальники, исправники, пристава и даже урядники толковали его по-своему и подчас далеко не однообразно. Результатом этого явилось недоверчивое отношение как к самому акту, так и к различно толковавшим его должностным лицам, чем не преминули воспользоваться преступные агитаторы, распространяя слухи, что от крестьян скрывают помещики и должностные лица все те милости, которые вашему величеству угодно было даровать, как-то: дополнительный надел земли, обязательное увеличение заработной платы и т. п. Сложение недоимок на основании всемилостивейшего манифеста немало способствовало враждебному и недоверчивому отношению крестьян к земским начальникам, которые в силу своих служебных обязанностей настаивали на аккуратном и своевременном внесении податей и выкупных платежей, между тем таковые на основании всемилостивейшего манифеста были сложены. То же самое проявилось и по отношению к некоторым волостным старшинам, отличавшимся ревностью к безнедоимочному поступлению податей.

---

[1]) Манифест опубликован в «Правительственном вестнике» 11(24) августа 1904 г.

Темная крестьянская масса, не могущая возвыситься до истинного понимания смысла высочайше дарованных наиболее неимущей части населения облегчений, объяснила себе настояние земских начальников и старшин о своевременной уплате повинностей коварным и явно враждебным желанием лишить большинство населения высочайше дарованных милостей.

Были случаи удаления, по требованию крестьян, старшин и сельских старост вопреки желанию земских начальников; некоторым из них приходилось нередко выносить на сельских сходах вызывающе дерзкое обращение крестьян с ними, как например: «Вы уже нам надоели, зачем так часто ездите к нам, уезжайте, откуда приехали». В одном из участков крестьяне открыто заявили земскому начальнику, что если он вмешается в их земельные недоразумения с городом, то они его прогонят. Такие возгласы в последнее время не составляют исключения; они, по мнению земских начальников, являются логическим последствием и дальнейшим развитием того отношения судебной власти к подобным деяниям, которые создали в настоящее время множество ненаказуемых проступков. В практике каждого почти из них есть не один пример, свидетельствующий полную его беспомощность в деле административного руководительства крестьянами, вследствие отсутствия единства понимания вещей министерством внутренних дел и министерством юстиции, претендующим на исключительную привилегию определения добра и зла. Такое положение усугубляется в тех нередких, повидимому, случаях, когда губернская администрация, придерживаясь принципа сохранения спокойствия, предпочитает компромисс законному направлению дела; подобное отношение способствует распадению общественного порядка; проявления такого рода, хотя и кажутся мелкими, но влияние их вследствие широкого распространения этой системы действует разрушительно на народную нравственность.

На совещании, состоявшемся затем под моим председательством при участии губернатора, прокурора Одесской судебной палаты, губернского предводителя дворянства, прокурора Елисаветградского окружного суда и помощника начальника Херсонского губернского жандармского управления, постановлены были на обсуждение следующие вопросы:

1) о желательной и возможной репрессии для подавления беспорядков в уездах Херсонской губернии и

2) о распределении задержанных за указанные беспорядки лиц по категориям, сообразно их вине.

По первому пункту совещание нашло, что крестьянские беспорядки в том виде, как они представляются, по своим юридическим признакам, не (вполне) подходят под действие 269[1] статьи Уложения о наказаниях[1]) и скорее предусмотрены статьей 142 Устава о наказаниях (каковые дела начинаются в порядке частного обвинения), что с практической стороны неудобно возбуждать дела по 269[1] ст. Уложения о наказаниях, так как таких дел пришлось бы возбудить громадное количество, между тем судебных следователей очень мало, и они обременены делами; наконец, судебная палата и сенат могут признать, что в этих делах нет признаков, предусмотренных ст. 269[1] Уложения

[1]) Наказание за «участие в публичном скопище»—от 2 до 3 лет арестантских отделений; а при оказании сопротивления вооруженной силе—6—8 лет каторги.

о наказаниях, оправдательные же приговоры в подобных случаях были бы весьма нежелательны, ввиду чего надлежит возбуждать эти дела по 269 [1] ст. Уложения о наказаниях с возможной осмотрительностью.

По вопросу о репрессии совещанием выяснено, что таковая может быть выражена: а) в возбуждении дел по ст. 269 [1] Уложения о наказаниях, хотя, как видно из рассмотренных мною дел по Елисаветградскому делу, привлечение к ответственности по признакам 269 [1] ст. Уложения о наказаниях ни в одном случае не имело места; б) в содержании виновных под стражей в порядке охраны; в) в возбуждении дознания по 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства и в производстве подобных дознаний в порядке 1035 [2] ст. Устава уголовного судопроизводства [1]); г) так как движение это имеет политический характер, то необходимо возбудить общее преследование по 126 ст. Уголовного уложения [2]). Что же касается лиц задержанных, то по подробном ознакомлении со списками этих лиц совещание нашло возможным оставить некоторых из них за судебными следователями; других — освободить, при условии представления обществами, к которым они принадлежат, приговоров, выражающих обещание и ручательство за полный порядок впредь, тем более, что такие приговоры ранее того требовались губернатором; третьих представить к выселению, и четвертую категорию — лиц, привлеченных по 29 ст. Положения о государственной охране, зачислить за помощником начальника губернского жандармского управления.

Признав затем с своей стороны по обстоятельствам дела необходимым увеличить число лиц, коим могло бы быть поручено производство дознаний, и имея в виду краткость законного срока, дающего право задерживать лиц, участвовавших в беспорядках, вследствие моего сношения с товарищем министра внутренних дел свиты вашего величества генерал-майором Треповым, херсонский губернатор получил разрешение на продление срока ареста задержанных до одного месяца; для ускорения дел я просил командировать трех жандармских офицеров, поступивших по прибытии их в Елисаветград в распоряжение начальника Херсонского губернского жандармского управления.

Кроме того, мною предложено было херсонскому губернатору немедленно озаботиться замещением четырех (из 8) вакантных должностей земских начальников по Ананьевскому уезду, из коих две вакантны вследствие призыва земских начальников на действительную военную службу, а другие — за отсутствием местных кандидатов. Не могу при этом не отметить, что настроение администрации и чинов прокурорского надзора, взволнованных последними событиями в гор. Одессе и Херсонской губ., имевшими, нужно думать, общую связь, было столь мрачно, что ни губернатор, ни прокурор палаты не рассчитывали подавить беспорядки теми немногими относительно мерами, которые были в распоряжении суда и администрации. Отсутствие же, по мнению представителей министерства юстиции, в деяниях крестьян состава преступления, предусмотренного 269 [1] статьей Уложения о наказаниях,

---

[1]) Согласно этой статье дознания «о государственных преступлениях» производились жандармскими офицерами, в особо же важных случаях—лицом, назначенным царем.

[2]) Карала 8 годами каторги или ссылкой на поселение.

и трудность проведения дел в этом направлении приводило губернатора и прокурора палаты к убеждению о необходимости введения в Херсонской губернии военного положения и предания виновных суду по законам военного времени; в крайнем случае, если бы введение военного положения было отвергнуто, как мера крайняя, то признавалось необходимым ввести во всей Херсонской губернии положение об усиленной охране. Высказанный названными должностными лицами взгляд не был разделен мною по следующим соображениям:

1) Соглашаясь с представителями министерства юстиции об отсутствии в деяниях крестьян состава преступления, предусмотренного 269[1] статьей Уложения о наказаниях, я тем самым свидетельствую об отсутствии тех именно деяний, которые могли бы быть предметом суждения военного суда.

2) Кроме высказанного соображения, я не мог не иметь в виду те незначительные войсковые средства, которые могли бы быть уделены для этой цели. Военное положение, введенное без достаточного количества войск, не только не могло содействовать усилению власти и установлению порядка, но несомненно колебало бы самое значение этой чрезвычайной меры.

3) При достаточном количестве войск в пределах губернии представляется полная возможность применить все меры для удержания порядка и без объявления губернии на военном положении. Относительно сосредоточения в беспокойных уездах Херсонской губернии соответствующего числа войск мною было сделано сношение с командующими войсками Киевского и Одесского военных округов.

Что касается объявления Херсонской губернии в положении усиленной охраны, то мера эта, могущая оказать чувствительное воздействие в городах, значительно теряет свою применимость в сельских местностях, где неисполнение обязательных постановлений гораздо труднее поддается надзору, а следовательно, и взысканию. Поучительный для приведенных соображений пример являет собой гор. Елисаветград, 4 года состоящий уже на положении усиленной охраны; мера эта не имела здесь, повидимому, никакого значения (кроме повода революционной партии утверждать, что нормальными мерами правительство неспособно поддержать порядок), так как за последние три года полномочия, предоставляемые администрации положением об усиленной охране, фактически не применялись, что и дало возможность еврейскому населению гор. Елисаветграда, под предлогом самозащиты, завести массу оружия и даже, по некоторым сведениям, разрывные бомбы; пример этот ярко свидетельствует, что не столько административные полномочия, сколько надзор за выполнением указанного положения может иметь для края те или иные последствия.

Факторы, способствовавшие развитию пропаганды, несомненно, находили себе почву в неравномерном распределении земельных угодий, находящихся в пользовании крестьян, в малоземелье во многих местах губернии и безземелье значительной части мещанского и крестьянского населения, занимающегося земледелием и арендующего землю у помещиков. Это последнее обстоятельство способствовало не только поднятию цен на аренду, но и появлению такого типа землевладельцев, немцев преимущественно, которые, хотя и на законном основании,

тем не менее создали безусловно тяжелые условия существования окрестных крестьян; острота отношений крестьян к таким владельцам (например, помещик Ананьевского уезда князь Гагарин, в имении которого беспорядки происходили и в прежнее время), выражалась тем сильнее, чем менее землевладелец уделял им земли для аренды. Можно с уверенностью сказать, что не столько цена за десятину аренды, не столько низкий заработок или даже отсутствие его возбуждало крестьян против владельца, сколько нежелание последнего дать обществу или части его в аренду столько земли, сколько это являлось им необходимым. Отсутствие выпасов, примитивный способ ведения крестьянского хозяйства и недостаточность получаемого со своих наделов хлеба вселили в них уверенность, что только большая посевная площадь может выручить их семьи от голода и нужды. При этом также необходимо иметь в виду, что в Херсонской губернии, при полном отсутствии отхожих промыслов и каких-либо других побочных занятий, исключительно земледелие дает населению средства к существованию, а потому потребность в земле является особенно насущной, неравномерность же урожая, в связи с климатическими и почвенными условиями, особенно при низкой культуре крестьянских земель, вызывает потребность в значительно большей площади земли, необходимой для прокормления единицы сельского населения, по сравнению с другими губерниями.

Из моих разговоров с крестьянами я лично вынес убеждение, что в массе крестьянства живет еще в полной мере преданность вашему величеству, что отношение их к своему государю еще и поныне можно назвать патриархальным. Это во что бы то ни стало стремится поколебать революционная пропаганда, действующая на самую больную сторону крестьянской души, утверждая, что они вашим величеством забыты, что банки существуют для богатых, что бедные сами о себе должны заботиться. В сих видах я во время приема крестьян в Елисаветграде и объезда уездов Александрийского, Елисаветградского, Ананьевского и Тираспольского говорил крестьянам то, что подсказывал мне мой долгий опыт, разум и совесть. Слова, обращенные к представителям обществ и к целым сходам, как по личному моему впечатлению, так и следовавших со мной лиц губернской и уездной администрации, производили, в особенности на стариков, видимое действие. Однако же, наряду с выражениями верноподданнических чувств, мне были сделаны и противоположные заявления в духе и по программе партии социал-демократов: в Глодоссах Елисаветградского уезда, из чего заключить следует, что пропаганда пустила глубокие корни в отдельные группы населения и что противодействовать такому явлению недостаточно одними полицейскими мерами, а нужно безотлагательно обратить внимание и на экономическую сторону быта населения. Отсутствие местных заработков, частые недороды, слабая деятельность крестьянского банка, возрастающая дороговизна жизни, в связи с неустройством внутреннего быта крестьян, несомненно, способствовали успеху антиправительственной пропаганды; последняя особенно успешно действовала там, где преступным агитаторам удавалось убедить население в безвыходности его печального экономического положения. Как характерный пример того, как подчас даже лучшие элементы сельского населения поддаются влиянию преступной пропаганды, применяющей вышеуказанный способ, позволю себе привести показание

одного из участников крестьянских беспорядков, имевших место в Ананьевском уезде, крестьянина села Черново Федора Иванова Гнутова; показание его заслуживает доверия: он — глубокий старик, не пощадивший себя и откровенно сознавшийся в том, что был уполномоченным крестьян при вымогательстве от помещиков условий. Гнутов говорит: «Целую зиму во всех селах разбрасывались прокламации тысячами, и в тех прокламациях наша жизнь, которая и действительно не сладка, описывалась в таких мрачных красках, что нам самих себя становилось жалко и мы готовы были плакать над собой, как малые дети. Все-таки еще за 10 дней до начала беспорядков нам и в голову не приходила возможность собираться толпами и предъявлять требования к помещикам; за неделю до начала беспорядков три крестьянина из деревни Исаево отправились по делу в Одесский уезд. Там в деревне Черемениково они встретили какого-то господина, который спросил их, до сих ли пор еще в Ананьевском уезде прежние порядки и крестьяне находятся в кабале у землевладельцев. Получив утвердительный ответ, он сказал: «А вот у нас не так. Мы заставили целый ряд помещиков, начиная от Сухомлинова, подписать с нами выгодные условия и отдать в аренду землю по 6 рублей десятину». Затем неизвестный дал крестьянам записку с указанием условий, которые надо предъявлять помещикам. Крестьяне, возвратясь в село Исаево, рассказали односельчанам, каким образом крестьяне Одесского уезда добились льгот, и показали записку, данную им неизвестным человеком. Записку эту повезли показывать по другим селам, и через неделю тысячные толпы ездили по экономиям, предъявляя помещикам известные требования». Характерно еще то обстоятельство, что сбором в селах людей и подвод и отправлением их на известные пункты почти во всех деревнях распоряжались сельские старосты.

Существующее в Херсонской губернии положение дел, по глубокому моему убеждению, долго продолжаться не может и не должно. Распад порядка и утрата чувства безопасности у терроризованной части населения, дойдя до известных пределов, произведет разрушения в экономической жизни, которые, в свою очередь, порождая безработицу и нужду, создадут новый беспорядок. Рассчитывать на защиту порядка и предупреждение нарушений его самим населением пока невозможно; для того требуется или такая степень самодеятельности, какой у него нет, или такое сознание опасности, до которого оно еще не дошло. Влияние земских начальников, как выше указано, в значительной мере ослаблено. Остается власть полицейская и военная. К сожалению, усиливающиеся нарекания на произвол полицейской власти, в связи с общим направлением в делах государства, в значительной степени парализировали ее предупредительную деятельность. Полиция, действуя (из опасения вызвать недоразумения или бунт) обыкновенно вяло вначале, оказывается затем бессильной справиться с массовыми беспорядками. Это обстоятельство объясняет, почему гражданские власти уже не в состоянии восстановить порядок без участия, хотя бы и пассивного, военной силы, применение которой практикуется теперь так часто потому лишь, что даже в нормальное время гражданское воздействие администрации и суда проявляется чрезвычайно слабо или же не проявляется совсем из опасения не вызвать новых осложнений, которых однако могло бы и не быть.

По рассмотрении всех обстоятельств дела, личного ознакомления

на местах с характером и условиями крестьянского движения в Херсонской губернии, я нашел:

1) что истинные причины происходивших там крестьянских беспорядков заключаются в сочетании многих условий, способствовавших их возникновению. К числу таковых я отношу: а) продолжительная, беспрепятственная агитация среди крестьян и недостаточное противодействие таковой со стороны властей (суда и высшей администрации); б) общее неопределенное положение России в связи с несдержанными толками о переустройстве государственного порядка на началах демократической республики, национализации земли и отобрании имущества у владельцев; в) упадок экономический и неустройство значительной части крестьянского населения, требующего безусловного и безотлагательного внимания к себе правительства; г) упадок религиозного чувства, слабое воздействие духовенства на народную нравственность, возрастающее пьянство, невежество, неудерживаемое более страхом возмездия. С болью в сердце, вынужденным нахожусь заявить и о том прискорбном явлении, что и в среде нашего православного духовенства нашлись некоторые личности, которые не устояли против современных политических веяний; особенно тяжко отметить, что в числе деятельных пропагандистов революционного движения замечены некоторые учителя церковно-приходских школ; явление это объясняется отчасти вредным направлением, которое приняло глодосское второклассное училище, находящееся в одном из выдающихся центров антиправительственной пропаганды; о таких возмущающих душу явлениях я счел долгом лично сообщить архиепископу одесскому и херсонскому Димитрию и указал начальнику Херсонского губернского жандармского управления на необходимость при первой возможности лично явиться с подробным докладом к его высокопреосвященству.

2) Обстоятельства, способствовавшие возникновению беспорядков, заключаются в слабой деятельности всего административного аппарата, благодаря несоответствующей организации управления в уезде; полиция слаба, не понимает в большинстве случаев своих прав и обязанностей; неудовлетворительный подбор личного состава объясняется отчасти ничтожным окладом содержания.

Нельзя не указать затем на медленность разрешения судебных дел в уездных съездах, которая граничит с полным упразднением правосудия; дела назначаются к слушанию через 3—4 года, и накопление неразрешенных дел по Елисаветградскому уезду, например, достигло до 12 000; такое неудовлетворительное состояние правосудия невольно наталкивает население на необходимость самосуда и самоуправства.

3) По вопросу о своевременности принятых в Херсонской губернии предупредительных мер к пресечению беспорядков я нахожу, что с формальной стороны было сделано губернской властью следующее: херсонский губернатор доносил министру внутренних дел и в департамент полиции об угрожающем в губернии антиправительственном движении (17 февраля, 11 и 28 апреля и 27 мая 1905 г. за №№ 1458, 3052, 2213 и 4146), но никаких указаний со стороны министерства не получил. Такие же донесения делал и начальник Херсонского губернского жандармского управления на имя шефа жандармов и в департамент полиции, указывая, сверх того, и на отсутствие сыска (24 мая, 25 июня, 28 августа, 18 октября и 17 ноября 1904 г. за №№ 2208, 4195,

5097 и 5697). За 1½ месяца до возникновения беспорядков губернатор объезжал некоторые части губернии и обратился к населению с письменным воззванием, призывающим его к порядку. Земским начальникам предложено было с той же целью объезжать свои участки; зимой происходили совещания по уездам в предвидении ожидаемых беспорядков. Таким образом неудача, постигшая Херсонскую губернию, объясняется не столько бездеятельностью должностных лиц, сколько неблагоприятными условиями, сложившимися в момент возникновения беспорядков и неожиданно быстрым их развитием. Недостаточное число войск в пределах губернии, отъезд губернатора в столицу, отсутствие вице-губернатора, находившегося в отпуску, создало положение общей растерянности, влиявшей на продолжительность беспорядков и на беспрепятственное их распространение; ввиду сего я не считаю возможным утверждать, что администрация, начиная с министерства внутренних дел, своевременно приняла меры для предупреждения столь нежелательных явлений, которые вызвали особые заботы вашего величества.

4) По вопросу, могут ли быть признаны существующие уже по закону у администрации полномочия достаточными, я нахожу, что совокупностью принятых по моим указаниям мер удалось вполне сдержать серьезные волнения и привести Херсонскую губернию в состояние, дающее полную надежду на беспрепятственный сбор урожая. Благополучное и скорое восстановление течения жизни в Херсонской губернии не дает однако оснований думать, что порядок восстановлен раз навсегда или даже на более или менее продолжительное время. Все выясненные мною причины крестьянских волнений действуют, и — быть может в целях парализовать оказанное мною влияние — будут действовать с удвоенной энергией. Нельзя поручиться, что слабая репрессия, единственно возможная и допущенная в настоящее время только по особому моему сношению с министерством, будет действительна для предупреждения дальнейшего распространения подобного движения в России.

По моему глубокому убеждению, современные крестьянские волнения вызывают необходимость безотлагательного обсуждения министерствами внутренних дел и юстиции вопроса о тех изменениях в нашем законодательстве, которые должны отстранить обнаруженные недочеты как в судебной репрессии, так и в полномочиях административной власти; нельзя мириться с бессилием закона и власти бороться со злом; между тем, как выше мною доложено, не только губернатор, но и представители прокурорского надзора требовали объявления местности на военном положении.

В настоящее же время безусловно необходимо впредь до ликвидации урожая не ослаблять в Херсонской губернии ни числа войск, туда стянутых, ни тех мер воздействия, которые временно установлены, благодаря той поддержке, которую я встретил в товарище министра внутренних дел, заведующем полицией; я разумею быстрое удовлетворение телеграфных представлений херсонского губернатора о продлении до месяца срока задержания арестованных при усмирении волнений, а также быстрое разрешение представлений губернатора о выселении из пределов губернии наиболее вредных по своей деятельности лиц.

В заключение приемлю долгом всеподданнейше доложить вашему

императорскому величеству, что невозможно далее откладывать осуществление тех благих преобразований и мер в области крестьянского землевладения и землепользования, которые возвещены всенародно с высоты престола; нужно, чтобы крестьяне увидели воочию, что всемилостивейшие заботы о них царя — не одни слова. Твердая борьба с крамолой должна отрезвить сбитых с толку жертв революционной пропаганды, а осуществление царских забот о мужике возродит в нем заветную преданность и любовь к вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант граф Игнатьев 2-й.

18 июля 1905 г.

Донесение начальника Одесского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов от 2 июня 1905 г. № 6395 [1]).

Секретно.

В дополнение телеграммы моей сего числа, доношу, что, как установлено выезжавшим на места забастовок крестьян в деревни Одесского уезда местным исправником, частные забастовки начались 27 минувшего мая среди крестьян села Петровки, Распопольской волости, вблизи которого расположены хутора землевладельцев: Сафронова, Шаповаленко, Гука Габриеля, Лабунского, Сухино и других.

На эти хутора явились крестьяне до 65 человек из села Петровки, потребовали от экономических рабочих, чтобы они немедленно прекратили работы, потребовали от своих хозяев расчет и ушли бы по домам, грозя, что за неисполнение этих требований рабочие подвергнутся более решительным мерам; причем предъявили владельцам экономий требования: оплачивать труд взрослого рабочего по 1 рублю в день, полурабочего по 75 коп. и женщин по 50 копеек и пищевое довольствие за счет хозяевонанимателей. Такие же требования предъявили к землевладельцам крестьяне и в других деревнях и, кроме того, чтобы помещики без согласия крестьян не отдавали в аренду своих земель, чтобы не брали пришлых рабочих к себе на работы, а только лишь из местного населения.

До прибытия уездного исправника с сотней казаков в местность, где происходят описанные беспорядки, местным землевладельцам пришлось претерпевать во многом, так как рабочие ушли, и скот и лошади оставались без пищи и воды; по появлении казаков, без всяких насилий со стороны последних, прекратилось распространение забастовок на другие местности, а потому уездный исправник, в случае, если найдет недостаточным одной сотни казаков, предполагает ходатайствовать о посылке еще сотни.

Никаких насилий крестьян над землевладельцами не происходит, но землевладельцы, находя для себя невыгодным дать требуемую поденную плату крестьянам, таковой не дают, а крестьяне на других условиях продолжать работы не соглашаются.

Херсонскому губернатору положение дел в уезде известно из личного доклада ему вчера исправником в Одессе, где был губернатор проездом из Александрийского уезда, и вчера же он выехал из Одес-

[1]) Печатаемые ниже документы хранятся в Центральном архиве революции, ф. департамента полиции. Текст публикуемых документов подготовлен к печати т. М. А. Сыромятниковой. ДП., 1905 г., д. № 2550, ч. 9, л. 26.

сы в Херсон, предполагая быть в Одессе 7 июня для устройства совещания здесь о беспорядках в уезде и о принятии в дальнейшем мер к подавлению их.

Полковник Кузубов.

Справка департамента полиции для товарища министра внутренних дел, завед. полицией, Трепова от 10 июня 1905 г. [1]).

В Херсонской губернии особенно опасным представляется движение среди крестьян Елисаветградского уезда, где в северной его части образовался так называемый «крестьянский союз социал-демократов» [2]), и в Александрийском уезде — под влиянием разнузданной пропаганды землевладелицы Ларисы Чеботаевой [3]). Как раз в этой части губернии войск нет, кроме пехотного полка, квартирующего в Елисаветграде, а потому и ввиду разрастающегося движения среди крестьян почитаю безусловно необходимым иметь постоянно наготове конные отряды войск, по крайней мере, из сотни казаков, на ст. железной дороги Новоукраинке, как места наиболее центрального для Елисаветградского уезда, и в городе Александрии — центрального для всего уезда.

Помимо того, безусловно необходимо постоянное расквартирование в местечке Кривом Роге казачьей сотни для обеспечения спокойствия во всем обширном Криворожском рудном районе [4]).

В видах полного обеспечения других местностей губернии, угрожаемых возникновением беспорядков, представляется крайне желательным расквартирование казачьих сотен в местечке Новом Буге, Херсонского уезда, и в местечке Валегоцулово, Ананьевского уезда.

Расквартирование конных отрядов в первых трех вышеуказанных пунктах, а именно: в Новоукраинке, Александрии и Кривом Роге представляется настоятельно и существенно необходимым, без которых обойтись невозможно. Последние два пункта — мест. Новый Буг и Валегоцулово — хотя имеют меньшее значение, все же расквартирование в них отрядов признается желательным [5]).

Расквартирование конной войсковой части в г. Херсоне, как в наиболее отдаленном углу губернии, не имеющем железнодорожного сообщения с другими частями губернии, и при условии постоянного квартирования в Херсоне полка пехоты, представляется излишним [6]).

Телеграмма помещика Д. Кузнецова из Курисова министру внутренних дел от 12 июня 1905 г. [7]).

Прошу энергического содействия для прекращения самоуправства крестьян. Разгоняют рабочих, ставят свою прислугу, везде против во-

[1]) ДП, о.о., 1905 г., д. № 2550, ч. 9, л. 42.— На подлиннике пометы, сделанные Треповым (см. ниже примечания).

[2]) На полях помета: «Какие есть о сем союзе сведения?».

[3]) На полях помета: «То же?».

[4]) На полях помета: «Просить военного министра об оставлении этой сотни на постоянное расквартирование».

[5]) На полях помета: «Для сих двух пунктов просить 2 сотни у военного министра».

[6]) На полях помета: «Эту сотню можно перевести в Новый Буг;» в конце документа: «Следовательно в общем требуется добавление 2 сотен, о чем и просить экстренно как военного министра, так и командующего войсками Одесского округа, причем до прибытия сотен можно временно командировать в эти места эскадрон полка, расположенного в Т. расположе.— 10/VI 1905 г.».

[7]) ДП, о.о., 1906 г., д. № 2550, ч. 9, л. 48.

ли хозяев заставляют подписывать всевозможные условия, между тем приближается время жнив, местных рабочих будет недостаточно, и, если рабочие пришлые уйдут, урожай погибнет. Вследствие медленного отпора самоуправству движение очень быстро распространяется. Я лично не смею показаться в имение в деревню Марьяновку, Одесского уезда, Антоно-Кодинцевской волости. Сижу в Курисове, жду приезда исправника. Здесь находится только пятьдесят казаков, которые отлучаться не могут и помощи дать не могут.

Землевладелец дворянин Дмитрий Дмитриевич Кузнецов.

Телеграмма помещика Л. Домбровского из Ровного министру внутренних дел от 12 июня 1905 г. [1]).

Прошу ваше превосходительство назначить комиссию для определения моих убытков от систематических поджогов и взыскания убытков с виновных согласно манифеста. Моя усадьба почти вся сожжена, на поле пожары не прекращаются, со всех сторон доносятся угрозы, что худшее еще впереди. Тайная организация, чувствуя полную безнаказанность, действует крайне дерзко, и результаты налицо: много землевладельцев добровольно выехало из усадеб, некоторые усадьбы брошены буквально на произвол судьбы, ибо крестьяне разогнали всех служащих угрозами убить их в случае ослушания. Словом, все старания крестьян направлены к вынуждению местных землевладельцев уйти с своей земли либо систематическим разорением, либо страхом вооруженного нападения. Так носятся слухи, что посевы по их созревании будут поджигаться на пне, ибо крестьянам внушено, что посевы на пне страховыми обществами не страхуются. Недавно умерла землевладелица после ночного нападения, при котором получила более десяти ножевых ран. Крестьяне разогнали всех нанятых на троицу землевладельцами полевых рабочих, заявляя, что будут работать сами, теперь же отказываются исполнять законные требования, диктуют самые невозможные условия. Описываемые мною волнения относятся к очень обширному району. Оставаться при таких условиях в провинции невозможно, приходится все бросать накануне уборки хлебов, что поведет к колоссальному краху местного сельского хозяйства. Телеграфирую лично от себя, но весь край ждет от вашего высокопревосходительства принятия немедленных мер.

Землевладелец Семенастовой волости Елисаветградского уезда Херсонской губернии Леонид Домбровский.

Донесение начальника Херсонского губернского жандармского управления в департамент полиции от 12 июня 1905 г., № 3202 [2]).

В последнее время все усилия работающих в пределах Херсонской губернии революционных сообществ направляются на пропаганду в крестьянской среде. Пропаганда ведется главным образом путем разброски прокламаций в селах. Прокламации разбрасываются в громадном количестве. Можно сказать с уверенностью, что нет в губернии села или деревни, в которых не были бы разбросаны прокламации по несколько раз. Во второй половине прошлого, 1904, года социал-

[1]) ДП, о.о., 1905 г., д. № 2550, ч. 9, л. 50.
[2]) ДП, о.о., 1905 г., д. № 2550, ч. 9, лл. 54—56.

демократами елисаветградской организации сделана была попытка вести в деревне пропаганду как при посредстве распространения нелегальных изданий, так и устно, для чего был организован «крестьянский союз» (как фракция елисаветградской организации Рос. соц.-дем. раб. партии). Союз этот работал в пределах Елисаветградского, Александрийского и частью Херсонского уездов, причем пропагандистами и агитаторами были преимущественно народные учителя и фельдшера. С арестами главных деятелей и взятием елисаветградской типографии пропаганда в деревне на некоторое время затихла, но уже месяц спустя после ликвидации наблюдения за крестьянским союзом пропаганда вся стала вестись попрежнему, изменился только самый способ пропаганды, а именно, таковая велась только при разбросе нелегальных изданий и прокламаций, устная же пропаганда не велась совсем. По заявлениям моих секретных сотрудников всеми комитетами было признано, что между пропагандистами в рабочей среде и крестьянской есть существенная разница, так как пропагандист или агитатор, ведя пропаганду в рабочей и фабричной среде, имеет дело с людьми подготовленными и сочувствующими целям общества, почему почти не рискует, что деятельность его может быть установлена свидетельскими показаниями, тогда как, ведя устную пропаганду в деревне, он всегда рискует наскочить на лиц, несочувствующих делу пропаганды и готовых выдать пропагандиста. Вследствие изложенного решено было развозить и разбрасывать в деревнях прокламации в возможно большем количестве, причем, хотя во многих из сел и проживали члены разных сообществ, но они никогда не разбрасывали подпольной литературы в местах своего жительства, а ездили для этого за несколько десятков верст. Таким образом никогда не представлялось возможности поймать разбрасывателя с поличным, и все дела о разбросе в селах приходилось оканчивать на основании 1035 [10] ст. устава уголовного судопроизводства издания 1904 года прекращением. Между тем пропаганда велась на самой чувствительной для крестьян почве: с одной стороны, доказывалось, что землей, политой потом и кровью крестьянина, владеют крупные землевладельцы; с другой стороны, говорилось о том, что крестьяне, не имея земли и живя впроголодь, не только платят податей больше, чем крупные землевладельцы, но еще отдают своих сыновей и братьев под пули войны, совершенно ненужной и разорительной для народа. Читая ежедневно массу таких прокламаций, крестьяне, которые в Херсонской губернии действительно бедствуют, и более ожесточаясь против существующего образа правления, так как [1]), с одной стороны, в прокламациях их уверяли, что такое положение возможно лишь при существующем режиме, с другой стороны, сельские интеллигенты (служащие по вольному найму в земстве, фельдшера, акушерки, массажистки, народные учителя, статистики и т. п. люди) на вопросы крестьян по поводу прочитанного ими в прокламациях почти всегда говорили, что «там написана правда».

Придя к убеждению, что наблюдение в деревне не поможет нисколько искоренению зла, принявшего широкие размеры и в лучшем случае, благодаря такому способу наблюдения удастся изловить одного или двух разбрасывателей, я все наблюдение сосредоточил на городах и организациях, из которых шла пропаганда в деревни. Наблюде-

[1]) Так в подлиннике.

нием выяснено, что наиболее пропагандируются в Херсонской губернии Елисаветградский, Александрийский и северная часть Херсонского уезда.

В Херсонской губернии, кроме уездных городов и градоначальств Одесского и Николаевского, существует много заштатных городов, посадов и местечек с населением в несколько десятков тысяч каждый, наполовину еврейским; во всех таких городах образовались местные комитеты, от которых и командировались летучие отряды для разброски прокламаций в селах. Что же касается до литературы, которая разбрасывалась, то после взятия типографии елисаветградской организации, таковая не печаталась в пределах вверенного мне управления, а привозилась из ближайших крупных по деятельности организаций центров, а именно: в г. Херсон южные части Херсонского уезда, Тираспольский и Ананьевский уезды литература привозилась — издания Одесских комитетов, в северную часть Херсонского уезда, с Криворогским руднично-заводским районом литература доставлялась — издания Екатеринославского и Донецкого комитетов. Александрийский уезд и примыкающая к нему часть Елисаветградского уезда положительно наводнялись изданиями Кременчугского комитета. Часть Елисаветградского уезда, прилегающая к Киевской губернии, получала нелегальные издания Киевского комитета.

Месяца два тому назад я стал получать агентурные сведения, что организации Херсонского и Елисаветградского комитетов находят для себя затруднительным и дискредитирующим их деятельность распространение чужих изданий и что поэтому решено устроить тайные типографии в Херсоне и Елисаветграде, почему я усилил наблюдение в названных городах за организациями, имеющими наиболее широкое распространение, а именно за социал-демократами и «поалей-цион» (переименовавшими себя в социалистов-сионистов).

В настоящее время выяснено, что в Елисаветграде ставится небольшая типография социал-демократами, которую надеюсь обнаружить в недалеком будущем; в Херсоне же предполагается поставить три типографии тремя сообществами: 1) Херсонским комитетом социал-демократов, 2) комитетом социалистов-сионистов и 3) социалистами-революционерами....

Полковник Бурачков.

Телеграмма херсонского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, от 13 июня 1905 г., № 2138 [1]).

Охватившее Херсонскую губернию крестьянское движение, как выясняется, организовано крестьянскими комитетами, которые оказывают материальную помощь удаляемым, из экономии пришлым рабочим. Пришлые рабочие разогнаны с мест их постоянного сбора для найма. Войск в Херсонской губернии крайне недостаточно. Телеграфировал командующему войсками, более суток не имею ответа. Пехота, состоящая исключительно из запасных, совершенно неблагонадежна и мало пригодна. Есть случай, когда крестьяне разогнали приготовленные для перевозки роты подводы. Опасение что то же [2]) тогда передвижение

[1]) ДП., о.о., 1905 г., д. № 2550, ч. 9, л. 57.
[2]) Так в подлиннике.

пехоты станет невозможным. Прошу распоряжений о немедленной посылке войск, преимущественно кавалерии. Забастовка охватывает все новые места. Сельскому хозяйству грозит разорение.

И. д. губернатора Сомов.

Телеграмма помещика В. Окулич из Малой Виски министру внутренних дел от 16 июня 1905 г.

Крестьяне села Трояново Херсонской губ., Елисаветградского уезда, Новомиргородской волости, насильственно разгоняют всех рабочих с Трояновской экономии, плантации свеклы перерастают, убытка буду иметь тридцать тысяч, местные власти бессильны, войск нет, 150 штук скота голодает. Покорнейше прошу вашего заступничества. Что делать? Прошу ответ.

Новомиргород. Потомственный дворянин Василий Окулич.

Телеграмма начальника Херсонского жандармского управления в департамент полиции от 18 июня 1905 г., № 2732 [2]).

Губернатор и я объехали часть Елисаветградского уезда. После появления крестьянам [3]) заметно успокоение. В усадьбах, в которых пришлые рабочие были изгнаны, вновь допущены к работам, потравы и поджоги прекратились, составляются приговоры о недопущении впредь беспорядков в остальной части уездов; агитаторами распускаются слухи о безнаказанности волнений, так как будто бы флот и войска перешли на сторону революции [4]). Приостановленная в виду событий в Одессе присылка войск в остальные части уездов толкуется в смысле подтверждения. Положение крайне серьезное, сейчас получено достоверное сведение, что в селах Дымшно и Ивановка сильное брожение, завтра соберется сход, и приезжие агитаторы будут возбуждать к погрому помещиков; завтра выезжаем туда.

Полковник Бурачков.

Телеграмма херсонского губернатора из Елисаветграда Трепову от 17 июня 1905 г., № 2422 [5]).

Вернулся с объезда некоторых мест беспорядков. Крестьянское движение столь быстро разрастается, что нет возможности поспевать. Крестьяне скопом, пока без разгрома усадеб, изгоняют рабочих, прислугу, затем предлагают свои услуги по ценам неприемлемым, жизнь экономии прекращается, урожай может остаться неубранным, увещевания влияют мало. Попытаюсь арестами зачинщиков, организацией по ицейских отрядов, личным выездом с войсками на места парализовать движение, но ввиду огромной площади, охватываемой движением, его упорного распространения обычных мер недостаточно, положение Елисаветградского уезда опаснее Одесского; необходимы меры

[1]) ДП, о.о, 1905 г., д. № 2550, ч. 9, л. 106.
[2]) ДП, о.о., 1905 г., д. № 2550, ч. 9, л. 112.
[3]) Так в подлиннике.
[4]) Речь идет о восстании на броненосце «кн. Потемкин-Таврический».
[5]) ДП., о.о., д. № 2550, ч. 9, л. 118. На подлиннике резолюция Трепова: «Сообщить о командировании ген.-адъютанта графа А. П. Игнатьева по выяснению дня отъезда его».

чрезвычайные, ходатайствую об объявлении Елисаветградского уезда на военном положении, остальной — положении усиленной охраны, прошу об скорейшем усилении жандармского надзора; ночью выезжаю снова на места беспорядков.

Губернатор Левашов.

Из отношения начальника Одесского жандармского управления в департамент полиции от 19 июля 1905 г., № 8556[1]).

В дополнение к сообщению от 30 минувшего июня за № 7521 уведомляю департамент полиции, что производящий расследование в порядке положения об охране, о причинах возникновения крестьянских беспорядков в Одесском уезде и лицах, принимавших участие в этих беспорядках, помощник мой ротмистр Задонский, по моему поручению, в период времени с 2 по 6 сего июля обследовал деятельность крестьян-забастовщиков и других лиц в центральной части уезда Курисово-Покровской и Распольской волостях, собственно в месте первоначального возникновения беспорядков.

Из данных этой части расследования и доклада ротмистра Задонского я усматриваю, что хотя настоящее крестьянское движение и вылилось главным образом в чисто аграрного характера форму, каковым оно и явилось в северо-восточной части уезда, тем не менее, до некоторой степени, подготовлено оно было, а также и последний толчок получило от революционных элементов, сконцентрированных в Одессе и оттуда распространявших пропаганду на деревню...

Полковник Кузубов

---

[1]) ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 9, л. 173.

Из истории революционного движения в армии в 1905—1906 гг.

(Восстание 7 запасного кавалерийского полка в Тамбове)

Героическая борьба революционных масс пролетариата и крестьянства, достигшая наивысшего подъема в 1905 г., охватила также отдельные части войск царской армии. Выстрелы с «Потемкина» эхом восстаний прокатились по различным частям армии. Но в момент первых выступлений пролетариата в 1905 г. царизм довольно широко использовал армию против революции, принимая самые решительные меры к ограждению армии от проникновения в нее революционных элементов и жестоко расправляясь со всякой вспышкой революционного движения в воинских частях.

Первыми ставшими на сторону революции 1905 г. были матросы царского флота и инженерные войска, укомплектованные главным образом фабрично-заводским пролетариатом. Войсковые части других родов оружия (пехота, кавалерия, особенно казачьи части, и артиллерия) слабо вливались в революционное движение; поэтому именно эти войска и использовались для подавления революции. Так, например, при подавлении крестьянских восстаний «в Тамбовской и Воронежской губерниях действовали команды от следующих воинских частей: в Тамбовской — 2, 3, 4, 6 и 7 запасных кавалерийских полков, 21 Донского казачьего полка, 292 пехотного Пронского полка и 291 пехотного Бобровского полка, а в Воронежской — также запасных кавалерийских полков — 290 пехотного Липецкого полка и 29 Донского казачьего» [1]).

Слабое участие этих войск в революционном движении и использование их в подавлении восстаний находят объяснение в их социальном составе. При комплектовании гвардейских и кавалерийских частей царизм стремился обеспечить их более «надежным» элементом, каковым являлось кулачество. Процент грамотности в этих частях был очень невысок; правительство предпочитало укомплектовывать эти части неграмотными или малограмотными. Также малограмотна была и пехота, почти сплошь крестьянская по составу, а 80% армии состояло из пехоты и кавалерии, куда революционная пропаганда проникала с трудом.

Но помещичий гнет и разорение крестьянства, тяготы русско-японской войны и общий кризис, гнет казарм, издевательство офицеров над солдатами и, наконец, общение с восставшими не могли не повлиять на рост революционного сознания армии.

«Позорная роль палачей свободы, роль прислужников полиции не могла не открывать постепенно глаза и самой царской армии. Армия стала колебаться.

---

[1]) Из записки ген.-адъютанта Струкова, посланного в Тамбовскую и Воронежскую губ. для выяснения причин аграрных беспорядков, (Фонд ГПВК, св. 163, д. № 28, л. 126.)

Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот и полков стрелять в своих братьев-рабочих. Затем — переход части армии на сторону восстания» [1]).

Крестьянские восстания оказали огромное влияние на развитие революционного движения в армии. Солдаты из крестьян проявляют повышенный интерес к вопросам, связанным с землею. В казарме идут разговоры о переходе земли к крестьянам, о тяжелом положении крестьянства, об отпусках домой. Особенно силен этот интерес в крестьянских частях армии: пехоте и кавалерии. Май — июнь 1906 г., обнаружив всю тщетность надежд, возлагавшихся на Государственную думу, создали благоприятный момент для усиления революционных элементов среди крестьянства и армии; с другой стороны, усиление революционной пропаганды среди гвардии, кавалерии и даже казаков к этому времени оказало также должное воздействие на рост сознательности армии. Деятельность военных организаций, достигшая к этому времени наивысшего расцвета, способствовала политическому оформлению движения. Весна — лето 1906 г. характеризуются огромным ростом революционного движения в армии, охватывающего и наиболее отсталые части армии — пехоту и кавалерию. Все чаще и чаще наблюдаются случаи пропаганды солдат среди своих частей, случаи отказа от несения полицейской службы; малейшее недовольство грозит превратиться в восстание. 22 мая 1906 г выступает с требованиями 123 пехотный Козловский полк в Курске; 13 июня восстает Самурский полк; министр внутренних дел Столыпин пишет военному министру «о пропаганде в войсках нижегородского гарнизона» и «о подготовке солдат этого гарнизона к вооруженному восстанию» [2]). 6—7 июня начинается восстание в Преображенском гвардейском полку, считавшемся царским правительством одним из наиболее «благонадежных» по своему составу.

Казаки и кавалерия отказываются от несения полицейской службы, от участия в подавлении восстаний; мало того, они сами становятся революционной силой. Так, например, среди 3 отдельной казачьей сотни, посланной в июне 1906 г. на усмирение восстания в м. Юзовке (Екатерининской жел. дороги), наблюдалось «полное безучастие казаков при усмирении беспорядков, произведенных громадною толпою рабочих 22 и 23 июня: при этом толпа рабочих выражала казакам свое одобрение криками: «Браво, казаки, браво, товарищи, спасибо вам, товарищи, казаки!» [3]).

«Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось с в о е движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду. Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком. И эта казарма становится очагом революции» [4]).

Публикуемый ниже доклад посланного по горячим следам на расследование восстания 7 кавалерийского запасного полка ген.-майора Тюлина дает необычайно подробную картину происшедшего 25 июня 1906 г. в Тамбове восстания названного полка, подготовки его, постепенного нарастания и ликвидации. Доклад представляет исключительный интерес, так как автор, составляя свой до-

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. VII, стр. 379—380.
[2]) «Армия в первой революции», стр. 136; дело гл. штаба, 7 отд., № 50.
[3]) ЛОЦИА, фонд главного военно-судного управления, 3 отд., св. 398, д. № 182, л. 106.
[4]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. VIII, стр. 395.

клад тотчас после восстания, насытил его такими детальными фактическими данными, которые позволяют восстановить события во всех подробностях; с другой стороны, автор не предназначал доклада для широкого пользования, а поэтому и не пытался смягчить красок; наоборот, он дал яркую картину полного морального разложения командного состава, на смерть перепуганного восстанием и в своей растерянности не знавшего, как приступить к его ликвидации.

Причина восстания прежде всего объясняется составом этого полка, укомплектованного запасными, рвавшимися на родину, и революционной пропагандой. Восстание 7 кавалерийского запасного полка типично для всех армейских восстаний в 1905—1906 гг. Требования 7 кавалерийского полка аналогичны требованиям 138 пехотного Болховского полка, восставшего 7 июня 1906 г. Ход событий аналогичен целому ряду восстаний среди пехотных и кавалерийских частей.

Выступление 7 запасного кавалерийского полка застало начальство врасплох. Оно настолько боялось революции, что долго не знало, как поступить с восставшими. На совещании командира полка полковника Рудомино и его помощника подполковника Бодиско было решено, ввиду ненадежности тамбовского гарнизона и казаков, репрессивных мер не принимать. Солдатам разрешили даже собраться и выработать свои требования, а тем временем подтянули войска для подавления. Слабая организованность восставших дала возможность сравнительно быстро ликвидировать восстание.

Публикуемый документ, хранящийся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива, в фонде главного военно-судного управления (5 отделение, св. 12, № 223), подготовлен к печати научными сотрудниками Военно-исторического архива Д. М. Зиневичем и Л. А. Мандрыкиной.

Зиневич.

Доклад ген.-майора Тютина военному министру о восстании 7 запасного кавалерийского полка 25 июля 1907 года

18 июня после вечерней зари, в 7 запасном кавалерийском полку началось волнение по следующему поводу: дежурный по полку штабс-ротмистр Ильюшкин, проходя по узкой дорожке, встретил двух нижних чинов, из которых один, отдавая честь, задел его локтем. Штабс-ротмистр Ильюшкин остановил его, сделал замечание, заметил, что он слегка выпивши, повел его к группе нижних чинов, 20—30 человек [1]), и объяснив его проступок, спросил их: «Следует ли его арестовать?» Нижние чины ответили, что следует [2]). После этого виновный рядовой был дежурным по дивизиону отправлен под арест. По прошествии нескольких минут вахмистр 6 эскадрона доложил штабс-ротмистру Ильюшкину, что нижние чины требуют освобождения арестованного. Подойдя к нижним чинам, штабс-ротмистр Ильюшкин увидел возбужденную, шумевшую толпу и, подойдя, приказал им замолчать, что было исполнено. Тогда он предложил им вопрос: «Что вы хотите? Чтобы я освободил арестованного нижнего чина?» В ответ из толпы раздались возгласы: «Освободить! Почему не выдают амуничные деньги по 2 р. 50 к., а только по 35 коп.? Зачем за все поступки отдают под суд? Теперь вся Россия бунтует, почему же мы будем молчать?» и др. Штабс-

ротмистр Ильюшкин разъяснил им неосновательность их требований. Во время этого объяснения крики в толпе то смолкали, то вновь поднимались. Штабс-ротмистр Ильюшкин приказал им вторично замолчать и сказал, что, ввиду их общей просьбы, виновного освободит, но что это незаконно и о сем он доложит командиру полка. В это время подошел подполковник Бодиско и тоже разъяснил некоторые из их вопросов и приказал разойтись, что было исполнено не сразу и неохотно. После сего арестованный нижний чин был освобожден. По докладу временно командующему полком штабс-ротмистр Ильюшкин получил замечание за неправильный его поступок. Этот случай остался без расследования, и личности нижних чинов, бывших в толпе, остались невыясненными. Предполагается, что в толпе были нижние чины разных эскадронов [3]).

19 и ю н я весь день прошел обычным порядком, но после вечерней зари толпа нижних чинов разных эскадронов (1—6) собралась на среднем плацу с шумом, криками «ура» и хлопаньем в ладоши и, несмотря на приказание дежурного по полку офицера, штабс-ротмистра Белевцева, не разошлась, а объявила этому офицеру, что они собрались для обсуждения своих нужд. На шум подошли полковник Рудомино, подполковник Бодиско (помощник командира полка по строевой части), ротмистр Добкевич и штабс-ротмистр Журавлев и вместе с штабс-ротмистром Белевцевым стали убеждать нижних чинов обсуждать свои нужды законным путем, но на это нижние чины заявили, что в законный путь они изверились, так как он кончается всегда не в пользу нижних чинов, и что теперь они решили действовать неустановленным путем и вырабатывают петицию всем полком. В толпе слышались разные требования: о роспуске 1902 и 1903 гг., о неполучении амуничных денег в желательном размере, о плохом обмундировании, о дурном обращении офицеров и др. Полковник Рудомино сказал, что со всеми говорить зараз нельзя, что он ничего не понимает. «Если кто-либо имеет жалобу, или не получил чего-либо от казны, то выходи вперед, я объясню все подробно». На это вышли писаря Недешев, Щукин и Чухонцев [4]). Полковник Рудомино долго беседовал с ними и затем сказал, что все законные требования он удовлетворит и разберет. В заключение убеждений решительным голосом приказал толпе разойтись, но это было встречено протестующими криками и шиканьем. Тогда полковник Рудомино, отошедший уже от толпы, вернулся и, резко выбранив их, приказал разойтись и ушел. Толпа приказания не исполнила и не разошлась. Писаря Недешев, Чухонцев и Щукин открыто выражали свое недовольство на обращение с ними офицеров, причем Щукин сказал: «Мы так каждый день будем собираться на этом месте и вырабатывать свои требования». Слова его к сведению не приняты. Ни один из этих троих писарей, выделившихся как главари и впоследствии оказавшихся главными зачинщиками, арестован не был. По увещаниям оставшихся офицеров нижние чины к 12 часам ночи разошлись. На этой сходке было менее 100 человек. В тот же вечер нижние чины 3 дивизиона, расположенного отдельно в городе, в $3^1/_2$ верстах от штаба полка, по возвращении с купанья в реке, где встретились с нижними чинами первых шести эскадронов, после зари, ложась спать, шумели, кричали «ура» и хлопали в ладоши, о чем вахмистры доложили своим эскадронным командирам,

живущим в городе. К 10 часам вечера прибыл командир 8 эскадрона подполковник Каниевский, командир 9 эскадрона штабс-ротмистр Вернер и младший офицер штабс-ротмистр Филатов, как живущий поблизости. По входе офицеров в манеж беспорядок прекратился, дежурные отрапортовали, а нижние чины лежали на кроватях и все были раздеты. При выходе из манежа в подполковника Каниевского была брошена неизвестно кем пустая бутылка, а у ног вахмистра Грошева упал кирпич. Когда офицеры ушли, повторился шум и свист в манеже, однако скоро прекратившийся.

Ввиду возбужденного состояния нижних чинов, темноты и невозможности узнать виновного подполковник Каниевский сделал вид, что не обратил внимания на брошенную бутылку, а сказал, что, кажется, кошка пробежала. Командир 7 эскадрона ротмистр Голынский не доклал вахмистра о беспорядках в эскадроне, узнав, что туда прибыли некоторые офицеры, в эскадрон не пошел, так как хотя жил близко, но шум до него доносился глухо. Об этом случае в 3 дивизионе подполковник Каниевский донес временно командующему полком. В тот же вечер полковник Рудомино, собрав эскадронных командиров, спросил их, могут ли они увещанием и разъяснением воздействовать на нижних чинов и прекратить незаконные сборища и беспорядки, и получил ответ, что за успех они не ручаются, так как слишком большое возбуждение. Полковником Рудомино на это никаких распоряжений сделано не было.

20 июня, с утра до обеда, люди первых шести эскадронов несли обычную службу, хотя заметно было у некоторых нервное настроение. Нижние же чины 3 дивизиона на занятия не вышли, все собрались в манеже и просили прибывших на занятия офицеров дивизиона попросить временно командующего полком прибыть для принятия их требований. Когда прибыл полковник Рудомино и поздоровался с стоящими толпою по средине манежа нижними чинами, то ближайшие ответили, а задние кричали: «С арестантами не здороваются!». На вопрос полковника Рудомино, почему они себя называют арестантами, последние ответили, что так их назвал командир полка полковник Лысенко, за что они пойдут сегодня благодарить его. На это полковник Рудомино сказал им, что пока они еще не арестанты, но так скверно ведут себя, что многие из них легко могут сделаться арестантами, и спросил, что им надо. На это вся толпа ответила: «Желаем говорить с вами, но просим удалить офицеров и вахмистров!» Когда последние вышли, манеж был заперт, нижние чины окружили тесным кольцом полковника Рудомино, и один из нижних чинов, стоящих сзади, начал читать их требования [5]). Полковник Рудомино разъяснял незаконность каждого пункта, но после этого из толпы поднимались две руки и тогда все кричали: «Мы все желаем!». Пробыв в манеже около $2^1/_2$ часов, полковник Рудомино отправился в штаб полка, предварительно сказав подполковнику Каниевскому, чтобы вахмистр 8 эскадрона Граборенко, под предлогом болезни, был удален, что и было исполнено. Вернувшись в казармы, полковник Рудомино навестил полагающегося с 14 июня больным при полку командира полка полковника Лысенко, 18 июня произведенного высочайшим приказом в генерал-майоры с увольнением в отставку, и сообщил ему о слышанном от 3 дивизона намерении итти благодарить его. Генерал-майор Лысенко, болевший

нервным расстройством, совершенно растерялся и спрашивал совета, что ему делать. Полковник Рудомино посоветовал ввиду интересов полка и из доброжелательства к генерал-майору Лысенко, совершенно потерявшему голову, уехать в город. Такой же совет был подан подполковником Бодиско, и генерал-майор Лысенко тотчас же уехал в город, а ночью — в Москву, откуда вернулся 26 июня. В 12 часу утра в тот же день в Тамбов приехал вновь назначенный начальник 2 бригады кавалерийского запаса генерал-майор Квицинский. При встрече его на вокзале воинский начальник полковник Веселаго и и. д. старшего адъютанта штабс-ротмистр Дик доложили ему о волнении в 7 полку и засим полковник Веселаго—о неблагонадежности пехотных полков, в которых идет брожение. Кроме того, здесь же, приехавший полковой адъютант 7 запасного кавалерийского полка поручик Дьяков доложил полковнику Веселаго о том, что одним из главарей на сходках состоит писарь управления 2 бригады кавалерийского запаса Недешев. На это полковник Веселаго, исполнявший обязанности коменданта гор. Тамбова, спросил штабс-ротмистра Дик, отчего он его не арестовывает. Дик ответил, что он слышит об этом первый раз и что он сейчас его арестует. На это полковник Веселаго ответил, что не нужно арестовывать, что арестует он особо секретно, только пусть его пришлют в его управление без конвоя. Тот же вопрос об аресте писаря Недешева предложил штабс-ротмистру Дик начальник бригады и получил ответ, что его арестует сам полковник Веселаго. Посланный в тот же день в управление уездного воинского начальника под благовидным предлогом писарь Недешев вернулся в управление бригады и доложил, что полковник Веселаго не нашел за ним вины, а потому отпустил его. Об этом штабс-ротмистр Дик доложил начальнику бригады. Писарь Недешев продолжал занятия в управлении и ходил на сходки. Генерал-майор Квицинский немедленно отправился с полковником Веселаго в 3 дивизион, с которого, как ему было доложено, все началось. По входе в манеж, ответив недружно на приветствие и не исполнив приказания построиться, нижние чины начали шуметь и кричать и все вместе высказывать свои требования. Генерал-майор Квицинский обещал все законное удовлетворить и просил сейчас же приняться за службу и не выражать скопом своей жалобы и претензий, а каждый за себя, на что нижние чины сообщили, что претензии, заявленные в декабре прошлого года, до сих пор еще не разобраны, и что они отправляются в штаб полка и все вместе выработают свои требования. На это генерал-майор Квицинский сказал, что выставит войска и их туда не допустит, на что последовал общий крик: «Войска наши!», и многие стали расходиться. Тогда генерал-майор Квицинский уехал в гостиницу, куда приехал к нему отставной генерал-майор Лысенко и просил отпустить его в Москву. Генерал-майор Квицинский разрешения не дал, так как он числился больным на квартире, и сказал, что для выезда необходимо медицинское свидетельство. Приехавший представиться полковник Рудомино доложил, что в полку неблагополучно и о том, что пехотные полки ненадежны, что также подтвердил губернатор.

Отдав в тот же день приказ о вступлении в должность начальника 2 бригады кавалерийского запаса и начальника гарнизона гор. Тамбова, генерал-майор Квицинский никаких распоряжений о недопущении 3 дивизиона в казармы штаба полка не сделал и сам посетил эти казармы первый раз, по усмирении беспорядков, в первых числах

июля. Возвращаясь в полк, полковник Рудомино обогнал 3 дивизион, идущий в полк. По приезде он приказал дежурному по полку офицеру убедить 3 дивизион вернуться назад, но последний дежурного офицера не послушался. Это было в 4 часу, и остальные эскадроны, видимо, их не ждали, так как нижние чины спали еще после занятий. Люди 3 дивизиона бросились по манежам и стали будить и выгонять остальные эскадроны шашками. Полковник Рудомино собрал эскадронных командиров. На этом совещании командир 5 эскадрона сказал, что нижние чины 5 эскадрона второй день не выходят на сходку, но не знают, что им делать дальше, так как их за это преследуют и бросают в них каменьями. По показанию ротмистра Бурдукова, полковник Рудомино ответил: «Пусть идут на сходку и окажут хорошее влияние на других». После короткого совещания полковник Рудомино и подполковник Бодиско сказали, что так как весь гарнизон гор. Тамбова оказался ненадежным и на содействие пехоты, а равно и казаков, рассчитывать нельзя, то репрессивных мер принять невозможно и для успокоения и предупреждения кровопролития надо разрешить нижним чинам собраться и выработать требования, чтобы хотя узнать, чем их успокоить, но с условием соблюдения тишины и порядка, а также недопущения посторонних лиц. После этого некоторые командиры объявили своим эскадронам об этом решении начальства. Тогда нижние чины собрались в составе всего полка и трубачей с инструментами, которые взяли силой, так как полковой адъютант на требование нижних чинов выдать их разрешения не дал. Сыграв «Боже, царя храни», полк под марш отправился на большой плац, где и устроил сходку. Многие нижние чины разбежались и попрятались по манежам, конюшням, под кроватями, в канавах и в других местах. На сходке ораторы вставали на стол. Таковые были те же писаря и фельдшер Алферов[6]). Посторонних никого на сходке не было, для чего был нижними чинами выставлен караул с постами. Ближайшие к столу люди слушали, остальные же ходили, говорили и курили. На этой сходке единодушия не было. Около 7 часов сходка кончилась.

Третий дивизион по прибытии в штаб полка потребовал, чтобы ему был приготовлен здесь же ужин. Довольствующий командир 6 эскадрона ротмистр Добкевич обратился за разрешением к подполковнику Бодиско и, получив таковое, отдал распоряжение о приготовлении пищи, сначала на 150 человек, а потом, по настоянию их артельщика, на 200 человек. Придя на кухню пробовать пищу, он спрашивал кашевара, приготовлена ли пища на 3 дивизион, и получил утвердительный ответ. Весь полк со сходки демонстративно прошел с музыкой мимо офицерского флигеля до переезда через железную дорогу, откуда 3 дивизион отправился в свои казармы. У переезда ротмистр Добкевич объявил им, что ужин готовится здесь и у себя его они не получат, на что нижние чины 3 дивизиона ответили, что не будут в претензии, что останутся без ужина, так как торопятся убрать и накормить лошадей. Остальные нижние чины разошлись по эскадронам. Полковник Рудомино поехал к начальнику бригады и доложил о происшедшем, но никаких распоряжений и указаний для следующего дня не получил.

21 июня с утра занятия происходили по расписанию. К 4 часам дня 3 дивизион пришел в штаб полка. Присоединив к себе остальные эскадроны и музыку, прослушав гимн, пошли на большой плац на

сходку. На этой сходке в числе ораторов был казак[7]) и нижние чины пехотных полков. Около 7 часов вечера таким же порядком, как было накануне, разошлись по своим казармам. От начальника гарнизона активной помощи не было, а потому сходке не было поставлено никаких препятствий.

22 июня утром во всех эскадронах занятия шли по расписанию. Утром было получено приказание командира 2 бригады собрать всех нижних чинов 3 дивизиона в своем расположении к 6 часам вечера, куда приказано отправиться полковнику Жукову, временно до его приезда командовавшему бригадой, для производства расследования причин беспорядка. По отдаче этого приказания полковнику Жукову ротмистр Молчанов предложил генерал-майору Квицинскому поехать лично в другие эскадроны, в штаб полка, на что последний ответил, что с него довольно, что он был в 3 дивизионе. Означенного приказания нижние чины 3 дивизиона не исполнили и прибыли на сходку в штаб полка, а на приказание дежурного офицера по полку возвратиться в свои казармы ответили, что если полковнику Жукову угодно, то может приехать сюда. В 5 часов дня дежурный по полку офицер доложил, что нижние чины просят временно командующего полком притти к ним, и по его приходе предъявили свои требования, изложенные в 28 пунктах[8]). При чтении их и разъяснениях полковником Рудомино повторилось то же, что было в 3 дивизионе. Ввиду недоразумения, каким способом надлежит приступить к производству расследования, имея в виду громадность и продолжительность предстоящей по сему работы, начальник бригады и полковник Жуков пошли посоветоваться к военному следователю полковнику Начеву. Последний посоветовал предложить ему вместе с ними отправиться в полк, что будет им исполнено. Перед отъездом полковник Начев обратился к генерал-майору Квицинскому с просьбой поехать вместе, на что получил ответ: «Бог с ними, поезжайте одни, я вчера был в 3 дивизионе, насмотрелся и наслушался таких вещей, что долго их не забуду. Нечего сказать, хорошее наследство я получаю». Около 6 часов прибыли в полк полковники Жуков и Начев и старший адъютант бригады ротмистр Молчанов. Все офицеры полка стояли вместе при въезде на плац, а далее на плацу — толпа нижних чинов. От офицеров полковник Жуков узнал, что там происходит сходка и там же находится полковник Рудомино. Прождав полчаса, полковник Жуков послал дежурного по полку офицера доложить о своем приезде полковнику Рудомино. Подойдя к нижним чинам, полковник Жуков поздоровался, и они ответили, как следует. Он сказал им, что прислан узнать от них, чем они недовольны и что побудило их собраться таким образом. Нижние чины стояли толпой, курили, шумели и держали себя вызывающе. Кто-то громко ответил, что все, что мы хотим и для чего собрались, изложено в наших требованиях и говорить не о чем. Так как эти возражения принимали характер пререканий, то полковник Начев шепотом сказал полковнику Жукову: «Надо скомандовать: трубачам—вперед, а толпе—направо, по казармам, шагом марш». По этой команде трубачи двинулись вперед. Толпа повернула направо, но начались требования одиночных голосов итти с музыкой, так как иначе они не пойдут. Полковник Жуков дал разрешение, и нижние чины ушли. Все офицеры и полковник Жуков пошли в офицерское собрание на совещание о том, что делать. На этот вопрос, заданный пол-

ковником Рудомино полковнику Начеву, последний ответил, что надо немедленно арестовать зачинщиков [9]), которые уже известны, и тогда все кончится. На возражение, что это невозможно, полковник Начев ответил, что разве они не видят, что в полку не восстание, а глупые сходки, принявшие такие размеры только потому, что до этого допустили. Что надо выбрать человек 50 надежных и арестовать. На это последовало возражение, что их не дадут. Тогда полковник Начев ответил: «Прикажите открыть огонь». — «А если не послушаются?» — спросил полковник Рудомино. Полковник Начев ответил: «Это ваше дело. Все зависит от темперамента: один бы лично убил неповинующегося, другой убежал бы, третий потребовал бы помощи ближайшей войсковой части; в случае отказа потребовал бы таковой письменно и представил начальнику гарнизона. Тогда, по крайней мере, была бы видна распорядительность и не было бы обвинений в бездействии власти!» На это полковник Рудомино возразил, что пехота ненадежна, и на вопрос, на чем основано это убеждение, ответил, что это всем известно. Подполковник Бодиско говорил, что арестовать главарей, которые ему все известны, не представляется возможным ввиду того, что нижние чины взбунтуются и не допустят до этого, и, обратившись к ротмистру Молчанову, сказал: «Вот попробуйте арестовать своего Недешева». На это ротмистр Молчанов ответил, что арестует хоть сейчас, но для этого нужно или письменное предписание от полка, или знать, за что именно, чтобы ему объяснить это, так как арестовывать, не зная за что, считает неудобным. Ротмистр Молчанов выразил даже некоторое удивление, что Недешев считается главарем, так как он редко посещал полк; что дядя его — капитан Борисоглебского полка и есть еще родные и знакомые пехотные офицеры, часто заходившие за ним, которые, вероятно, не допустили бы его до этого. По возвращении обо всем виденном и слышанном было доложено генерал-майору Квицинскому, а полковник Начев доложил, что писарь управления бригады Недешев является одним из самых деятельных зачинщиков и что Недешева надо было бы арестовать, иначе он убежит. Генерал-майор Квицинский приказал завтра, 23 июня, арестовать во что бы то ни стало главарей в полку, но вечером, поехав к губернатору, где был полицеймейстер, спросил у них совета; последние просили этого не делать, боясь, в случае неуспеха, за город. Тогда генерал-майор Квицинский отдал приказание об отмене ареста впредь до его распоряжения.

23 и 24 июня в полку все было спокойно, сходок не было и занятия шли по расписанию. 23 июня вечером, по возвращении подполковника Бодиско из города, у временно командующего полком собрались все на совещание. В первом часу ночи к полковнику Рудомино был позван поручик Булгаков, который застал там подполковника Бодиско, ротмистров Рубинштейна и Бурдукова, и ему было сообщено решение временно командующего полком произвести арест писарей Щукина, Циплухина и фельдшера Алферова. Сделать это поручалось ему, для чего приказано было получить в свое распоряжение по шести надежных нижних чинов от эскадрона, причем сказано, что о времени ареста будет сообщено дополнительно. По показанию полковника Рудомино, распоряжение это сделано им ввиду неполучения долгое время соответствующего распоряжения начальника бригады, почему первый и ре-

шил взять дело в свои руки, боясь, чем дальше, тем больше осложнений. Вечером того же числа среди офицеров произошел разговор, что нижние чины собираются в ночь на 25 июня расправиться с офицерами самосудом и предать их смерти. Больше всех волновался и говорил по этому поводу подполковник фон Циглер. Услыхав в группе офицеров эти разговоры, полковник Рудомино сделал внушение названному штаб-офицеру. Командир 3 дивизиона, подполковник Шевченко, подал рапорт о болезни: по свидетельству полкового врача, у него найдено нервное расстройство.

25 июня в 8 часов утра поручику Булгакову передано было приказание полковника Рудомино немедленно арестовать писарей: Циплухина и Щукина и фельдшера Алферова, для чего взять конвой: одного унтер-офицера и 6 рядовых только из 4 эскадрона. На слова поручика Булгакова, что в его распоряжение назначено так мало людей, что трудно выполнить поручение, полковник Рудомино добавил, чтобы он не открывал огня по своим и, в случае попытки со стороны своих нижних чинов освободить арестованных, таковых отпустил бы. Поручик Булгаков просил разрешения взять нижних чинов не из 4, а из 5 эскадрона, в котором он состоит, так как он может выбрать из последнего хорошо известных ему самых надежных людей. Полковник Рудомино разрешение дал. Поручик Булгаков, выбрав людей [10]), приказал им взять по 20 патронов и притти к нему на квартиру для того, чтобы сохранить приготовление к аресту в тайне. Там он объяснил им цель наряда и ответственность, которой они подвергаются за неисполнение приказания. Тогда старший унтер-офицер Собинин сказал, что они не могут итти против всего полка, но когда поручик Булгаков сообщил им приказания, данные командиром полка, то они согласились. В это время он получил приказание полковника Рудомино обязательно добавить к конвою взводного унтер-офицера 4 эскадрона Одинцова [11]) (как взводного арестовываемого писаря Щукина). Удивленный таким приказанием, так как знал Одинцова за неблагонадежного, что было давно уже известно и полковому начальству, поручик Булгаков доложил по этому поводу свои возражения, но получил категорическое приказание взять его в конвой. Произведя арест без всяких затруднений, арестованных повели в тюрьму. Во всю дорогу арестованные беспрекословно повиновались поручику Булгакову, но унтер-офицер Одинцов на пути несколько раз останавливался и отказывался итти далее, говоря, что его убьет 4 эскадрон, если арестованных сдадут в тюрьму [12]). Раз остановился и весь конвой, но удалось приказанием двинуть его дальше, но когда втянулись в улицу и собралась толпа народа, тесно окружившая конвой, последний остановился во второй раз и приказания итти дальше не послушал. Толпа сочувствовала конвою и уговаривала их вернуться в казармы. Поручик Булгаков очутился в затруднительном положении: вокруг — враждебно настроенная толпа, с одной стороны, категорическое приказание временно командующего полком не употреблять оружия против своих, и с другой, — несопротивляющиеся арестованные и сопротивляющийся конвой, заставить который исполнить приказание он был не в силах. Так как конвой остановился шагах в ста от казарм Борисоглебского полка, то, передав командование старшему унтер-офицеру Собинину, поручик Булгаков, увидя, что в казармы входила полурота с винтовками, побежал просить помощи.

Встретив там одного капитана, он обратился за помощью к нему. но капитан ответил, что помочь не может, так как уезжает сегодня в отпуск и не в курсе дела. Тогда поручик Булгаков приказал дневальному вызвать кого-либо из офицеров, а сам, увидя, что конвой пошел, окликом его остановил и побежал к нему. Видя, что никто не выходит, он обратился к стоявшему вблизи унтер-офицеру Кромского полка с тем же приказанием, но тот отказался таковое исполнить. В это время из ворот казарм показался зауряд-прапорщик Муравлев; на просьбу поручика Булгакова помочь ему он ответил, что может дать 20 человек через полчаса. На возражение поручика Булгакова, что на то, чтобы взять винтовки и патроны не нужно столько времени, зауряд-прапорщик Муравлев пошел в казармы, но вернулся и сказал, что надо послать за людьми в лагерь, а что это вошел новый караул для смены. Поручик Булгаков, видя, что конвой опять пошел, бросился за ним, чтобы не упустить арестованных. По возвращении в казармы, первого встретил полковника Бодиско и, доложив ему о случившемся, получил в ответ: «Ну, и прекрасно». Поручик Булгаков доложил мне, что уменьшение конвоя с 36 до 7 человек, при наличных условиях ареста, и категорическое приказание взять в конвой ненадежного унтер-офицера, в взводе которого был главный агитатор Щукин, а также приказание полковника Рудомино не стрелять и отпустить арестованных в случае попытки освободить таковых, указывает, что начальство не придавало серьезного значения этому аресту, а старалось только соблюсти форму. Спустя около часу после увода арестованных началось волнение между нижними чинами [13]). Дежурный по полку офицер доложил полковнику Рудомино, что нижние чины собираются освободить арестованных. Полковник Рудомино немедленно приказал штабс-ротмистру Крылову отправиться в пехотный лагерь (который вблизи) и просить присылки на помощь двух рот, а сам отправился с докладом к начальнику бригады, но, не найдя последнего, попросил жандармского полковника Семенова и полицеймейстера передать начальнику бригады о случившемся и его просьбу прислать войска для прекращения беспорядка. На просьбу по сему, обращенную к командиру 217 пехотного Кромского полка полковнику Львову, последний ответил, что двух рот дать не может, а только учебную команду, и на вопрос штабс-ротмистра Крылова: «Пришлет ли он сейчас?»,—полковник Львов ответил, что сейчас не пошлет, а тогда, когда получит приказание от своего начальства. В этот день были проводы иконы вышинской божией матери. Был назначен наряд по 20 неших нижних чинов от каждого эскадрона в помощь полиции, и таковой был выполнен. Этим уменьшением людей в казармах полковник Рудомино и хотел воспользоваться, чтобы произвести арест. Означенные нижние чины, бывшие в наряде у собора, узнав об аресте товарищей, несмотря на уговоры офицеров, самовольно ушли из наряда в казармы [14]). Нижние чины 3 дивизиона, оставшиеся в казармах, разобрали винтовки, захватили 375 патронов и беспорядочною толпою направились в штаб полка. Командир 7 эскадрона ротмистр Голынский и 8—подполковник Каниевский, живущие в городе, в полк не поехали, а вернулись на свои квартиры; также не поехали в полк младшие офицеры 3 дивизона—штабс-ротмистр Гортынский и поручик Грицан, а командующий 9 эскадроном шбатс-ротмистр Вернер по ближай-

шему телефону передал о случившемся в штаб полка и на извозчике отправился в полк и доложил командиру полка о движении вооруженных людей 3 дивизиона к штабу полка. Попутно 3 дивизион снял бывших в наряде у станции железной дороги нижних чинов первых шести эскадронов [15]). Утром к начальнику бригады явился секретарь штаба округа подполковник Карпов и привез письмо начальника штаба, в котором передавалось приказание командующего войсками округа действовать для подавления беспорядков в 7 полку самым решительным образом [16]). Прочтя таковое, генерал-майор Квицинский сказал: «Так и буду поступать». В это время генерал-майор Квицинский, получив известие о начавшихся беспорядках, отправился в управление воинского начальника и начал делать распоряжения по телефону через полковника Веселаго о вывозе имеющихся на лицо рот в пехоте и полусотни казаков. Начальствовать над пехотными ротами был назначен полковник 218 пехотного Борисоглебского полка Спокойский-Францевич. Всем вызванным частям приказано было поступить в распоряжение старшего из начальников частей. После этого, прибыв на вокзал и увидев, что наряд от 7 запасного кавалерийского полка снят, полковник Веселаго, услыхав выстрелы по направлению от их казарм, приказал по телефону, по собственному почину, быть готовой одной батарее 35 артилерийской бригады, но так как об этом распоряжении никому не сказал, то батарея эта активного участия в деле не приняла.

Первое распоряжение генерал-майора Квицинского было задержать 3 дивизион, вызвав Кромцев и Борисоглебцев, но пока шли переговоры по телефону с ними и с генералом Франковским, время ушло, и 3 дивизион был уже в штабе полка. Когда генерал-майор Квицинский возбудил вопрос о снятии 300 нижних чинов Кромского и Борисоглебского полков с наряда по сопровождению иконы и посылке их в 7 полк, то полковник Веселаго усомнился в возможности исполнения этого распоряжения без ведома генерал-майора Франковского, причем выражал опасения, что вследствие скопления народа помнут архиерея и губернатора, и вообще губернатор не позволит взять этих нижних чинов из охраны. Генерал-майор Квицинский возражал, что это его власть, а не губернатора, и что он дает в помощь полиции столько, сколько находит возможным. На это полковник Веселаго стал докладывать, что для исполнения этого потребуется много времени, и затем поехал к генерал-майору Франковскому, чтобы сообщить о полученном распоряжении. За ним была послана записка о вызове эскадрона Нежинского драгунского полка, причем последний должен был поступить в распоряжение старшего из начальников частей. Так как дальнейшие события должны были совершиться в кавалерийских казармах, то бывший в управлении подполковник Карпов испросил разрешение генерал-майора Квицинского отправиться в полк, причем предложил ехать и генералу, на что последний ответил, что ему надо остаться здесь и отдавать общие распоряжения. После этого подполковник Карпов с ротмистром Молчановым уехали в полк.

Исполнение приказания в пехоте было следующим образом: командир Борисоглебского полка, полковник Константинов, тотчас же составил сводную роту, которую под командой сначала дежурного по полку, а затем догнавшего в пути капитана Горецкого, отправил к Успенскому кладбищу, на место, указанное генерал-майором Франковским по телефону и подтвержденное лично и. д. штаб-офицера брига-

ды капитаном Теннисом, где ожидалось присоединение роты Кромского полка. Начальствование над обеими ротами приказано принять полковнику Борисоглебского полка Спокойскому-Францевичу. Это было в 11½ часов утра. Командир Кромского полка, полковник Львов, получив такое же приказание, подтвержденное словесно капитаном Теннисом, итти на соединение с Борисоглебцами к Успенскому кладбищу, приказал людям пообедать и отправиться в лагерь Борисоглебского полка на присоединение к их роте. Командиром сводной роты был назначен поручик Мелентьев. Он выступил из лагеря в 12½ часов и, придя в Борисоглебский полк, вместо Успенского кладбища, не застал там полковника Спокойского-Францевича с его ротой, и, узнав, что его ждут у Успенского кладбища, повел роту туда, но не застал их и там, так как полковник Спокойский-Францевич, придя к кладбищу и не видя Кромской роты, решил ее не ждать и пошел в лагерь 7 запасного кавалерийского полка, причем никого не оставил для указания Кромцам направления взятого им пути. Генерал-майор Квицинский отдал распоряжение, что общее начальствование отрядом поручается старшему из начальников частей, генерал же майор Франковский отдал распоряжение, что роты поступают в распоряжение начальника гарнизона. Это разногласие повлекло за собою то, что общего начальника отряда не было. Полковник Спокойский-Францевич, подойдя к переезду, остановил роту за полотном железной дороги, а сам прошел в расположение полка, где встретил подполковника Бодиско, показавшего ему расположение казарм, причем он от него узнал, что пока он за командующего полком, так как полковник Рудомино поехал к начальнику бригады. Приблизительно через час передано было полковым адъютантом приказание полковника Рудомино ввести роту на двор полка. Вскоре подошел полковник Рудомино и поздоровался с ротой и, не отдав никаких приказаний, ушел. В это же время прибыли одновременно казаки и драгуны Нежинского полка (последние получили приказание значительно позднее других, но, по распоряжению командира эскадрона ротмистра Тупальского, тотчас же собрались, оставив даже водопой лошадей, и быстро прибыли по назначению) и остановились на дороге у большого плаца, казаки впереди, равняясь с подъездом канцелярии, а за ними Нежинцы. Рота Кромского полка, не найдя у кладбища Борисоглебцев, с песнями, чтобы дать им знать о своем прибытии, прошла по дороге к левому переезду и остановилась на большому плацу. В это время в манеже нижние чины разобрали винтовки и патроны, выданные некоторыми из каптенармусов, у которых таковые хранились для караульной службы и на случай вызова для усмирения беспорядков. Втечение целой недели никому не пришла мысль убрать эти патроны в пороховой погреб [17]). Бывший тут подполковник Карпов предложил подполковнику Бодиско, как старшему, еще раз сделать попытку поговорить с нижними чинами. Подполковник Бодиско отдал приказание. Некоторые эскадронные командиры пошли. Войдя с ротмистром Молчановым и командирами 1 и 2 эскадронов в манеж, где было более, чем в других, нижних чинов, подполковник Карпов, испросив разрешение командиров эскадронов поговорить с нижними чинами, стал спрашивать, почему они производят беспорядок, а не жалуются законным путем и что им нужно? Послышалось много ответов, из которых отчетливо выяснились следующие: отменили завтрак, не объяснив почему; двум жалобам ходу не дали; а

жаловавшихся кого били по морде, кого посадили под арест и отдали под суд; пища скверная, часто ее нехватает; офицеры не хотят нас знать, многие обращаются скверно: чуть что — бьют по морде (то же указание было на сходке 19 июня, когда жаловались, что с ними обращаются, как со скотами или собаками, подполковники Циглер, Каниевский и ротмистры Рубинштейн и Голынский); одеяла у старослужащих одни дыры, а у молодых новые; в отпуск домой не пускают; котлы нелуженые, боимся отравы; не увольняют в запас 1902 год; лечение в полку никуда не годится, даже не стоит ходить в лазарет; начальство и доктора за довольствием не следят и многое другое, что за сильным шумом трудно было разобрать. Во время этого разговора в помещение вбежало несколько нижних чинов и закричали: «Что вы их слушаете? Знаем мы эти розсказни! Идите скорее, все уже собираются». Все пошли к выходу. Тут подполковник Карпов сделал еще попытку остановить их, говоря: «Куда, братцы, идете с оружием? За это понесете тяжелую ответственность». Послышались возгласы: «Офицерам верить нельзя, — сегодня мошенническим путем, арестовали было троих; сказали, что поведут к военному следователю, а повели в тюрьму; еще хорошо, что караул догадался и вернул назад». В дальнейших разговорах кто-то крикнул: «Нам все равно теперь, мы решили действовать иначе, мы один за всех и все за одного», но в то же время раздались голоса: «Мы рады бы не участвовать, да эскадрон не позволяет, говорят: убьем». В это время вбежали два нижних чина [18]) и всех погнали на средний плац. Прослушав «Боже, царя храни», нижние чины запасного кавалерийского полка двинулись по направлению к переезду. Увидев здесь роту Борисоглебского полка, начали кричать «ура» и двинулись на них. Впереди толпы были те же два нижних чина, которые руководили толпой. В это время, по приказанию полковника Рудомино, командир полусотни повел казаков, не вынимая оружия, наметом, на эту толпу, но кто-то из задних казаков крикнул: «Назад!» и казаки повернули по одному, по два и наконец все, оставив командира полусотни одного. Драгуны стали кричать ему: «Долой, уходи, убьем!» и ругались площадною бранью, а один нижний чин, взяв под козырек, сказал есаулу: «Ваше в-дие, уезжайте, а то вас убьют!». Видя, как один из двух руководителей толпы прицелился, есаул Полковников повернул и уехал к своим казакам, бросившим его одного посреди мятежников. В это же время, видя, что наступил момент ему атаковать эту толпу, и не получая ни от кого приказания, так как полковник Рудомино почувствовал контузию и ушел домой, ротмистр Тупальский скомандовал: «Шашки к бою» и, зайдя правым плечом в другой проезд между казармами, так как в этом, где они стояли, атаковали казаки, повел атаку. Толпа нижних чинов 7 полка, увидя это, расступилась по сторонам и встретила Нежинцев перекрестным огнем; несколько всадников упали, оказались убиты 6 лошадей и один рядовой ранен. Сравнительно малые потери объясняются беспорядочной стрельбой, не целясь. Видя потери, ротмистр Тупальский решил, проскакав дальше, спешить эскадрон и открыть стрельбу, но когда оглянулся, то увидел, что у него один полуэскадрон. Оказалось, что бросившиеся назад казаки врезались в эскадрон и отрезали половину, которая благодаря узкому проходу (шли по шести) не могла сразу оправиться и догнать атакующий первый полуэскадрон, почему повернули назад на переезд, причем выстрелами по этому проезду

были убиты две лошади. Не видя второго полуэскадрона и не зная, что с ним, ротмистр Тупальский отказался от мысли спешиться, а проскакал в поле и послал разведчика-драгуна в объезд за железную дорогу узнать, где остальные Нежинцы, сам пошел по тому же пути, и минут через 15 к нему подошел навстречу поручик Орел со вторым полуэскадроном. В это же время передовая часть толпы бунтовщиков (эскадрон атаковал тыловую ее часть, которая, частью повернув назад, и стреляла по ним) подошла вплотную к роте Борисоглебского полка и начала приглашать роту присоединиться к ним и некоторые тащили за рукава пехотных солдат. Капитан Горецкий убеждал кавалеристов не трогать их и грозил открыть огонь, а своих подбадривал, что огонь кавалеристов холостой. Полковник Спокойский-Францевич говорил: «Назад, назад». Имея в виду, что кавалеристы, значительно превосходящие в числе, начали заходить с флангов, и, боясь быть окруженным, капитан Горецкий повернул роту направо и начал ее отводить: впереди шли нижние чины, затем полковник Спокойский-Францевич, а за ним капитан Горецкий. В эту минуту, повидимому, одним из тех же вожаков капитан Горецкий выстрелом в спину был убит [19]). Увидя это, нижние чины бросились взять тело ротного командира, но кавалеристы не давали, крича: «Не троньте, пусть валяется!» А пехотинцы отвечали, что в Манчжурии не оставляли офицеров японцам, а здесь оставим. Полковник Спокойский-Францевич, пройдя вперед, торопил нижних чинов отступать и показывал руками окружить его, а насчет тела капитана Горецкого сказал нижним чинам, идущим позади, чтобы остались, подобрали и привезли на извозчике.

Чтобы восстановить истинную картину этого эпизода, с момента смерти капитана Горецкого, я взял это с показания нижних чинов у следователя, так как показания полковника Спокойского-Францевича как мне, так и следователю, расходятся с показаниями нижних чинов, и он на предложение военного следователя подписать свое показание сказал, что подпишет, так как это его ни к чему не обязывает и он может на суде изменить свое показание, о чем составлено особое постановление военного следователя, которое и приложено к предварительному следствию. Полковник Спокойский-Францевич объяснил мне, что не открывал огня, так как не получал приказания; старшим себя не считал, и кавалеристы значительно превосходили числом. Не сделав попытки занять другую позицию, не узнав, какая судьба постигла кромскую роту, и оставив тело ротного командира, он ушел в лагерь. На мой вопрос, почему он нашел возможным оставить тело капитана Горецкого, ответил, что тело не взял оттого, что что же с ним случится?

Действия роты Кромского полка сводятся к следующему. Вступив с песнями на учебный плац и став левее драгун, поручик Мелентьев узнал, что рота Борисоглебцев в 400 шагах от него у переезда; соединиться с ней он не мог, так как единственная дорога, пролегающая между зданиями, была занята кавалерией, которая сейчас же и пошла в атаку. К нему подошел офицер 7 запасного кавалерийского полка очень взволнованный и просил охранять пороховой погреб, чтобы его не успели захватить бунтовщики. Открылся сильный огонь со стороны кавалеристов по отступающим Нежинцам и казакам, и рота легла в цепь, а когда драгуны очистили двор, то огонь перенесли на роту. По-

ручик Мелентьев приказал зарядить ружья, но без команды не стрелять, так как не видел стрелявших из-за закрытий. Чтобы не нести напрасных потерь, так как рота лежала на плацу открыто и рикошеты. ложились перед самым фронтом, поручик Мелентьев отвел частями роту назад и занял канаву, окаймляющую учебный плац, в 200 шагах позади первой позиции. Увидя, что пехота отступает, кавалеристы стали выступать из-за конюшен и зданий кучками по 5—6 человек и, стоя совершенно открыто, стреляли по цепи; в то же время у порохового погреба их показалось до 40 человек, которые тоже открыли стрельбу. Тогда поручик Мелентьев дал два залпа по-взводно, два по отделениям и несколько одиночных выстрелов; кавалеристы тотчас же скрылись и стрельбу прекратили. Не получая никаких приказаний, видя, что казаки ушли и никто во дворе не показывается, поручик Мелентьев очистил канаву и отвел роту к переезду, где остановился и послал за приказаниями к полковнику Францевичу, но, узнав, что весь отряд ушел, повел роту сначала в Борисоглебский полк, где явился полковнику Спокойскому-Францевичу и доложил о своих действиях. Сомневаясь, правильно ли он поступил, что, не получая приказания, открыл огонь, спросил об этом полковника Константинова, который его действия одобрил. Все вышеописанное продолжалось не более 15 минут. Полковник Рудомино ушел на квартиру, куда ушли часть офицеров, а другая — по своим квартирам и в офицерское собрание, так как роль их была пассивная, а стрельба по проездам полка была сильная. Штабс-ротмистры Ильюшкин и Журавлев пошли не в казармы, а в город. Когда начальник бригады увидел их, то пригласил в управление воинского начальника, где было совещание. Около 12 часов этого же дня генерал-майор Квицинский зашел к военному следователю полковнику Начеву, живущему с ним в одном доме, и сообщил, что в 7 полку беда, и он сделал распоряжение послать туда отряд на усмирение. Полковник Начев выразил намерение поехать в полк и спросил начальника гарнизона, не угодно ли будет ему ехать вместе. Генерал-майор Квицинский ответил утвердительно и пошел к себе. Когда чрез четверть часа полковник Начев пришел за ним, то генерал-майор Квицинский ехать отказался, сказав: «Вам можно, вас никто не удерживает, а меня не пускают... вот!» и показал на жену и дочерей. После этого генерал-майор Квицинский предложил вместе отправиться в управление уездного воинского начальника. Скоро туда приехали временно командующий 55 резервной бригадой генерал-майор Франковский, полковник Веселаго, батарейный командир подполковник Никитин и поручик той же батареи Завалишин. Это было около часу дня. В два часа прибыли туда же подполковник Карпов с ротмистром Молчановым и доложили о всем происшедшем в казармах. (Туда же были позваны проходившие мимо штабс-ротмистры Журавлев и Ильюшкин). Генерал-майор Квицинский отдал приказание генерал-майору Франковскому взять все наличные войска с артиллериею и усмирить бунтовщиков. Тогда батарейный командир, ни к кому не обращаясь, вопросительно сказал: «Как! В своих стрелять?» На это генерал-майор Квицинский ему ответил, что они не свои, так как изменили долгу и присяге, а полковник Начев вставил, что восставшие свои хуже японцев. Кто-то сказал, что бунтовщики засели в каменном здании и их невозможно выбить. Тогда генерал-майор Квицин-

ский, обращаясь к батарейному командиру, сказал: «Открыть огонь гранатой и разгромить казармы». На это командир батареи ответил, что у него нет гранат, а есть только шрапнели, которыми нельзя стрелять по зданиям. Полковник Начев сказал, что при увеличении дистанционной трубки шрапнель может сыграть роль гранаты. Так как полковник Начев всегда говорит повышенным голосом, то поручик Завалишин, обращаясь к нему, сказал: «Не беспокойтесь, г. полковник, у нас есть ударные трубки, и мы можем действовать как гранатой». В дальнейших спорах о действиях снарядов было сказано, что действовать на картечный выстрел невозможно, так как могут перестрелять артиллерийскую прислугу поодиночке, а пользы артиллерия не принесет. Военный следователь на это сказал: «Стоит пустить только две шрапнели, и это произведет такое моральное впечатление, что останется только сказать: «Вяжите мерзавцев-зачинщиков!». На что генерал-майор Франковский, обращаясь к полковнику Начеву, возразил вопросительно: «А кто же подойдет и скажет это, г. полковник?» Полковник Начев только развел руками, а кто-то из присутствующих ответил, что в этом не будет и надобности, так как сами сдадутся. В это же время генерал-майор Франковский рассматривал план гор. Тамбова и приказал кавалерийским офицерам начертить кроки местности. Все это продолжалось очень долго (более часу). Генерал-майор Квицинский торопил генерал-майора Франковского приступить к делу, а кто-то вполголоса даже заметил: «Точно собираемся Мукден брать, стоит только подъехать к казармам и все будет видно, как на ладони». Было уже около четырех часов, когда остановились на решении, что артиллерия обстреляет казармы, а когда нижние чины 7 полка выйдут из них, то их встретит пехота. Действия предположено начать в 6 часов. Затем генерал-майор Квицинский, обращаясь к генерал-майору Франковскому, сказал: «Ну, ваше превосходительство, поезжайте и помоги вам бог», причем, указав на кавалерийских офицеров, сказал: «Вот вам проводники». На это штабс-ротмистр Ильюшкин, ни к кому не обращаясь, сказал: «Вам хорошо, а ведь нам с ними жить». Видя, что эти слова не вызвали должного внушения старших присутствующих лиц, надлежащее внушение было сделано военным следователем. Последний и подполковник Карпов изъявили желание быть при отряде. К 6 часам вечера генерал-майор Квицинский получил от генерал-майора Франковского рапорт, в котором было сказано, что, имея всего лишь три роты, не имеет возможности проявить какие-либо активные действия против 9 эскадронов, к тому же засевших в казармах. Ввиду прихода завтрашнего числа пехотного полка полагает более целесообразным принять оборонительное положение, и заключил рапорт словами: «На-авось действовать нельзя, надо действовать, наверняка». На это генерал-майор Квицинский послал ему предписание: «Все части подчинены вам, инициатива действий принадлежит вашему превосходительству, и вам надлежит действовать по обстоятельствам». Сведения генерала Франковского о том, что у него всего только 3 роты, были совершенно неверны, так как он не проверил наряда. При расследовании этого вопроса и видя, что наряд преувеличен, я принял широко все требования полковых командиров в необходимом наряде людей для внутренней службы и все-таки в 6 часов вечера в наряд для усмирения можно было выставить: Кромского полка 535 чел. и Борисоглебского полка 575 чел., т. е. не 3 роты, а вдвое больше, а кроме

того, генерал-майор Франковский не принял в расчет 3 батареи артиллерии, полусотню и эскадрон драгун. Кавалеристов же 7 запасного полка нельзя было считать силою в девять эскадронов, так как генерал-майор Франковский знал, что бунтует только около половины, причем они действовали без всякого руководства толпой, а у него был отряд из трех родов оружия под командой офицеров. Генерал Франковский оставил артиллерию наготове и эскадрон 52 Нежинского драгунского полка в ее прикрытии. Пехота назначила дежурные части, выставила заставы и патрулировала вокруг лагеря. Так продолжалось до утра 27 июня, когда пришел Можайский полк [20]).

25-го, после возмущения, события в штабе полка протекли следующим образом. Полковник Рудомино все время оставался на квартире, где был старший врач полка и большинство офицеров; до вечера 25, по показанию доктора, полковник Рудомино к нему за помощью по поводу контузии не обращался и на мой вопрос, почему, он сказал, что не чувствовал боли. Не зная состояния духа людей полка, у которых в это время уже была полная реакция, и предполагая, что с уходом усмирявшего их отряда, они нападут на офицеров и пожелают захватить штандарт, его перенесли в офицерскую квартиру в 3 этаж, и туда перешли полковник Рудомино и все офицеры, живущие в казармах: к приказу было выпущено полковником Рудомино дополнение в виде обращения к нижним чинам и гг. офицерам, призывающее нижних чинов к порядку. Разослали его по эскадронам, предложив, если раскаиваются, прислать своих доверенных лиц. В полной неизвестности о том, что делается в казармах, проведена была ночь всеми вместе при штандарте. В 10 часу утра с полковником Рудомино был нервный припадок, который повторился в более легкой форме еще в 1 часу дня и еще легче вечером. После первого же припадка, ввиду болезненного состояния полковника Рудомино, подполковник Бодиско принял на себя командование полком и приказал эскадронным командирам разойтись по своим квартирам и ждать выборных от эскадронов, которые вскоре явились, начали сдавать оружие [21]), после чего был отслужен молебен. Вызванный вечером командиром бригады к тамбовскому губернатору доложить о положении дела подполковник Бодиско доложил о том, что 6 первых эскадронов покорились и поклялись служить верно, а 27 июня изъявил покорность и 3 дивизион.

27 июня прибыл из Орла Можайский полк. Начальник гарнизона дал предписание командиру полка полковнику Назарову вступить в командование всеми войсками тамбовского гарнизона для подавления беспорядков в 7 запасном кавалерийском полку, арестования агитаторов и для производства допроса о подстрекателях, коим представить список [22]). Ввиду того, что новой попытки арестовать главных виновных в полку не было, то они бежали.

Рапорт полковника Рудомино от 24 июня о том, что писарь управления бригады Недешев принимал живое участие на сходках, был отправлен в бригадное управление не секретно и экстренно, а нормальным порядком, как обыкновенная текущая переписка, и был получен в управлении лишь 26 числа под расписку самого писаря Недешева. Командир бригады приказал бригадному адъютанту ротмистру Молчанову на другой день арестовать его, для чего вызвать конвой. 27-го все писаря и Недешев были налицо, но начальник бригады, сообщив,

что он не будет в управлении ввиду похорон капитана Горецкого, отложил арест Недешева на 28-е, но последний вечером 27-го скрылся.

По приходе 27 июня Можайского полка предположены были аресты в 7 запасном полку, но и тут произошло недоразумение. Почему-то начальник гарнизона назначил таковые с 3 дивизиона, тогда как главные зачинщики были писаря, фельдшер и нижние чины, квартирующие в штабе полка; но и в 3 дивизионе аресты начали только на другой день с 5 часов дня, а в штабе полка — только 30 июня, что дало возможность всем главарям скрыться. На мой вопрос командиру Можайского полка полковнику Назарову, почему он так поздно прибыл, когда было отдано распоряжение немедленно отправиться, доложил мне, что у него ушло около двух дней на перевозку полкового имущества из лагеря в город, а что в лагере он не рискнул его оставить, боясь, что таковое расхитят, — в противном случае полк успел бы притти во-время.

На этом заканчиваю подробное описание событий и их последовательности, чтобы нарисовать общую картину беспорядков, причем доношу, что, согласно предписания, обязанный выяснить все меры, принимавшиеся начальствующими лицами для подавления беспорядков, и о поведении этих лиц, а также и действий других начальствующих лиц, призванных со своими частями для подавления беспорядков в 7 запасном кавалерийском полку, я, понимая большую нравственную ответственность, возложенную на меня, помещал в описание только те факты и события, которые проверены свидетельскими показаниями нескольких лиц или подтверждаются следственным производством.

Генерал-майор Тюлин

ПРИМЕЧАНИЯ

1) В числе руководителей этой группы находились: 1) ун.-оф. Войскунович (Бунза), Адольф Михайлович, из крестьян (род. 1882 г.), на службе с 1903 г.; присужден к двум годам дисц. батальона; 2) Кузменко, Егор Матвеевич, из крестьян (род. 1880 г.), ефр., на службе с 1901 г.; присужден к четырем месяцам дисц. батальона; 3) Милиев, Василий Никифорович, из крестьян (род. 1880 г.), рядовой, на службе с 1901 г.; присужден к двум годам дисц. батальона; 4) Зенин, Василий Софронович, из крестьян (род. 1879 г.), рядовой; присужден к году дисц. батальона; 5) Еличко, Иван Михайлович, из крестьян (род. 1881 г.), рядовой, на службе с 1902 г.; присужден к месяцу дисц. батальона; 6) Поляков, Василий Петрович, из крестьян (род. 1881 г.), писарь, на службе с 1902 г.; присужден к трем годам дисц. батальона; 7) Ильин, Владимир Иванович, из крестьян (род. 1882 г.), рядовой, портной, на службе с 1903 г.; присужден к двум годам дисц. батальона.

2) В приговоре по делу восстания 7 кав. полка говорится, что на вопрос штабс-ротмистра Ильюшкина «следует ли арестовать» толкнувшего его, со стороны стоявших нижних чинов последовал отрицательный ответ.

3) 7 кавалерийский полк состоял из девяти эскадронов. Речь идет о первых шести эскадронах.

4) Писаря: Недешев, Щукин, Циплухин, считавшиеся руководителями восстания, суду преданы не были, так как успели скрыться до суда. — Чухонцев, Константин Николаевич, из мещан (род. 1884 г.), писарь, на службе с 1905 г.; за недостаточностью улик в руководстве восстанием присужден как участник его к году дисц. батальона.

5) Унтер-офицеры: Василенко, Говоренко, Жуков, Кутовой, рядовые: Дадьянов, Мухин, Янчевский и другие нижние чины предъявили полковнику Рудомино написанные требования, состоявшие из 21 пункта. Требования эти касались изменения в бытовом, служебном, экономическом положении нижних чинов, отказ принимать участие в подавлении восстаний, отказ нести службу до исполнения требований. Вслух требования читал унтер-офицер Говоренко. Унтер-офицер Кутовой после каждого

пункта обращался к нижним чинам за одобрением (Гл. военно-судное управление, 4 отд., св. 170, д. № 127; полностью петиция напечатана в сборнике «Армия в первой революции», стр. 139—140).

6) Фельдшер Алферов, бывший в числе руководителей восстания, успел скрыться до суда.

7) Казак 2 сводного Донского казачьего полка, стоявшего в Тамбове, Леон Беленков, 30 лет, на службе с 1896 г. От суда освобожден по недоказанности обвинения.

8) Требования, изложенные в 28 пунктах, как и предъявленные 20 июня 3 дивизионом, касались изменения в бытовом, экономическом и служебном положении нижних чинов, непреследования за участие в данном волнении, отказа принимать участие в подавлении восстания и нести полицейскую службу. Требования проходили под лозунгом: «Один за всех и все за одного».

9) Зачинщиками восстания суд признал: 1) Василенко, Петр Иванович, из крестьян (род. 1881 г.), младш. ун.-оф., на службе с 1902 г.; присужден к 12 годам каторжных работ; 2) Говоренко, Владимир Федорович, из крестьян (род. 1881 г.), младш. ун.-оф., на службе с 1902 г.; присужден к 12 годам каторжных работ; 3) Жуков, Семен Михайлович, из крестьян (род. 1880 г.), на службе с 1902 г.; присужден к 13-годам каторжных работ; 4) Аксенов, Иван Егорович, из крест. (род. 1880 г. , младш. ун.-оф., на службе с 1901 г.; присужден к 14 годам каторжных работ; 5) Кутовой, Митрофан Петрович, из крест. (род. 1880 г.), младш. ун.-оф., на службе с 1901 г.; присужден к 15 годам каторжных работ; 6) Баранов, Петр Николаевич, из мещан (род. 1884 г.), рядовой, на службе с 1905 г.; присужден к 12 годам каторжных работ; 7) Громаков, Степан Иванович, из крест. (род. 1881 г.), рядовой, на службе с 1902 г.; присужден к 12 годам каторжных работ; 8) Дадьянов, Матвей Матвеевич, из крест. (род. 1879 г.), рядовой, на службе с 1901 г.; присужден к 12 годам каторжных работ; 9) Карев, Иван Абрамович, из крест. (род. 1880 г.), рядовой, на службе с 1901 г.; присужден к 12 годам каторжных работ; 10) Лахштейн, Иосиф Александрович, из мещан (род. 1880 г.), рядовой, на службе с 1901 г.; 5 июня 1906 г. за «неисправимо дурное поведение» приговорен к двухмесячному одиночному заключению (в военной тюрьме); как руководитель восстания присужден к 12 годам каторжных работ; 11) Мухин, Павел Петрович, из крест. (род. 1879 г.), рядовой, на службе с 1902 г.; 15 ноября 1906 г. «за безчиние» приговорен к двухмесячному одиночному заключению; как руководитель восстания присужден к 12 годам каторжных работ; 12) Огрызков, Григорий Степанович (род. 1881 г.), рядовой, на службе с 1902 г.; присужден к 12 годам каторжных работ; 13) Пчелинцев, Степан Иванович, из крест. (род. 1881 г.), рядовой, на службе с 1901 г.; присужден к 12 годам каторжных работ; 14) Розанов, Александр Алексеевич, сын священника (род. 1881 г.), рядовой, на службе с 1902 г.; присужден к 12 годам каторжных работ; 15) Яблонский, Юлиан Павлович, из крест. (род. 1881 г.), рядовой, на службе с 1901 г.; присужден к 12 годам каторжных работ.

10) В конвое были рядовые 5 эскадрона: 1) Барабашев Иван Федорович, из крест. (род. 1883 г.), на службе с 1904 г.; 2) Ванда, Алексей Сидорович, из крестьян (род. 1883 г.), на службе с 1904 г.; 3) Косенов, Тимофей Ильич, из крест. (род. 1882 г.), на службе с 1904 г.; 4) Магда, Дмитрий Дмитриевич, из крест. (род. 1880 г.), ефр., на службе с 1902 г.; 5) Сабинин, Григорий Иванович, из крест. (род. 1882 г.), старш. ун.-оф., на службе с 1905 г.

Первые четверо присуждены к содержанию в течение месяца в дисциплинарном батальоне, последний — к таковому же содержанию в течение года.

11) Одинцов, Адриан Григорьевич, из крест. (род. 1881 г.), старш. ун.-оф., на службе с 1901 г.; как руководитель восстания присужден к 12 годам каторжных работ.

12) В приговоре по делу участников восстания говорится: «Одинцов заявил поручику Булгакову, что дальше он не пойдет, и повернул обратно; конвой вместе с арестованными вернулся в полк».

13) Унтер-офицеры Аксенов, Василенко и рядовые Лахштейн, Пчелинцев призывали нижних чинов итти выручать товарищей, разбирать ружья и патроны и соединиться всем на полковом плацу.

14) Из конвоя ушло 109 нижних чинов 7 кавалерийского полка.

15) Министр путей сообщения телеграфировал: «25-го июня с десяти часов вечера телеграфное сообщение станции Тамбов с Козловым прервано нижними чинами 7 запасного кавалерийского полка, расположенного в Тамбове. Ввиду настойчивых слухов о порче пути товарное и пассажирское движение на этом участке приостановлено до рассвета» («Армия в первой революции», стр. 138).

16) Для усмирения были вызваны две роты 217 пехотного Кромского полка и 218 Борисоглебского, эскадрон 52 драгунского Нежинского полка и сотня 2 сводного казачьего полка. Борисоглебский полк активного участия в подавлении восстания не принимал. Месяц спустя после восстания 7 кавалерийского полка Борисо-

глебский полк «открыто требовал прекращения полицейской службы». Министр внутренних дел сообщил военному министру Редигеру, что среди солдат Борисоглебского полка «не исключена возможность беспорядков», и ходатайствовал об удалении полка из губернии («Армия в первой революции», стр. 144).

17) Как видно из приговора, у восставших была мысль о захвате порохового погреба. Один из руководителей восстания, рядовой Розанов, призывал нижних чинов итти к пороховому погребу, разбить его и разобрать хранящиеся в нем патроны.

18) Валецкий, Казимир Доминикович, из крест. (род. 1881 г.), рядовой, на службе с 1902 г.; как «зачинщик» восстания присужден к 8 годам каторжных работ; Головинский, Аким Лаврентьевич (род.1880 г.), рядовой, на службе с 1902 г.; как руководитель восстания присужден к 12 годам каторжных работ.

19) Капитана Горецкого убил рядовой 3 дивизиона Шевердяков, Илья Михайлович, из крест. (род. 1880 г.), на службе с 1901 г. Суд приговорил Шевердякова к бессрочным каторжным работам.

20) Можайский пехотный полк был вызван для усмирения восстания из Орла, где находилась его стоянка.

21) Из приговора по делу видно, что не все восставшие были согласны на сдачу оружия; так например рядовой Карев убеждал нижних чинов не сдавать оружия начальству.

22) Следствие о восстании было начато 30 июня 1906 г. В своем рапорте от 5 августа 1906 г. главному военному прокурору военный следователь Начев сообщил, что постановление его будет касаться «трех генералов, около 17-ти штаб- и обер-офицеров и около 250 нижних чинов». Первые обвинялись «в бездействии власти, имевшем важные последствия». С 20 февраля по 14 марта 1907 г. временный военный суд судил в г. Тамбове участников восстания 7 кавалерийского полка. К суду привлекались 248 человек.

Были присуждены к каторжным работам на разные сроки как руководители восстания 21 человек. Как участники восстания к дисциплинарному батальону на разные сроки—31 человек. К одиночному заключению в военной тюрьме—101 человек. К строгому аресту на 20 суток —9 человек. По недоказанности вины суд признал невиновными 88 человек.

Московский Военно-революционный комитет[1])

Публикуемые в настоящем томе «Красного архива» материалы Московского Военно-революционного комитета, относятся к 30 октября — 14 ноября (ст. ст.) 1917 года, охватывая таким образом период боев на улицах Москвы и первые действия пролетарской власти по закреплению октябрьской победы.

3 ноября закончились бои на улицах Москвы. Широчайшие рабочие и солдатские массы, вступившие в вооруженную борьбу, одержали победу. Руководство восстанием все время находилось безраздельно в руках московской большевистской организации. Все дни борьбы московские большевики были с массами, непосредственно руководя боевыми действиями.

Следует однако иметь в виду, что «в Москве благодаря авторитету товарищей Рыкова и Ногина во фракции исполкома советов до самого восстания и даже во время его сохранило свое влияние каменевско-зиновьевское течение, которое хотя не выступало открыто, но было п р о т и в восстания»[2] вследствие чего в руководстве восстанием в Москве были допущены серьезные ошибки, приведшие к затяжке борьбы.

То обстоятельство, что восстание в Москве было начато позже, чем в Петрограде, что в состав советского боевого органа вначале были включены социал-соглашатели, что с самого начала велись длительные переговоры с противником, что не было соблюдено положение Маркса и Энгельса «никогда н е и г р а т ь с восстанием, а начиная его, знать твердо, что надо итти до конца», — создавало определенную угрозу успешности восстания.

В дни боев, к которым относится первая часть публикуемых здесь материалов, события развернулись следующим образом.

28 октября юнкера путем обмана заняли Кремль. Московский совет, где заседал Военно-революционный комитет, оказался осажденным юнкерами и почти совсем отрезанным от районов. Партийный боевой центр перешел в Городской, а оттуда в Замоскворецкий район, чтобы руководить наступательными действиями районов. Колеблющаяся часть членов Военно-революционного комитета намеревалась тоже покинуть Совет и эвакуироваться в Городской район, но красногвардейцы и солдаты, явившиеся для защиты Совета по вызову Военно-революционного комитета, категорически опротестовали это намерение, и Военно-революционный комитет остался в Совете.

В тот же день Лефортовский районный военно-революционный комитет начал осаду Алексеевского военного училища, юнкера которого сдались 30 октября после артиллерийского обстрела, продолжавшегося в течение двух суток.

Хамовнический район начал борьбу с юнкерами 5-й школы прапорщиков.

29 октября Московский Военно-революционный комитет, после артиллерийского обстрела и взятия градоначальства, перешел от обороны в решительное

---

[1]) См. «Красный архив», т. LXV—LXVI, стр. 164 — 192. Публикуемые документы представляют собой часть предполагаемого к изданию сборника документов, подготовляемого к печати Центральным архивным управлением совместно с редакцией «Истории гражданской войны»—(Р е д.).

[2]) О. Пятницкий «Из истории Октябрьского восстания в Москве». «Историк Марксист» 1935, № 5 — 6, стр. 36.

наступление, и юнкера были отброшены от Московского совета на линию Большой Никитской (теперь Герцена) улицы.

В этот же день в Петрограде было ликвидировано начавшееся юнкерское восстание.

29 октября контрреволюция терпит таким образом поражение и в Петрограде и в Москве. И в этот же день мелкобуржуазный соглашательский Викжель (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников), захвативший в свои руки управление министерством путей сообщения, выступает с своим «ультиматумом» — требованием немедленно прекратить гражданскую войну, заключить перемирие и образовать «однородное» социалистическое правительство из всех партий — от большевиков до народных социалистов включительно. Центральный комитет партии большевиков решил принять участие в организованных Викжелем переговорах с социалистическими партиями по вопросу об организации власти, с тем что переговоры должны были быть «как дипломатическое прикрытие военных действий» [1]).

Боевые действия под Петроградом втечение этих переговоров ни на минуту не прекращались: никакого перемирия заключено там не было.

В Москве же, вместо того, чтобы усиленно развернуть начатое наступление, Военно-революционный комитет, из-за угрозы Викжеля в случае отказа от перемирия одной из сторон перевозить беспрепятственно войска другой стороны, заключил соглашение о перемирии и вступил в переговоры с Комитетом общественной безопасности.

Перемирие было объявлено на 24 часа с 12 часов почи на 30 октября.

За час до начала уже заключенного перемирия штаб Комитета общественной безопасности отправил отряд юнкеров на Брянский вокзал с заданием расчистить путь для ожидавшегося с фронта отряда «ударников», встретить его и провести в Александровское военное училище. Юнкера сняли выставленную Военно-революционным комитетом охрану Бородинского моста, встретили прибывший по Брянской железной дороге в 6 час. 25 мин. утра батальон «ударников» в 176 чел. и провели его в центр города, разгромив по пути 2-й Хамовнический комиссариат милиции.

На основании подписанного в 5 час. 45 мин. утра 30 октября протокола об установлении нейтральной зоны на время перемирия, на наиболее серьезных для Военно-революционного комитета боевых участках обе стороны обязывались отвести свои части с занимаемых ими позиций.

Так, на участке Никитских ворот красногвардейцы и солдаты отошли до дома градоначальства, а юнкера должны были отойти до половины (до изгиба) Никитского бульвара.

Весть о перемирии создала среди красногвардейцев и солдат иллюзию о предстоящей капитуляции юнкеров, а тем самым породила демобилизационные настроения. Отвод с позиций вызвал недоумение, которое превратилось в возмущение, когда юнкера нарушили перемирие своим налетом на Бородинский мост и переходом в наступление на Совет по Тверскому бульвару. Это наступление было отбито артиллерийским огнем, и к вечеру 30 октября революционные войска выбили юнкеров из Никитских ворот и восстановили положение.

Попытка юнкеров использовать перемирие для разгрома Московского совета кончилась крахом.

Переговоры в б. царском павильоне Николаевского вокзала продолжались до 9 час. 33 мин. вечера 30 октября и по существу к соглашению не привели. Спорным вопросом остался вопрос об организации того органа власти, который

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 35.

должен был быть создан вместо упраздняемых Военно-революционного комитета и Комитета общественной безопасности. Московское бюро Викжеля выступило с согласованным с Комитетом общественной безопасности проектом организации власти, причем в основу его было положено то предложение левых социалистов-революционеров, которое обсуждалось в заседании Военно-революционного комитета 27 октября [1]), с изменениями в номерах представительства в этом органе городской думы (7 представителей вместо одного) и земства (2 представителя вместо одного). Таким образом изменялось и соотношение сил в предполагавшемся органе власти: вместо 9 голосов из 17 большевикам в нем предоставлялось 9 голосов из 24.

Партийный боевой центр и Военно-революционный комитет отвергли предложение о продлении перемирия на 12 часов для согласования спорных вопросов.

При этом Военно-революционным комитетом была допущена крупнейшая ошибка: он сообщил через Московское бюро Викжеля Комитету общественной безопасности о своем согласии на прекращение боевых действий при условии создания органа власти на началах, предложенных Военно-революционному комитету левыми эсерами 27 октября, т. е. из 17 членов, из которых не менее 9—большевиков [2]).

В 12 часов ночи на 31 октября фактически не прекращавшиеся втечение всего дня перемирия боевые действия возобновились с новой силой.

Социал-демократы «объединенцы-интернационалисты» в связи с возобновлением боев 31 октября отозвали своего представителя из Военно-революционного комитета [3]).

Утром 31 октября Комитет общественной безопасности созвал совещание из представителей меньшевиков, объединенцев, левых эсеров, бунда, поалей-цион, народных социалистов и др. Они образовали «нейтральный» блок «социалистических» партий. Блок посылал своих представителей с всевозможными предложениями и в Военно-революционный комитет и в Комитет общественной безопасности. Участники блока затушевывали свою связь с руководителями Комитета общественной безопасности, стремившимися путем маневров через посредство предательского соглашательского блока выиграть нужное время для подвоза войск с фронта.

Ошибка, заключавшаяся в самом факте согласия на перемирие в момент успешного развития боевых операций, усугублялась выдвинутым Военно-революционным комитетом проектом организации органа власти на началах коалиции.

Проект этот сводился к отрицанию принципа диктатуры пролетариата, поскольку он был построен на коалиции мелкобуржуазных партий и поскольку в этот орган власти должны были войти представители буржуазных организаций (городское самоуправление, земство, не входящий в центральное объединение профессиональных союзов Викжель и т. д.).

По существу это был путь, на который пытались столкнуть партию предатели, штрейкбрехеры Октября — Каменев и Зиновьев, открыто выступавшие против диктатуры пролетариата и настаивавшие на образовании коалиционного «социалистического» правительства от правых эсеров до большевиков.

Из некоторых документов можно сделать заключение (см. док. № 11), что во время переговоров с Викжелем, Каменев извращавший директивы Ленина,

[1]) «Красный архив», т. LXV—LXVI, стр. 173, документ № 8.
[2]) См. док. № 16.
[3]) Меньшевики вышли из состава Военно-революционного комитета 27 октября, еще до предъявления ультиматума Рябцевым (см. док. № 8).

пытался активно воздействовать на ход событий в Москве, информируя представителей Московского Военно-революционного комитета в духе своей предательской позиции: «В Питере происходит соглашение (от Рыкова и Каменева) о том, что министерство будет пополнено другими фракциями социалистов». (Из выступления т. Кушнера.) Нет сомнения, что подобная «информация» должна была оказать свое действие на колеблющуюся часть членов Московского Военно-революционного комитета и в конечном итоге оказать влияние на ход московских событий.

Районные центры вооруженного восстания в Москве по получении приказа о перемирии не растерялись и приняли все меры к тому, чтобы быть готовыми к продолжению вооруженной борьбы.

Так, Замоскворецкий военно-революционный комитет, передавая этот приказ к исполнению, в свою очередь приказал своим отрядам «сохранить полную боевую готовность и закрепиться на занимаемых позициях» [1]).

Московский гарнизон тоже сказал свое веское слово: пленарное заседание представителей военно-революционных комитетов 1-й артиллерийской запасной бригады и пехотных частей, подчиняясь приказу Московского Военно-революционного комитета о перемирии, постановило указать ему, что «уступок при переговорах быть никаких не может», ибо спасение России и революции должно стоять выше интересов капиталистов [2]).

Но все же районы подчинились приказу о перемирии, за исключением Благуше-Лефортовского: этот район продолжал артиллерийский обстрел Алексеевского военного училища до тех пор, пока юнкера не прислали около 8 часов вечера 30 октября парламентеров с заявлением о сдаче, протокол об условиях которой был подписан в 12 часов ночи с 30 на 31 октября [3]).

Военно-революционный комитет Благуше-Лефортовского района, совместно с представителями районного штаба Красной гвардии и районного штаба воинских частей, обсудил вопрос о возможных условиях соглашения с Комитетом общественной безопасности и вынес постановление о включении в текст соглашения признания власти 2-го Съезда советов, передачи власти в Москве, включая и управление штабом военного округа, Московскому совету, сдачи оружия и ареста всех выступавших с оружием в руках против Советов, с тем что судьба их должна быть решена Съездом советов или правительством, им назначенным.

Одновременно военно-революционный комитет Благуше-Лефортовского района предлагал центральному Военно-революционному комитету «посвятить день перемирия мобилизации сил и выработке планомерного плана окончательного подавления вооруженных сил противника, которое предлагает начать немедленно в случае разрыва мирных переговоров» [4]).

В наиболее трудном положении оказался Хамовнический район, который 30 октября должен был принять все меры к восстановлению боевого положения, нарушенного налетом юнкеров на Бородинский мост в день перемирия. В результате в 10 час. вечера части 193 запасного пехотного полка заняли Брянский вокзал [5]), благодаря чему следовавшие по Брянской железной дороге на поддержку юнкерам части или застревали по пути, не доехав до Москвы, или же по прибытии в Москву сдавались без боя.

---

[1]) ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 541.
[2]) Там же, л. 92.
[3]) Подлинник протокола — в Музее революции СССР; опубликован в сборнике «Октябрьское восстание в Москве», М. 1922 г.
[4]) Сборник «Октябрь в Москве», 1931 г., стр. 157—158.
[5]) ЦАОР, ф. МВРК, п. I, лл. 220 и 250.

Районы и гарнизон в день несостоявшегося перемирия 30 октября четко ответили на вопрос о своей решимости вести борьбу до конца.

Гнусное поведение юнкеров положило предел иллюзиям о возможности мирного разрешения вопроса о переходе власти к советам — иллюзиям, которые пыталась внушить Московскому Военно-революционному комитету правооппортунистическая часть его членов.

Позиция московского бюро Викжеля была во время переговоров до конца разоблачена.

И с этого момента мы наблюдаем резкий перелом в линии, проводимой Военно-революционным комитетом при решении вопросов вооруженной борьбы.

С 31 октября Военно-революционный комитет покончил с колебаниями. Оппортунистически настроенные его члены уже не ставят вопроса о «наивозможно меньшем пролитии крови», как это было 27 октября, когда такой пункт был по их настоянию добавлен Военно-революционным комитетом к представленному штабом на его утверждение «плану военных действий революционной армии» [1]).

Правда, при обсуждении в Военно-революционном комитете вопроса о применении артиллерии возникают еще большие споры, но противниками артиллерийского обстрела выдвигаются уже совершенно другие мотивы: опасение, чтобы не разрушить художественных ценностей Кремля, или чтобы не разгромить сосредоточенных в Московской городской думе материалов по выборам в Учредительное собрание (избирательные списки и бюллетени и пр.), что привело бы к срыву выборов по Москве.

После перемирия боевые действия развивались в такой последовательности.

31 октября красногвардейцы и солдаты закрепились в Охотном ряду. Юнкерские гнезда в Лефортовском и Рогожско-Симоновском районах (Алексеевское военное училище и 6-я школа прапорщиков) были окончательно ликвидированы, и оба эти района перешли в наступление по направлению к центру.

Бои на Никитской ул. и у Никитских ворот, на Остоженке и на Пречистенке и вокруг 5-й школы прапорщиков в Хамовниках продолжались.

1 ноября освободившаяся в Лефортове артиллерия Мастяжарта открыла огонь по Кремлю. Орудия 1-й запасной артиллерийской бригады обстреливали гостиницу Метрополь и городскую думу. Артиллерийский обстрел Александровского военного училища продолжался. Красные войска заняли гостиницу Континенталь на Театральной площади. Центральная телефонная станция в Милютинском переулке сдалась после обстрела из бомбомета еще около полудня.

Красная гвардия и солдаты повели наступление по Китай-городу по направлению к Кремлю.

К вечеру 1 ноября юнкера бежали из Метрополя.

В ночь на 2 ноября Комитет общественной безопасности перешел из городской думы в Кремль. В ту же ночь юнкера начали выпускать из Кремля на свободу пленных солдат 56-го запасного пехотного полка и команды кремлевского арсенала.

В 12 часов ночи на 2 ноября представители «нейтрального» блока социалистических партий явились в Военно-революционный комитет с предложением посредничества в переговорах с Комитетом общественной безопасности, причем скрыли тот факт, что это предложение было заранее согласовано с последним.

В 7 часов утра 2 ноября Военно-революционный комитет получил письмо Руднева о капитуляции Комитета общественной безопасности.

Начались переговоры об условиях сдачи юнкеров.

---

[1]) См. прим. 1 к док. № 5.

Во время переговоров бои с юнкерами ни на минуту не приостанавливались.

В этот день были взяты красными городская дума и Исторический музей, весь Китай-город и Верхние торговые ряды. Несмотря на приказ о прекращении артиллерийского обстрела, артиллерия продолжала действовать, поскольку не на все батареи приказ был своевременно доставлен. Орудие с Никольской улицы обстреляло и разбило Никольские ворота Кремля.

Бои на Никитской, Поварской, Пречистенке и Остоженке продолжались до поздней ночи.

В ведущих к Арбату переулках и в Хамовническом районе шла борьба с юнкерами, пытавшимися пробраться к Брянскому вокзалу, чтобы бежать из Москвы на Дон и Украину.

В 5 часов вечера договор о сдаче Комитета общественной безопасности был подписан.

В 9 часов вечера Военно-революционный комитет издал приказ о прекращении военных действий.

Однако борьба на улицах Москвы продолжалась до полудня 3 ноября. Артиллерия прекратила обстрел Кремля только к 3 часам утра. На рассвете Красная гвардия и солдаты заняли Кремль.

5-я школа прапорщиков в Хамовниках сдалась только в 11 часов утра.

3 и 4 ноября происходило разоружение юнкеров при участии «нейтральных» комиссаров, выделенных «нейтральным» блоком социалистических партий и московским бюро Викжеля.

Поддавшись влиянию «нейтральных» мелкобуржуазных партий, Военно-революционный комитет, вместо того чтобы диктовать побежденным свои условия, разговаривал с представителями контрреволюции, как с равной стороной. Более того: он допустил участие в переговорах о капитуляции юнкеров представителей этих «нейтральных» партий.

В результате явился на свет «договор» о капитуляции, заключенный победителем с побежденным.

Проект договора предусматривал для побежденных гарантии свободы и неприкосновенности личности, а также оставление офицерам «присвоенного им оружия». А в окончательном тексте договора появился новый пункт о немедленном освобождении всех пленных. Окончательный текст договора, доложенный П. Г. Смидовичем и В. М. Смирновым на заседании Московского Военно-революционного комитета при участии большинства членов партийного центра, вызвал резкие возражения. Вопрос о позиции представителей Военно-революционного комитета П. Г. Смидовича и П. И. Кушнера в согласительной комиссии при Викжеле еще раньше (в день перемирия) вызвал решительные протесты со стороны партийного боевого центра, который предъявил требования об удалении из состава Военно-революционного комитета кооптированных без ведома партийного центра членов из числа «миролюбиво настроенных большевиков» [1]).

Протокольная запись заседания Московского Военно-революционного комитета с представителями районов, состоявшегося в ночь со 2 на 3 ноября [2]), дает лишь слабое представление о том негодовании, которое охватило революционные массы Москвы, когда им стало известно содержание договора.

Во время разоружения юнкеров вооруженные отряды красногвардейцев и солдат требовали расправы над сдавшимися офицерами и юнкерами, угрожали разгромить артиллерийским огнем Александровское военное училище, в здании

[1]) См. доклад В. Н. Яковлевой на пленуме Московского областного бюро РСДРП(б) 9—10 ноября 1917 г. и прим. 1 к док. № 10, стр. 97.

[2]) См. док. № 25.

которого происходило разоружение, обвиняли комиссаров по разоружению в измене и т. д.

Восставшие по призыву партии большевиков рабочие и солдатские массы Москвы претворили в жизнь призыв Ленина «решать, а не говорить, действовать, а не писать резолюции» [1]).

Борьба в Москве приняла затяжной характер вследствие колебаний руководства восстанием, пытавшегося под давлением правооппортунистических элементов сдерживать революционную энергию масс и выжидать директив из Петрограда, вместо того чтобы проявить «величайшую решительность, величайшую энергию» в деле «немедленного использования всякого подходящего момента, немедленного разжигания революционной страсти толпы, направления ее на более решительные и самые решительные действия» [2]).

В дни Октября московская большевистская организация, ведшая за собой восставшие рабочие и солдатские массы, выправила линию колебавшейся части руководства восстанием, положила предел этим колебаниям и обеспечила победу московского пролетариата.

Документы, относящиеся к периоду после окончания боев на улицах Москвы, содержат ценнейший материал для харктеристики действий Военно-революционного комитета после победы. Протокольные записи дают, хотя и далеко не полное, но все же яркое представление о той огромной, разнообразной работе, которую революционному органу власти пришлось выполнять в эти дни.

Вопросы продовольствия, финансов, труда, пролетарского суда, борьбы с саботажем служащих, с попытками контрреволюционных погромов, с контрреволюционной, клеветнической буржуазной и меньшевистско-эсеровской печатью встали перед пролетарской властью и должны были получить срочное разрешение.

Наряду с этим сразу же встали вопросы о подготовке вооруженной борьбы с казацкой контрреволюцией, Калединым...

Э. Рожен

№ 10. [Заседание Московского Военно-революционного комитета 30 октября утром] [1]).

Организация отделов. — Назначить [А. А.] Додонову и [П. С.] Виноградскую организовать отделы и вывесить плакаты [3]).

О поездке к железнодорожникам — [доклад Г. К.] Голенко. Передвижение сил с фронта на нас, но и за нас. Забастовка железных дорог с целью прекратить гражданскую войну. У Орши ожидается столкновение между казаками и нашим полком [3]).

О Хамовническом районе. — Хамовнический район просит разрешения из батареи бомбардировать главный штаб на Остоженке [4]).

Обоз с фуражом наш прорвался сквозь белую дружину [5]).

С Спасской площади [по] юнкер[ам] — орудия [6]).

О продовольствии. — Поручить А. Гр. Шлихтеру, в качестве комиссара по разгрузке железнодорожного узла, уравнять продовольственные грузы с Красным крестом [7]).

О привлечении сил в отделы. — Сообщить в районы через т. Додонову [8]).

---

[1]) В. И. Ленин, Соч. изд. 3-е, т. XXI, стр. 198.
[2]) Ленинский сборник, V, стр. 460.

О совещании железнодорожников с Военно-революционным комитетом. — Делегировать т. Муралова [9]).

О запросе... *).

Доклад Константинова о [положении на] нейтральной зоне [10]). Втечение этого срока [перемирия] юнкера занимают наши позиции [11]). Солдаты волнуются и не хотят перемирия.

Сознательного нарушения перемирия нашими солдатами не было. Юнкера хотели выбить наш жизненный пункт. Наши взяли [обратно] Тверской бульвар без привлечения пехоты.

Юнкера при перемирии расстреляли наш санитарный автомобиль [12]).

Как только наши орудия прекратили стрельбу, юнкера оцепили...

Пост[ановили]: Ни один резерв юнкеров по Пречистенскому **) бульвару не имеет права двигаться со стороны столовой, иначе будет открыта артиллерийская стрельба. Ни флангового движения...

Член штаба входит с совещательным голосом в согласительную комиссию. Наезжает туда на санитарном автомобиле [13]).

В согласительную комиссию заявить о начале активных действий через полчаса при условии военных действий [со стороны юнкеров].

Доклад железнодорожника — [нейтрального] комиссара (всего [пробыл] 1 час только на нейтральной зоне).

О продолжающейся стрельбе. Юнкера согласны на перемирие, но были провокационные выстрелы. Наши не оповещены [14]).

Пречистенский городской эвакуационный пункт. Тов. Воронов, член обновленного Совета солдатских депутатов, доложил об осложнив[шемся положении с] продов[ольствием] солдат [и] команды в лазарете. Необходимо через врача освидетельствовать и отпустить их [раненых и больных] по домам.

Доклад Давыдова из продовольственного комитета об аресте Шефлера продовольственным комитетом (дом Лобачева) [15]).

Доклад железнодорожного комиссара о нарушении перемирия [16]).

Доклад П. Г. Смидовича о расстреле ударниками Замоскворецкого района [17]).

Заявление Шубникова из [городской] думы [об] отказе от нейтралитета телефонисток и выключении наших телефонов из общей сети ввиду наступления наших войск на нашу телефонную станцию [18]).

Раскол у железнодорожников. — В борьбу вмешался железнодорожный союз. Заявил о своем нейтралитете и предъявил свою резолюцию об отношении к власти и образовании социалистического министерства, на что мы согласились, выработали условия и [передали их] в согласительную комиссию, заключив перемирие на 24 часа, до 12 час. ночи [с] 30 [на 31] октября (при включении в сеть телефонов). Обмен приказами.

Но телефон не включили, и мы не успели оповестить наших, в то время как они [юнкера] успели получить приказ и все же не выполняют даже приказа Рябцева, [действуя] под руководством союза офицеров...

Телеф... [19]).

(Подл. запись, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 86-г и 86-д).

*) Запись не закончена.

**) Описка в подлиннике; следует: «Никитскому».

№ 11. [Заседание Московского Военно-революционного комитета 30 октября до 2 часов дня].

Божиков (член центрального комитета Северных железных дорог). — У Викжеля установлена нейтральная зона. Существует бюро [«нейтральных»] комиссаров, охраняющее эту зону [1]). До сих пор бюро помещалось в Большой Московской гостинице. Трудность сообщения по телефону, дальность расстояния. Бюро разделяется на две части. Одна часть — при одном штабе, другая — при другом, ибо задача — объединить, воздействовать на тот или другой штаб для достижения настоящего перемирия.

Говорил с главнокомандующим [Рябцевым] о нарушении перемирия юнкерами в Александровском училище, которые хотят стрелять до тех пор, пока не получат ответных выстрелов.

Ведерников. — Дело идет не об одной стрельбе, а о всех действиях. Юнкера стали окружать у Никитских ворот наших. Артиллерия в ответ на... [2]).

Стуков. — Офицеры и юнкера договорились о перемирии. Была допущена ошибка. — Мы немедленно поставили условие: если хотите, чтобы мы успели отдать приказы во-время, включите телефоны. Они [этого] не сделали. Это повело к тому, что наши не были оповещены во-время. Неравные условия: когда солдаты получили приказ, то они оказались уже обстреливаемы юнкерами. Мы не могли...

Степняк — Был послан с членом Викжеля для установления нейтральной зоны. По Никитской улице юнкерский пикет [их] остановил; [юнкера], схватив Степняка, заявили, что будут стрелять в наших «до тех пор, пока не выбьем вас окончательно» [3]).

Представитель Викжеля спрашивает, согласны ли на переговоры. Сейчас артиллерия обстреливает Александровское училище и телефонную станцию [4]). Если вы согласны вести переговоры, то мы примем все меры к тому, чтобы включили телефоны.

Стуков. — Доказательство нашего согласия — переговоры в царском павильоне.

Кушнер [5]). — Они, если не разбиты на-голову, то все же капитулируют. Викжель не в силах справиться с теми войсками, которые окружили Москву с фронта. Если возможно соглашение, то только теперь. Вероятно, мы их раздавим. В Питере происходит соглашение (от Рыкова и Каменева) о том, что министерство будет пополнено другими фракциями социалистов.

В связи с этим Рыков обращался сюда и просил снестись с ними о платформе.

Вчерашний ультиматум Викжеля поставлен по предложению эсеров [6]).

Козловский. — В Комитете общественной безопасности настроение упадочное. Узнав о капитуляции Алекс[еевского военного] училища и обстреле телефонной станции, они пали духом [7]).

(Подл. запись, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 86-в и 86-ж).

№ 12. [Заседание Московского Военно-революционного комитета 30 октября] [1]).

Заявление. — Шлихтер — комиссар продовольствия, которому поручено реквизировать продукты. Викжель заявил, что он против назначения таких комиссаров. Принципиально против этого. Шлихтер не находит возражений, но продовольствия это не обеспечит.

Усиевич. — Шлихтеру поручена разгрузка железнодорожного узла. Шефлер — помощник. Организуется новая продовольственная организация.

Постановили...

О перевозке. — Розенгольц. — Продвижение продовольственных грузов. [Продовольственный] комитет не работает, потому что он в зоне обстрела. Поэтому необходим приказ в следующей редакции [2]).

Принять.

Козловский...

Стуков. — Выход — договариваться в согласительной комиссии. Перемирие не достигнет результатов при неравенстве сторон. На Брянском вокзале... [3]).

Внеочередное заявление Пупко. — П. Г. Смидович звонит о наступлении ударников, казаков и юнкеров на Замоскворечье [4]).

Постановлено...

Железнодорожник. — На нас давят. Хотим знать...

Шевердин. — Переговоры возможны лишь при одновременном ведении переговоров... [5]).

Суровягин. — Ехать в штаб и в думу для ведения переговоров [6]).

Сычев [7]). — Когда пришли ударники, о перемирии речи быть не может.

[Постановили]. 1. Выяснить на вокзалах вопрос о приезде войск [8]).

2. Установить положение в Замоскворечье [9]).

(Подл. запись на пиш. маш., ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 86-ж, 86-з, 86-и).

№ 13. Постановление Московского Военно-революционного комитета 30 октября.

О назначении комиссара по продовольствию [1]).

Военно-революционный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов приказал:

1) Поручить Александру Григорьевичу Шлихтеру немедленно организовать разгрузку железнодорожных станций от продуктов питания, в качестве комиссара по разгрузке хлебных и пищевых продуктов.

2) Предоставить комиссару А. Г. Шлихтеру право реквизиции всех перевозочных средств, необходимых для скорейшей развозки продуктов по районам.

3) Объявить, что провоз продовольственных грузов приравнивается в правах беспрепятственного пропуска к деятельности Красного креста.

4) Поручить комиссару А. Г. Шлихтеру организовать под своим руководством все управы районных дум в качестве продовольственного совета при Военно-революционном комитете.

Член Военно-революционного комитета Усиевич.

(«Известия Московск. совета р. д.» № 201 от 1 ноября 1917 г.).

№ 14. [Заседание Московского Военно-революционного комитета 30 октября после 10 час. вечера] [1]).

Смидович. — Все, что принято, [принято] всеми присутствующими: меньшевики, социалисты-революционеры, Викжель, почтово-телеграфный союз, штаб, [городская] дума.

Все сходятся, кроме одного пункта. Признали необходимость отложить перемирие еще на 12 часов.

Всем будет непонятен моральный и иной смысл отказа. Начиная с меньшевиков, ни с кем не может быть тогда никаких сношений.

Кушнер. — 1-й пункт принят единогласно.

2-й [пункт] нами не принят. Мы заявили, что в такой форме мы принять не можем. У Красной гвардии оружие остается. Или оружие отбирается у частных лиц. Они колеблются, нейтральны в этом пункте, не решились на нас наступать.

3-й [пункт] принят единогласно.

4-й пункт. Представители [городской] думы, депутаты и совета районных дум (по фракциям).

Этот пункт предъявляется от имени нейтральных организаций ультимативно обеим сторонам.

5-й пункт мы отказались голосовать.

6-й пункт принят.

Стороны просят, если возможны дальнейшие разговоры, то продолжить перемирие до 12 часов дня 31 октября. Если нет, то сообщить за час до конца перемирия.

Смидович. — Предлагается перемирие [2]).

(Подл. запись, ЦАОР, ф., МВРК, п. V, л. 86-к),

№ 15. Телефонограмма Московского Военно-революционного комитета о прекращении перемирия, переданная Комитету общественной безопасности в 11 час. 55 мин. ночи на 31 октября [1]).

Сегодня в 12 часов кончается перемирие. Викжель предложил продолжить его на 12 часов. Ввиду того, что то соглашение, которое было принято, принципиально и по форме (пункты 2, 4, 5 и 6) неприемлемо, перемирие продолжено быть не может. В случае, если вами будет признано необходимым и желательным продолжить перемирие, то сообщите по телефону 2-23-14. Переговоры возможны лишь на основании платформы, принятой советами в последней резолюции [относительно перехода власти к советам]; письменное изложение настоящей резолюции [2]) будет прислано сегодняшней ночью через Викжель.

Сообщено членом [Военно]-революционного комитета Кушнером.

(Бюллетень № 4 Комитета общественной безопасности 31 октября 1917 г.).

№ 16. Постановление Московского Военно-революционного комитета, сообщенное через Викжель в ночь с 30 на 31 октября.

Комитету общественной безопасности.

Военно-революционный комитет ставит необходимым условием прекращения боевых действий (мира) следующее:

1. Вся власть в Москве переходит в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые образуют полновластный орган в составе: 7 (семь) представителей от советов рабочих и солдатских депутатов (пропорционально фракциям) и по одному представителю от совета крестьянских депутатов (1), губернского совета рабочих депутатов (1), московской городской думы (1), земства (1), совета районных дум (1), центрального бюро профессиональных союзов (1), союза городских рабочих и служащих (1), Красной гвардии (1), всероссийского железнодорожного союза (1) и почтово-телеграфного союза (1), — всего 17 (семнадцать).

Этот орган утверждается на первом пленарном собрании Совета рабочих и солдатских депутатов и существует впредь до организации власти Учредительным собранием.

2. Разоружение юнкеров и белой гвардии, причем Военно-революционный комитет гарантирует им свободу и неприкосновенность личности [1]).

(Принято единогласно) [2]).

(Подл. на пиш. маш., ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 116-д).

№ 17. Заседание Московского Военно-революционного комитета 31 октября.

(Ни протоколов, ни секретарских записей не разыскано) [1]).

№ 18. Заседание Московского Военно-революционного комитета 1 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 71—84).

№ 19. Заседание Московского Военно-революционного комитета 2 ноября в 7 час. утра.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 85—88).

№ 20. [Заседание Московского Военно-революционного комитета] 2 ноября 12 час. 10 мин. дня.

Смирнов. — Они — Комитет спасения — согласны насчет 1-го пункта [1]).

Насчет 3-го пункта — постараются уговорить юнкеров, просят продлить срок переговоров до двух часов дня.

Угодно ли в частном порядке продлить [срок переговоров и удовлетворить] просьбу Комитета спасения продолжить отмену артиллерийской стрельбы до 2 часов дня?

См.[...?] [2]). Фактич[ески требуется] врем[ени] от отдачи приказа [о прекращении артиллерийской стрельбы] до исполнения два часа. [Это надо учитывать]: или мы всех хотим вырубить, или мы соглашаемся вести переговоры и взять юнкеров в плен. Если [это] последняя отстрочка, то приказ об артиллерийской стрельбе отменяется.

Принято[3]).

Голенко. — В Городском районе — запросы [о] 8 человеках. Проверял слухи о расстреле [солдат] 85[-го запасного пехотного] полка, но слухи вздорные. Жестокое обращение [с пленными было] в Алекс[андровском военном училище], [в] Кремле — мягче, угрозы [расправой] были[4]).

Из Липецка (Тамбовской губ.), [сообщают], что присоединяются к Москве.

От саперного батальона [из] Старицы. — Они сидят около Старицы, 300 человек с офицерами. Прислали делегатов. Я...[5]).

Смидович. — Викжель сообщает, что переговоры [в Петрограде] прерваны [из-за разногласий] по формулировке: власть советов.

Казаки развивают энергичную деятельность, но Викжель...

Саблин[6]). — Для нас саперные части необходимы. Надо [во] все части, которые можно [использовать для саперных работ], дать знать, чтобы [они] стягивались.

Соловьев. — Я от имени бухгалтерии совета: Закс хочет запросить, какой процент надо уплачивать расхода на себестоимость товара. 3% к себестоимости.

Выбрать комиссию: Закса и Рогова — и поручить им разработать.

(Подл. запись, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 1-к).

№ 21. Заседание Московского Военно-революционного комитета 2 ноября 1917 г. вечером.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 88—91).

№ 22. Журнал Московского Военно-революционного комитета 2 ноября 1917 г. Вечер[1]).

Посылка в Петроград.

Для информации и связи с Петроградом назначен На[царенус][2]).

Договор.

Договор принимается всеми против одного Стукова[3]).

В качестве делегатов в комиссию для выработки техники разоружения юнкеров и белой гвардии делегируются вместо Смидовича т. Ломов, затем т. Смирнов и т. Нахгальц[ев].

По подписании договора военные действия прекращаются с обеих сторон, в частности артиллерийская стрельба должна прекратиться сегодня, не позже 11 часов [ночи].

Войска расходятся по своим частям после разоружения противных частей впредь до особого приказа Военно-революционного комитета.

По разводе противных войск по частям, Кремль и другие важные стратегические пункты занимаются нашими караулами.

В первую очередь разоружаются юнкера Кремля.

Приказ.

Написать приказ о прекращении военных действий поручено т. Усиевичу.

Приказ утверждается в следующей редакции...

По районам...[4]).

Комиссары в 1-й и 2-й Пресненский районы.

В 1-й [участок] Пресненского района утверждается Николаев, а во 2-м участке...

Обстрел генерального французского консульства.

Выразить сожаление по поводу обстрела французского консульства. Поставить караул в этом доме.

Заявление Клинской [уездной] комиссии.

Предложить губернской по выборам в Учредительное собрание комиссии своевременно доставить избирательные карточки, пред[о]ставив в их распоряжение автомобиль для доставки материала на вокзал.

(Подл. запись, ЦАОР, ф. МВРК, п. V).

№ 23. Радиотелеграмма.

Всем воинским частям и советам рабочих и солдатских, крестьянских и казацких депутатов.

В Москве восстали против народного правительства юнкера, офицеры и буржуазные белогвардейцы. Уличные бои длились около 6 суток [1]). Ни один солдат, ни один казак не присоединился к бунтовщикам. 2 ноября юнкера и офицеры подписали договор о сдаче, совершается их разоружение. Вся власть в Москве перешла в руки Военно-революционного комитета. Комитет безопасности распускается.

Члены Военно-революционного комитета А. Ведерников, П. Мостовенко.

(Подл. на пиш. маш., ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 179).

№ 24. Заседание Московского Военно-революционного комитета 3 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 91—92).

№ 25. [Заседание Московского Военно-революционного комитета совместно с представителями районных военно-революционных комитетов в ночь на 3 ноября 1917 г.] [1]).

Доклад Рогожского района. — Приказу не стрелять район подчиняется, но он настаивает на аресте штаба Комитета спасения и аресте юнкеров и белой гвардии. Без нашего согласия заключать мир нельзя.

Городской район. — Юнкера издевались над военными, держали в сыром погребе, били по щекам и издевались [2]). Условия Военно-революционного комитета их не удовлетворяют. Юнкера и офицеры должны остаться большей частью под арестом, а часть безусловно [должна быть] расстреляна.

Несмотря на приказ о мире, солдаты не подчинятся и будут брать Кремль [3]).

Усиевич. — Ни одного случая насилия, несмотря на страшную озлобленность, солдаты не проявили при сдаче телефонной станции, при сдаче Алексеевского [военного] училища, и это в процессе борьбы; то же в Крутицких казармах [4]). От самосуда и убийства солдат легко уговорить. Расправы мы допустить не можем. Могут быть единоличные насилия; если мы им не будем потакать. Офицеры, сражающиеся против нас, вероятнее всего, будут разжалованы. Нейтральных офицеров, предлагающих нам свои услуги, мы не брали, и здесь от солдат будет зависеть, останутся они в полках или нет. Мы их не навяжем солдатам. Провести выборность офицеров в полках [5]). Пункт о выпуске пленных введен... На договор мы пошли под влиянием приезда казаков, утомления солдат, погромов и т. д.

От следственной комиссии. — У нас масса приводится солдат грабителей. Что делать с ними?

Ответ: Арестовывать.

[Представитель] из Рогожского района.

Пока массы верят вам, но если вы их [белых] выпустите в белых перчатках, этого они не допустят, и [средством] выхода и удержания от эксцессов является арест офицеров. Вы, семерка, должны подчиняться голосу тех, которых вы ведете. Недопустимо, [что] вы гарантируете им жизнь и свободу с оружием в руках.

Мария Михайловна [Костеловская] [6]). — Заявления в штабе Красной гвардии аналогичны с тем, что говорят от районов. Соглашатели развратили центр. Здесь, кроме соглашательства, ничего нет. Если вы не измените позиции, то вы будете сметены районами, и Москва будет разгромлена погромом. Договор надо отвергнуть и...

Следственная комиссия. — Погромы усиливаются. Надо осветить улицы.

Постановлено: Поручить это следственной комиссии.

Камский [М. Ф. Владимирский]. — Вы никто не поняли самого главного, — что вся власть перешла к Революционному комитету.

Кизильштейн. — Погромы растут, и надо искать выхода общего.

Офицер из Городского района. — Кремлевский гарнизон должен быть предан военно-революционному суду, — они слишком низко вели себя по отношению солдат [7]). Юнкерам по договору придется все оружие отдать юнкерам *).

Плеханов. — У людей много слов, но мало дела. Дипломаты из вас вышли бы, а дельцов нет. Практического вывода из ваших слов нет. Я — представитель московского гарнизона, который послал нас требовать прекращения войны. У нас солдат всего 75 тысяч плюс Красная гвардия, и она 4 дня дерется с 4 тысячами [8]). Солдаты бегут в деревню [9]). Усиленная стрельба, но беспорядочная. У вас много дипломатии, а силы нет. Армия! Ваши заявления — необдуманные [заявления] хмельного человека, в пылу канонады, когда на нее не отвечают. Эта бумажка — большая для нас победа. Может быть, завтра, продолжая борьбу, мы уступили бы.

Усиевич. — Мы сейчас единственная власть в Москве, и к нам так и обращаются, что признала и наша противная сторона. Если противник капитулирует, то надо эти условия принять. Вопрос об офицерах остается открытым. Предание суду Комитета общественного

*) Так в подлиннике.

спасения, раскассирование юнкерских училищ. Нам надо скорее ликвидировать борьбу внутри Москвы и осуществить всю власть здесь. Дело кончилось не бумажкой, а реальным соотношением сил...

Бобинский [10]). — Мы пришли заявить вам, что надо сделать вам, как власти. Она не получает того, что могла бы получить. С погромами можно бороться не расстрелами, а моральными средствами. Ваш орган сделался безответственным перед массой. Договор должен быть отдан на рассмотрение массы.

[Представитель штаба]. — Мы, штаб, относимся отрицательно к этому договору. Борьба деморализовала массы, но, видя, что мы — победители, что вооружены, мы будем диктовать побежденному свои условия. Смешно говорить, что районы организованы. Этот договор — лишь способ прекращения бойни, а потом вы действуете.

Розенгольц. — Теперь не время разговора, а дела. Нынче ночью мы должны изготовить целый ряд декретов — роспуск думы, назначение комиссаров, смещение командующего и др., захват власти. Беда в погромах и в том, что масса темна, и, может быть, мы стоим перед еврейским погромом.

Познанский. — Оговорка некоторая в договоре — плевок в физиономию наших представителей [11]). Мир заключен, а нас расстреливают. Юнкерские училища должны быть ликвидированы, и еще целый ряд мер надо достичь. По всей Тверской улице идет организованный разгром магазинов.

Ломов. — Плевками добавление не является. Я сейчас констатирую, что договор нарушается. Представители нейтральных сторон заявляют, что мы договор нарушаем, нарушает ли другая сторона их? Если договор неудовлетворителен, то, может быть, нам порвать договора?

Юнкера помещаются в Александровском училище и «Праге», где держатся [12]).

Розенгольц. — Было постановление, чтобы разоружение было в первую очередь подвергнуто *) в Кремле, а Кремль занят нашими войсками.

[Представитель] Рогожского района. — Я иду к массам и хочу знать, если [они] не подчинятся, то считаться [ли с тем], вступать в соглашение будут ли они?

Муралов. — Если вы хотите...

Бобинский. — Исправить договор теперь нельзя, а Военно-революционный комитет...

Ломов. — От имени [семерки] прошу обратиться к Замоскворецкому району, чтобы они...

Принять все к сведению.

(Подл. запись, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 2-б. в, г. д).

№ 26. Постановление Московского партийного центра РСДРП (большевиков) 3 ноября 1917 г.

Предписывается районым партийным организациям:

1) Установить правильные обходы района вооруженными патрулями.

2) ...

Назначается комиссар по гражданской части.

*) Так в подлиннике.

Должны установить комиссариаты, состоящие из товарищей, выбранных районными советами и районными военно-революционными комитетами.

Удержать на службе тех милиционеров, которые изъявят согласие подчиниться новой власти. Все остальные должны быть немедленно уволены.

Проверить состав Красной гвардии и составить из них дружины, которые должны состоять при советах и комиссариатах.

Привести немедленно к исполнению приказ Военно-революционного комитета о сдаче оружия домовыми комитетами.

(Подл. черния., ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 86-я).

№ 27. Заседание Московского Военно-революционного комитета в 7½ часов вечера 3 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 92—98).

№ 28. Заседание Московского Военно-революционного комитета 3 ноября 1917 г. (ночью).

О казаках на Окружной [железной] дороге.

Послана разведка и позвонили по телефону [1]).

Комиссар по гражданской части.

Предлагается кандидатура Розенгольца, Штернберга и Ведерникова [2]).

Задачи комиссара [по гражданской части]:

Организация комиссариата. В комиссариате должно быть платное ядро — выборное.

Комиссар по гражданской части назначается Военно-революционным комитетом, утверждается Советом рабочих и солдатских депутатов, и при нем комиссар[иаты милиции].

Районные революционные комиссары назначаются временно, впредь до избрания районными думами участковых комиссаров.

При комиссариате образуется совет, состоящий из представителей районного совета и районной думы в числе — по 1 человеку. Председателем — комиссар. Должность платная.

Милиция составляется из ядра — платного постоянного кадра и красногвардейцев, организованных в дружины, дежурящие по очереди [3]).

Манифест Военно-революционного комитета.

Манифест, выработанный Бухариным, принимается и сдается в печать для выпуска отдельным листком и в газетах [4]).

(Подл. запись, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 2-б).

№ 29. Заседание Московского временного революционного комитета в 4¼ ч. ночи [на] 4 ноября 1917 г.

Договор Революционного комитета с Московской школой прапорщиков (1-я школа).

Не принято. Прибавить к договору: «Впредь д... просят хлебопекарей отпускать хлеб» [1]).

Договор уничтожается. [Все вопросы разрешаются] общим соглашением штабов и Военно-революционного комитета.

Порядок дня: 1) Вопрос о демобилизации, 2) организация гражданской власти, 3) конституция нового органа власти, 4) смещение командующего войсками и замена новым, 5) декрет о роспуске [городской] думы.

Начальник по гражданской части.

Комиссаром намечается по гражданской части М. И. Рогов [2]).

Написать бумагу. Прилагается инструкция [3]).

Орган власти.

7 [от] Совета рабочих депутатов пропорционально фракциям и по 1 от Совета крестьянских депутатов, 1 [от] Губернского совета, 1 от Совета районных дум, 1 от Викжеля *), 1 от [союза служащих] почти телеграфов, 1 от профессиональных союзов, 1 от Красной гвардии, 1 [от] московского городского самоуправления, 1 от губернского земства, 1 от союза городских служащих и рабочих, 1 от Викжеля *). 17 человек в органе [4]).

(Подл. запись, ЦАОР, ф. МВРК, п. V).

№ 30. Инструкция комиссару по гражданской части [1]).

Назначение М. И. Рогова.

Комиссар по гражданской части гор. Москвы Филатьев смещается, на его место временно назначается Рогов М. И.

1) Тов. Рогову поручается организовать комиссариат.

2) Участковые комиссары временно избираются районными советами рабочих депутатов.

3) В комиссариатах образуются в помощь комиссарам бюро, состоящие из одного представителя от районных дум и [одного от] совета рабочих депутатов в качестве помощников комиссаров.

Состав милиции.

1. Милиционеры, признавшие власть Временного революционного комитета, временно остаются на местах.

О Красной гвардии.

1. Красная гвардия, состоящая в ведении районного совета, может быть назначена для охраны революционного порядка, для чего участковые комиссары входят в соглашение с районным штабом Красной гвардии [2]).

(Подл. на пиш. маш., ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 9-д).

№ 31. Заседание Московского Военно-революционного комитета 4 ноября 1917 г. 7½ часов утра.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 115—116).

№ 32. Постановления заседания Московского Военно-революционного комитета с представителями районных военно-революционных комитетов 4 ноября 1917 г. [1]).

Об охране.

Принять следующие меры к охране революционного порядка.

1. Временно охрана революционного порядка находится в ведении

*) Так в подлиннике.

Красной милиции, отрядов Красной гвардии (фабричная милиция и охрана домовых комитетов упраздняются).

2. В случае надобности Красная гвардия может производить облавы и ревизии чайных и кафе. Необходимо определить пункты, куда следует направлять арестованных.

3. Для удобства передвижения по улицам снять проволочные заграждения, сравнять окопы.

4. Запретить ходьбу на улицах с ружьями без особого на то разрешения, выдаваемого только солдатам и красногвардейцам.

5. Установить кары за беспорядочные выстрелы. Производить точный учет выдаваемых патронов.

6. Издать приказ, что оружие, конфискованное у домовых комитетов и частных лиц, обращается на нужды Красной гвардии.

7. Оружие раздается в районах исключительно членам Красной гвардии по мере надобности. В обычное время оно хранится в арсеналах.

8. Создать районные штабы из представителей советов и полковых комитетов, на которые возложить руководство хозяйственной и политической жизнью района.

9. Имеющиеся в районах воинские части находятся в распоряжении Центрального Военно-революционного комитета.

10. Настоящее постановление перенести на обсуждение [Центрального] Военно-революционного комитета и по обсуждении разослать в районы [2]).

Преобразование Военно-революционного комитета.

Просить [Центральный] Военно-революционный комитет не предпринимать никаких шагов к реорганизации комитета, не известив об этом районы [3]).

Об изменениях в составе штаба Военно-революционного комитета [4]).

Установить связь штаба [Центрального] Военно-революционного комитета с районными путем организации службы связи.

Взаимоотношения Центрального и районных военно-революционных комитетов.

1. Установить краткое наименование районных военно-революционных комитетов в следующем виде: революционный комитет такого-то района.

2. Возложить на районные комитеты реквизицию всех запасов, не находящихся на учете городского продовольственного комитета и не предназначенных для других районов.

3. Продовольствие воинских частей передать районным управам.

4. Размер пайка устанавливается совместно с комиссаром продовольствия.

5. Комиссар, назначаемый центром, объединяет деятельность районных комиссаров.

6. Районы имеют право издавать приказы местного характера.

7. Опубликовать в газетах имена всех районных комиссаров [5]).

Средства.

Произвести впредь до выяснения вопроса о средствах выдачу в счет жалования милиционерам продуктов из складов, находящихся на уче-

те районных управ и под контролем в тех районах, где это возможно [6]).

О выборах в Учредительное собрание.

Назначить комиссара по выборам в Учредительное собрание, поручив ему принять все меры к своевременному производству выборов [7]).

Похороны жертв революции.

Устроить похороны 12 ноября [8]).

Могилы устроить на Красной площади.

Секретарь Р. Орлова.

(Подлинник на пиш. маш., МОАУ, д. Моск. губ. исполн. комитета советов раб. и кр. деп. № 2, лл. 26—27).

№ 33. Заседание Московского Военно-революционного комитета 4 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 98—102).

№ 34. Выписка из протокола заседания Московского Военно-революционного комитета 4 ноября 1917 г.

Московский Военно-революционный комитет, по докладу М. Е. Шефлера об организации продовольственного дела, постановил:

1) Московская городская продовольственная управа продолжает работать на прежних основаниях, с правом издания обязательных постановлений по всем вопросам продовольствия и распределения предметов первой необходимости.

2) В Московскую городскую продовольственную управу входят на равных началах с остальными членами управы один представитель Военно-революционного комитета и один представитель Совета районных дум для координации и контакта.

3) Московской городской продовольственной управе предлагается принять в кратчайший срок экстренные меры для урегулирования всех вопросов продовольствия.

4) Московская городская продовольственная управа по всем вопросам снабжения воинских частей продовольствием сносится с комиссаром по снабжению воинских частей продовольствием В. В. Осинским.

5) Штабу Военно-революционного комитета предлагается в кратчайший срок освободить от воинских частей помещение Московского городского продовольственного комитета, а именно: дом Лобачева на Воскресенской площади и дом бывш. гостиницы «Континенталь» и бывш. ресторан Егорова.

6) Обратиться к комиссару телефонной станции с просьбой о включении в кратчайший срок телефонов продовольственной управы и телефонов районных продовольственных комиссий.

(Опубликовано в «Известиях Московского Военно-революционного комитета» № 3 от 4 ноября 1917 г.).

№ 35. Заседание Московского Военно-революционного комитета 4 ноября 1917 г. 10½ часов вечера.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 114—115).

№ 36. Постановления Московского Военно-революционного комитета от 4 ноября 1917 г. 7 часов вечера.

По вопросу о декретной комиссии.

Организовать декретную комиссию в составе И. И. Скворцова [Степанова], Н. И. Бухарина, [М. Н.] Покровского и [М. Ф.] Владимирского, предоставив ей право широкой кооптации [1]).

О разрешении выхода буржуазных газет.

1. Ввиду невыясненности вопроса снять пока с обсуждения этот вопрос, поставив его на повестку одного из ближайших заседаний Военно-революционного комитета.

2. Поручить т. [Н. И.] Смирнову разработать вопрос о возможности реквизиции типографий и о мерах борьбы с контрреволюционной печатью [2]).

О разрешении выхода газеты «Власть народа»

Оставить в силе прежнее постановление о запрещении выхода газеты «Власть народа» [3]).

Внеочередное заявление т. [А. Г.] Шлихтера о продаже сахара по октябрьским ценам и о реконструкции продовольственного комитета.

1. Просить т. [А. Г.] Шлихтера в ближайшие дни представить доклад о работах в продовольственном комитете в связи с проектом районных дум в этом отношении [4]).

2. Сахар продавать по октябрьским ценам [5]).

О конфликте между железнодорожными организациями [6]).

Избрать комиссию из двух представителей Викжеля, двух представителей Военно-революционного комитета и двух представителей железнодорожного районного совета рабочих депутатов. От Военно-революционного комитета делегированы [О. А.] Пятницкий и [В. С.] Сергеев [Багров[.

Об уменьшении охраны на Брянском вокзале.

Предложить штабу немедленно убрать чрезвычайную охрану с Брянского вокзала, заменив ее охраной для поддержания порядка [7]).

О мерах, принятых на Брянской*) железной дороге для задержки двигающихся войск.

1. Поручить т. [А. М.] Амосову поехать в Вязьму для расследования вопроса, на каком расстоянии разобран железнодорожный путь [8]).

2. Распоряжение о разборке пути отменить и приведение его в порядок передать организации на местах.

3. Поручить т. Амосову выяснить, кто информировал Военно-революционный комитет о движущихся на Москву 21 эшелонах [9]).

О комиссарах на вокзалах [10]).

Предоставить районному железнодорожному совету рабочих депутатов право смещать и назначать новых комиссаров.

О приглашении представителей Викжеля в Военно-революционный комитет.

Пригласить одного представителя Викжеля на заседание Военно-революционного комитета с правом совещательного голоса.

*) Так в подлиннике, вместо «Брестской», т. е. Александровской ж. д.

Поручить т. Розенгольцу передать это приглашение.

Приказ № 1 комиссара по гражданской части по милиции.

Утвердить следующий приказ комиссара по гражданской части:

Приказ по милиции № 1.

Комиссар по гражданской части г. Москвы постановляет:

1. Всем милиционерам и служащим комиссариатов, признавшим власть Военно-революционного комитета, с 5-го [числа] сего месяца приступить к исполнению своих служебных обязанностей.

2. Лицам командного состава комиссариатов, до сего времени не явившимся на службу, явиться не позже утра 6-го [числа] сего месяца для сдачи всех дел и средств комиссариата и после сдачи явиться с докладом к комиссару.

Приказ № 3 комиссара по гражданской части[11]).

Утвердить следующий приказ комиссара по гражданской части:

Приказ № 3 комиссара по гражданской части г. Москвы.

Ввиду наступившего успокоения в гор. Москве комиссар постановляет:

1. Восстановить свободное движение по улицам днем и ночью с 5-го [числа] сего месяца.

2. С того же числа отменить всякого рода пропуска.

3. Патрулям охранять только внешний порядок и отдельные здания.

4. Воспретить производить обыски без специальных ордеров Центрального или районных военно-революционных комитетов.

5. Лица, производящие обыски без официального разрешения, должны задерживаться и предаваться военно-революционному суду.

О борьбе с алкоголизмом.

Поручить т. [М. И.] Рогову в ближайшем времени представить доклад по этому вопросу[12]).

Доклад комиссара театров.

1. Утвердить доклад т. [Е. К.] Малиновской[13]).

2. Убытки, понесенные театрами во время московских событий, предложить покрыть ведомствам, в ведении которых находятся театры.

Продолжать расследование о хищениях, произведенных в Малом театре.

Об уплате жалования служащим театра Совета рабочих депутатов.

Поручить т. [Е. К.] Малиновской вместе с т. Райхинштейном выяснить источник средств для уплаты жалования служащим театра Совета рабочих депутатов[14]).

Секретарь Бричкина.

(Подлинник на пиш. маш., МОАУ, д. Моск. губ. исп. комитета сов. раб. и кр. деп. № 2, лл., 24, 25 и 29).

№ 37. Постановления Московского Военно-революционного комитета от 4 ноября 1917 г. 10½ часов вечера.

О дне заседания Военно-революционного комитета.

Заседание Военно-революционного комитета назначить на 5 ноября в 7½ часов утра.

Повестка заседания:
1. Организация власти.
2. Текущие дела.

О регламенте заседаний Военно-революционного комитета.

Заседания Военно-революционного комитета происходят ежедневно от 8 до 12 часов дня, от 7 до 12 часов ночи.

О дежурных членах Военно-революционного комитета.

Поручается т. [Г. И.] Ломову и [Г. А.] Усиевичу по очереди взять на себя ведение текущей работы по Военно-революционному комитету [1]).

Об организации похорон жертв революции и процессии.

Поручить т. [Ф. Н.] Илюшину составить комиссию по организации похоронной процессии с привлечением в нее т. [П. П.] Малиновского и представителей районов [2]).

О созыве собрания полковых и ротных бригад [3]).

Поручить т. [С. А. Савва-]Степняку созвать 5 ноября в 2 часа дня собрание представителей полковых и ротных бригад, поместив об этом объявление в «Известиях» [4]).

Оглашение телеграммы с фронта о кризисе продовольствия и недостатке теплых вещей.

1. Довести до сведения продовольственного комитета содержание означенной телеграммы и предложить принять экстренные меры к снабжению фронта продовольствием.

2. Поручить комиссии по снабжению армии теплыми вещами ([М. И.] Тейтельбауму, [В. В.] Сахарову и [А. П.] Морозову) принять срочные меры по снабжению фронта теплыми вещами [5]).

Секретарь [подпись отсутствует].

(МОАУ, д. Моск. губ. исп. комитета сов. раб. и кр. деп. № 2, л. 28).

№ 38. Постановление фракции большевиков 4 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 119).

№ 39. Заседание Московского Военно-революционного комитета 5 ноября 1917 г. 8½ часов утра.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 102—106).

№ 40. Заседание Московского Военно-революционного комитета 5 ноября 1917 г. 11½ час. утра.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 107—114).

№ 41. Частное междупартийное совещание большевиков, объединенцев и левых с.-р. [1]) 5 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 119—121).

№ 42. Постановления Московского Военно-революционного комитета. Ночное заседание 5 ноября.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 116—118).

№ 43. Заседание Московского Военно-революционного комитета 12¾ час. ночи. 5 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 118).

№ 44. Заседание Московского Военно-революционного комитета (дневное) 6 ноября [1]).

Присутствуют: Ломов, Усиевич, Смирнов.

Повестка:

1) Вопрос финансовый.
2) Организация власти.
3) Доклад Левенсона (о занятиях в судебных учреждениях).
4) Отмена военного положения.
5) О буржуазной печати.
6) О Калуге, Туле и проч. (доклад [И. С.] Кизильштейна).
7) Доклад Шлихтера о загруженности [железнодорожного] узла.
8) Отношение к правительственному органу власти.

Финансовый вопрос отложить до 4-х часов, когда будут специалисты.

Принято [2]).

Доклад Шлихтера. Загруженность московского узла не представляет ничего тревожного (послать соответствующий ответ на телеграмму) [3]).

В «Труде» и «Вперед» [напечатано] сообщение о сокращении пайка в связи с захватом власти большевиками, загрузившими московский железнодорожный узел [4]).

Опубликовать объявление о ложном сообщении в виде письма, поместить в «Известиях» и «Социал-демократе», в простой, понятной форме, без деталей.

Сообщить от московского комиссара по продовольствию в качестве официального заявления, что сообщение продовольственного комитета является ложью.

Сообщить, что уменьшение пайка на ¼ фунта [вызвано] соображениями, не связанными с революцией...

Принимается редакция Шлихтера с поправками.

Принято [5]).

Покровский. — Вопрос о свободе печати [6]) связан с Учредительным собранием. Осталась неделя. Опасности буржуазной печати не будет. Это вызовет повод к кассации выборов в Учредительное собрание. Предлагаю с завтрашнего дня разрешить выход газет; военная цензура, если опасно.

Скворцов. — За свободу.

Смидович. — Нас не признают властью, мы в положении формальной войны. Предложить газетам дать подписку о признании большевистской власти.

Игнатов. — Состоялось собрание Центрального бюро профессиональных союзов, — там было признано всеми, что это мера временная: в союзе печатников, кроме общеполитических вопросов [поставлен] и вопрос об оплате [простоев]. Саботаж нашей власти будет усиливаться, чем больше намордников поставим.

Покровский. — «Труд» призывает к гражданской войне с нами. Между тем кадеты и консула нас признали. Вопрос о стратегической целесообразности. С систематическим хулиганством прессы нужно бороться, но эти меры нетактичны ввиду приближения [выборов в] Учр[едительное] собр[ание]. Я стою на точке зрения революционных судов за нарушение постановлений правительства.

[Н. И.] Смирнов. — Надо открывать газеты подождать и открыть, когда технически наши газеты будут поставлены, как буржуазные.

1) Разрешить выпуск большинства буржуазной прессы, чтобы наши печатники не ходили без дела.

2) Я за реквизицию типографии «Русского слова», и можно договориться с Сытиным.

Скворцов против предложения Смирнова, ибо главный вред не передовые статьи, а информация. Мы вызываем раздражение этим закрытием.

Ввести карточную систему на бумагу.

Покровский. — Важна широкая, надежная информация, это в руках правительственной власти, — и нас все будут читать.

1) Открываем ли мы буржуазную печать; время — в зависимости от времени выборов в Учредительное собрание.

Принято.

Принято — 4 [голосами] против 2.

Поручить Покровскому и Скворцову выработать проект декрета о военной цензуре и предложить уплатить печатникам за время закрытия газет владельцам типографий буржуазных газет.

Принято [7]).

О Калуге [докладчик И. С. Кизильштейн].

Три комиссара по военным и морским делам. Рассматривалось военно-областным советом [8]). В Калуге положение ужасное. Комиссаром Калуги назначить Гинзбурга (председателя Жиздринского совета р. и с. д.).

Саф[р]онова — эмиссаром в [Тамбовскую губернию] [9]).

Снаряжение тульских заводов и Бобруйского артиллерийского склада перевезти в Москву, как наиболее закрепленное место [10]).

(Подл. запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 23-а и 23-б).

№ 45. Продолжение заседания 6 ноября.

Покровский. — Консула нас признали как власть. Консулы шведский и Соединенных Штатов сказали, что они уполномочены переговорить с Военно-революционным комитетом, и рассматривают [его] как власть предержащую.

1) Пожел[али] получить пропуска в Военно-революционный комитет.
2) В случае обыска у иностранцев необходимо присутствие представителя консульства.
3) Ходат[айствуют] о праве иметь при себе оружие иностранцам под рекомендацией консулов.
4) Насч[ет] выдачи паспортов за границу, ибо многие уезжают.
5) Заинтересованы в рабочем контроле, ибо владельцы большинства предприятий — иностранцы и потеряли на этом деле очень много.
Они говорят, что если не примут во внимание интересы иностранных подданных....
6) Предприятия [опечатать] печатью консульства. О закрытии...
7) Специальные поезда для женщин и детей, если будет грозить новая опасность.
8) Воззвание от имени Военно-революционного комитета о сохранении жизни и имущества иностранцев [1]).
Ведерников. — Назначить комиссара по иностранным делам.
Кнышев [-Кушнер]. — Объявить Покровского комиссаром по иностранным делам.
Принято [2]).
Розен [гольц]. — Поручить Покровскому сорганизовать при комиссаре гражданской милиции Рогове паспортное бюро.
Принято [3]).
Реквизировать помещение для М. Н. Покровского и других. Наметить помещение Рогову и Покровскому.
Принято [4]).
Заместитель Покровского — Лукин [-Антонов].
Принято [5]).
Пропуска утверждаются.
Принято.
Владимирский. — Воззвание о роспуске городской думы.
Поручить Покровскому и Скворцову составить воззвание.
Выборы в городскую думу 26 ноября.
Принято [6]).
Из состава [управления] городского хозяйства выбыл Вейсброд. Камаринец — комиссаром [7]). Столичная комиссия по выборам в Учредительное собрание.
8½ миллионов рублей для оплаты служащих городской управы [8]).
Ввиду роспуска городского самоуправления мы посылаем в столичную комиссию [по выборам в Учредительное собрание] представителей от Совета районных дум.
Как комиссара по городскому хозяйству Камаринца [назначить комиссаром] по выборам в Учредительное собрание.
Принято.
Городские служащие почти все работают, канцелярские служащие займут нейтральное положение, и, как говорят, они вынесут решение, чтобы все заведующие хозяйством города оставались на местах; мы [на это] согласиться не можем [9]).
О Туле.
Кизильш[тейн]. — 1) Как выполнить наряды на [оружие для] фронт[а] для предотвращения контрреволюционного дела? [10]).
2) О перегрузе оружия [11]).

3) Как центральное дело — снаб[жение] оруж[ием производства] тульских заводов Красной гвардии и проч. [12]).

Вопросы эти передать в штаб.

Принято [13]).

Левенсон. — Об окружном суде.

Ставит вопрос о возобновлении работы суда. Надо принять меры, [чтобы] с завтрашнего дня привести [все] в порядок и [чтобы] доступ в Кремль был бы открыт для всех работающих в суде.

Комиссаром по учреждениям министерства юстиции — Левенсона.

Принято [14]).

Насчет казенной палаты.

Необходимо в казенную палату поставить комиссара.

Предлагаю назначить присяжного поверенного Васильева [15]).

Принято.

Об отмене военного положения.

Ввиду наступившего успокоения Военно-революционный комитет считает необходимым ввести порядок мирной жизни, о чем передать штабу [16]).

Принято.

О доставке оружия в Грозный.

Оружия не выд[ав]ать. Передать в штаб [17]).

Принято.

Рыкунов. — Заявление о выходе из Военно-революционного комитета.

Отставку Рыкунова не принимать; может его отозвать лишь пленум Совета рабочих и солдатских депутатов [18]).

Принято.

Иногороднее телефонное сообщение [19]).

О банках.

Делегация из Балтийского флота [20]).

Задачи делегации, отправляющейся на юг России, Харьков, Севастополь, Николаев, Одессу, Херсон. Наша задача — борьба с Калединым ввиду остроты продовольственного вопроса. Важно, чтобы Петроград и Москва были бы обеспечены хлебом. Связаться с союзом текстильщиков для снабжения деревни [тканями и нитками]. Если Каледин будет угрожать, то мы организуем ударный отряд для отражения.

Вопросы, на которые мы должны получить ответы, следующие:

1) Каково положение в Москве?

2) Как [идет] борьба с Калединым?

3) Как установить связь?

[Петроградский] Военно-революционный комитет говорил главным образом о продовольственном вопросе; мы говорили с Лениным на общую тему.

Кушнер. — Мануфактура, 60%, предназначена для деревни, а 40% — на свободный рынок. Сейчас мы, экономический отдел при Военно-революционном комитете, решили, что все 100% мануфактуры пойдет для снабжения крестьян, снабжающих нас хлебом. Незначительное количество будет оставлено здесь для населения.

Любицкий (матрос «Республики») насчет подков и других предметов, вырабатываемых для деревни.

Ломов. — У нас вопрос и о топливе, и тут угроза Каледина в смысле каменного угля.

Любицкий. — Необходимо нашей делегации связаться с экономическим отделом, чтобы знать, что мы можем в Харькове и на юге получить.

С военно-революционным штабом связаться.

Кнышев [-Кушнер.] — Некоторые заводы уже перешли от производства на оборону на произв[одство для] деревни.

Люб[ицкий] просит вагоны.

Оставить несколько человек для связи.

Эстабитов. — Все вопросы мы разрешим, когда разгромим калединщину. Надо решить, каким образом ликвидировать калединщину. Оставить 2-х для связи и приехать с определенным планом в Харьков и пересечь [пути] в Макеевке и Александровске-Грушевском. [Следует различать] казачьи разъезды на фронтовые и тыловые, — последние калединские; фронтовое казачество стоит на точке зрения социалистического министерства, но при занятии Макеевки и Александровска-Грушевска фронтовое казачество может присоединиться к Каледину и представит такую силу, которую нам не раздавить.

Делегация юго-западного фронта VII армии 5 Финляндского полка.

Когда до нас дошли сведения о событиях, солдаты, жаждущие мира, стали волноваться. В армейском комитете сказали, что движение большевиков будет скоро подавлено; мы стояли около Проскурова; сведения [получали] скудные, мы решили послать делегацию в Киев, Петроград и Москву узнать, что [и] почему все произошло.

II армия западного фронта, штаб в Несвиже, Барановичи.

Мы не отступали, позиций не сдавали. Все войска на стороне Военно-революционного комитета и советов.

X армия частично колеблется. Перевыборы армейского комитета происходят.

Фронт никаких уступок Комитету спасения революции не давал. С.-р. и меньшевики взорвали путь, вследствие чего чуть не произошла катастрофа санитарного поезда. В это время, у нас был бой с немцами, дали отпор. Командный состав остался. На всем фронте спокойно [21]).

(Подл. запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 23-в, г, д, е, и з).

№ 46. Заседание Московского Военно-революционного комитета 6 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 123—126).

№ 47. Постановления заседания Московского Военно-революционного комитета 6 ноября 1917 г. (вечером).

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 126—130).

№ 48. Межпартийное совещание об организации власти 6 ноября в 4 часа дня.

(Протокольные записи не разысканы) [1])

№ 49. Заседание Московского Военно-революционного комитета 7 ноября 1917 г. (утреннее).

Постановления.

Заслушан доклад Совета комиссаров по финансовым делам Москвы.

Военно-революционный комитет постановил:

1) Принять к сведению доклад Совета комиссаров по финансовым делам Москвы.

2) Собрать все сведения об имеющейся наличности денежных знаков и представить эти данные Военно-революционному комитету [1]).

Заслушано заявление Мельничанского[2]) о таможне.

Решено назначить в помощники т. Мельничанского председателя заводского комитета таможни.

Заслушано внеочередное заявление Пупко о телеграммах, рассылаемых группой почтово-телеграфных служащих[3]).

Постановлено передать эти телеграммы тов. Подбельскому и просить его сделать заключение по этому вопросу.

Заслушано внеочередное заявление т. Камского,о [М. Ф. Владимирского] о Государственном банке.

Постановлено поручить т. Розенталю[4]) пригласить еще 2 помощников и установить внешний караул вокруг банков[5]).

По докладу т. Нахгальцева о комиссии о дезертирах[6]).

Решено комиссию эту распустить.

Доклад представителей продовольственного комитета.

Постановлено:

1) Временно, до общего собрания продовольственного комитета, делегировать в продовольственную управу представителя Военно-революционного комитета [А. Г.] Шлихтера на правах ее члена и 2 представителей Совета районных дум с решающими голосами.

2) Должность комиссара по продовольствию упразднить.

3) Реквизиции могут производиться от имени продовольственной управы[7]).

О похоронах постановлено:

Устроить братскую могилу на Красной площади между Никольскими и Троицкими *) воротами вдоль стены.

Похороны назначить на пятницу, 10 ноября, в 12 час. дня.

Тов. [А. Ф.] Вимба, тов. [П. П.] Малиновского, тов. Дикарева уполномочить для организации похорон.

(«Известия Московского Военно-революционного комитета» № 7 от 10 ноября 1917 г.)

№ 50. Постановления [Московского] Военно-революционного комитета 8 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 130—132).

*) Так в подлиннике, вм. «Спасскими».

№ 51. Постановления Московского Военно-революционного комитета 9 ноября 1917 г.

Военно-революционным комитетом утвержден следующий состав следственной комиссии: Белоруссов, Немийчешвили, Смирнов и Пигит.

Заслушав сообщение представителя Викжеля об организации бюро по разгрузке московского узла и правильного передвижения продовольственных грузов, Военно-революционный комитет признал желательным, чтобы транспортный комитет делегировал бы в бюро своего представителя.

Военно-революционный комитет постановил, чтобы районные революционные комитеты не выносили бы никаких постановлений по экономическим требованиям рабочих без предварительного рассмотрения этих вопросов в профессиональных союзах.

Ввиду чрезвычайной загруженности московского железнодорожного узла Военно-революционный комитет призывает всех шоферов, ломовых возчиков, крючников и прочих транспортных служащих и рабочих продолжать работу 10 ноября.

(«Известия Московского Военно-революционного комитета» № 7 от 10 ноября 1917 г.).

№ 52. Воззвание Московского Военно-революционного комитета.

Товарищи и граждане!

Контрреволюционерами ведется усиленная агитация за устройство погромов в день похорон жертв революции. Военно-революционный комитет объявляет, что он прибегнет к самым крайним мерам против зачинщиков погромов и их попустителей. Красная гвардия будет охранять личность и имущество граждан всеми средствами, пуская в ход оружие при малейшем сопротивлении.

Военно-революционный комитет Московских Советов рабочих и солдатских депутатов.

(«Известия Московского Военно-революционного комитета» № 7 от 10 ноября 1917 г.).

№ 53. Постановления Московского Военно-революционного комитета 10 ноября 1917 г. (ночное заседание).

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 132—136).

№ 54. Заседание Московского Военно-революционного комитета 11 ноября 1917 г.

I. Временно на железных дорогах грузы выдаются по приказу Военно-революционного комитета, о чем агенты дороги извещают соответствующих комиссаров.

Известить о постановлении штаб Московского военного округа.

II. Разрешить в виде исключения производство тех юнкеров украинцев в прапорщики, за которых ручается Украинская рада [1]).

III. Поручить производство следствия по делу Рябцева и штабс-капитана Наумова судебно-следственной комиссии, состоящей при Военно-революционном комитете [2]).

Ввести в комиссию для этого дела представителя штаба военного округа.

IV. Временно, до утверждения Московским советом профессиональных союзов, назначить комиссаром труда Московской области В. П. Ногина [3]).

V. Выдать ветеринарному врачу Сталецкому, представителю V армии, удостоверение в том, что Военно-революционный комитет гарантирует оплату 27-ми вагонов картофеля и 10 вагонов капусты, предназначенных для V армии.

VI. О праве ношения оружия офицерами и возвращении отобранного оружия:

1) За разрешением на ношение оружия офицерам следует обращаться в штаб военного округа.

2) За возвращением отобранного оружия обращаться в штаб Красной гвардии к тов. [К. Г.] Розенталь.

VII. Освобождать арестованных комиссар может лишь по постановлению судебно-следственной исполнительной комиссии, утвержденному Военно-революционным комитетом.

VIII. 1) Отправить срочную телеграмму в Петроград комиссару финансов об утверждении тов. [Т. И.] Попова управляющим московской конторой Государственного банка [4]).

2) Утвердить приказ банковской комиссии об отпуске Совету районных дум 20 000 000 рублей из кассы Государственного банка для нужд городского хозяйства.

(Совет районных дум признает возможным выдать тюремному ведомству из своих средств до 100 000 рублей).

3) Утвердить приказ банковской комиссии об ассигновании интендантству 600 000 руб. для оплаты жалованья солдатам, офицерам и проч.

4) Утвердить приказ банковской комиссии о явке служащих в контору Государственного банка на работу с понедельника, 13 ноября, к 11 час. утра.

Поручить банковской комиссии редактировать вышеозначенный приказ.

(«Известия МСРД» № 203/210 от 12 ноября 1917 г.).

№ 55. Постановления президиума Московского совета рабочих и солдатских депутатов 11 ноября 1917 г. [1]).

О Таганской тюрьме. — 1. Предложить начальнику Таганской тюрьмы вступить в исполнение своих обязанностей.

2. Комиссара тюрьмы Кустова сместить, упразднив вообще эту должность [2]).

О следственной комиссии. — 1. Судебно-следственная комиссия должна передать все имеющиеся в ее распоряжении материалы т. Левенсону, который направит все дела по подсудности.

2. Впредь судебно-следственная комиссия не принимает на рассмотрение уголовных дел в тех участках, где функционируют комиссариаты и милиция.

3. До организации новых военно-революционных судов вновь возникающие политические дела передаются на рассмотрение судебно-следственной комиссии. Политические дела, находящиеся в настоящее время на рассмотрении комиссии, ликвидируются ею в возможно скором времени.

4. Судебно-следственная комиссия должна войти в переговоры с штабом о передаче всех дел, касающихся офицеров и воинских чинов, в соответствующие учреждения.

О Медведниковской гимназии. — Ввиду распространившихся слухов о приказе Военно-революционного комитета уволить учеников старших классов Медведниковской гимназии за участие в военных действиях, заявить, что такого приказа Военно-революционный комитет не издавал.

О назначении коменданта здания совета. — Предложить совету бригадных, полковых и ротных комитетов наметить кандидата на пост коменданта зданий совета.

Заявление комиссара по транспорту. — Все распоряжения, касающиеся транспорта, должны исходить исключительно от комиссара по транспорту В. Сергеева [-Багрова].

Предложить коменданту г. Москвы т. [О. М.] Берзину снять караулы в гараже Всероссийского земского союза на Землянке № 81.

Назначение [В. С.] Сергеева-Багрова. — [В. С.] Сергеев-Багров назначается членом следственной комиссии.

О созыве Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов с представителями районных дум и районных революционных комитетов. — Назначить на четверг, 16 ноября, заседание Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, пригласив на него по одному представителю от районных дум и районных революционных комитетов.

Повестка заседания: 1) положение продовольственного комитета (доклад т. Шефлера). 2) Борьба со спекуляцией (доклад т. Азарха).

Назначение комиссара по разгрузке московского железнодорожного узла. — Назначить комиссара по транспорту т. В. С. Сергеева[-Багрова] и комиссаром по разгрузке московского железнодорожного узла.

(«Известия МСРД» № 203/210 от 12 ноября 1917 г.).

№ 56. Заседание Московского Военно-революционного комитета (дневное) 12 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 136—140).

№ 57. Постановления Московского Военно-революционного комитета 12 ноября 1917 г. [1]).

Делегировать в банковскую комиссию тов. Ангарского.

По заявлению рабочих завода «Бромлей»:

1. Признать необходимым: уплатить жалованье за 2 дня рабочим и служащим завода «Бромлей» из 50 000 рублей, находящихся на текущем счету завода.

2. Признать необходимым переговорить с центральной властью в Пет-

рограде о предписании выдачи в чрезвычайном порядке из средств правления завода «Бромлей» жалованья служащим и рабочим завода.

3. Поручить тов. Ангарскому переговорить с военно-промышленным комитетом и комитетом по топливу о получении заказов от завода «Бромлей» и об оплате причитающихся денег за выполненные заказы. В случае отказа военно-промышленного комитета и комитета по топливу получить заказы, вступить в переговоры с продовольственным комитетом о приобретении товаров для нужд деревни.

4. Выяснить сумму долга завода «Бромлей» обществу «Мазут» и Электрической станции и возбудить ходатайство об отсрочке уплаты этого долга.

5. Поручить тов. Ангарскому к вечеру 13 ноября довести до сведения Военно-революционного комитета о результатах переговоров.

6. Поручить тов. Бухарину переговорить с центральной властью о заводе «Бромлей» и об урегулировании финансового вопроса в Москве.

По докладу банковской комиссии:

1. Оказать тов. [Т. И.] Попову содействие в напечатании опровержения газетных сообщений о нем.

2. Поручить тов. Покровскому обсудить совместно с банковской комиссией вопрос о применении банковского декрета к иностранцам [2]).

3. Поручить тов. Саблину освободить управляющего Московской конторой Государственного банка Ковальницкого [3]).

(«Известия МСРД» № 204/211 от 14 ноября 1917 г.).

№ 58. Постановления общего собрания военно-революционных комитетов г. Москвы 12 ноября 1917 г. [1]).

1. Военно-революционные комитеты. — Военно-революционные комитеты ликвидируют свою деятельность, передавая свои дела исполнительным комитетам районных советов.

2. Районные комиссары. — Должность районных комиссаров упразднить.

3. Саботаж служащих. — Против саботажа служащих в правительственных и общественных учреждениях должны быть приняты самые решительные меры: увольнение и т. п.

4. Охрана города. — Вопрос об охране города и о вооружении домовых комитетов передать в особую комиссию, обязав ее выработанные положения передать не позднее 14 ноября Военно-революционному комитету.

5. Контроль над производством. — Предложить экономическому совету срочно разработать меры по контролю над производством.

6. Ссуды. — Признано необходимым приспособить судебный аппарат к потребностям пролетарско-крестьянской революции, для разработки вопроса выбрана комиссия.

(«Известия МСРД» № 204/211 от 14 ноября 1917 г.).

№ 59. Постановления Московского Военно-революционного комитета 13 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 140—144).

№ 60. Постановления Московского Военно-революционного комитета 13 ноября 1917 г.

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 144—148).

№ 61. Заседание Московского Военно-революционного комитета 14 ноября 1917 г.[1]).

Присутствуют: Покровский, Ломов, Усиевич, Кушнер[-Кнышев], Биценко, Пупко, Розенгольц.

Посылка делегатов на юго-западный фронт.

Делегировать т. Усиевича с обязательством возвращения.

Принято.

Ночное [заседание] 14 ноября.

Заявление Городского союза [Союза городов] от имени фронтовой делегации. Сейчас весь аппарат армий расстроен, особенно северной армии; мы боимся, что армия разбежится и разнесет всех и все без различия партий и возраста.

Дадите вы нам возможность работать?

Мы, фронтовики, требования выставили Главному комитету [Союза городов] самые широкие.

Усиевич. — Нам нужны транспортные средства как для разгрузки узла, так и [для] отправки [грузов] на фронт всеми возможными средствами. Затруднения денежного оборота не касаются ведомства продовольствия и поставки [для] армии на фронт. С нашей стороны не только [нет] препятствий, но и самая энергичная поддержка, если не будет саботажа со стороны служащих.

Покровский. — Что касается технической стороны, то никто не будет отнимать средств передвижения у вас; мы никаких препятствий деятельности Городского союза не ставим.

Представитель Городского союза. — Что касается саботажа служащих, то фронт не допустил бы этого саботажа, как мы бы ни относились к политическим событиям, и саботаж это — чистый поклеп.

О саботаже говорить нечего, дело идет лишь о работе чистой.

Розен[гольц] предлагает обратиться к комиссару по транспорту.

Представитель Союза городов. — Мне поручено взять на себя транспортное дело. Насчет разгрузки московского узла мной дано срочное распоряжение о разгрузке наших грузов.

Сысин. — У нас расходы по обслуживанию беженцев, оплате служащих маленьких госпиталей.

1) Нам необходимо, чтобы по нашим ордерам Главный комитет [Союза городов] выдавал из наших текущих счетов [деньги]. Необходимо соответствующее распоряжение Военно-революционного комитета.

2) Транспорт; насчет легковых автомобилей подчинимся.

Насчет грузовых, то 1 раз в неделю.

Насчет саботажа официально постановлено о необходимости работать.

Усиевич. — Частные разгрузки Союза городов должны подчиняться общему плану.

Принято.

Насчет средств — обратиться к банковской комиссии. Мы с своей стороны ничего не имеем против.

Принято.

Сахарный вопрос[2]).

Ломов. — Шефлер сказал, что будут приняты все меры к недопущению удорожания сахара до 1 [р.] 50 [к.] на фунт, но не заверил в этом.

Быть может, из-за сахара нам придется столкнуться с продовольственной управой.

Покровский. — Необходимо обратиться к:

1) Центральной власти об отмене акциза на сахар впредь до Учредительного собрания.

2) Мы должны гласно потребовать у продовольственного комитета [объяснения] вопроса, почему так повысилась цена на сахар.

3) Поднять сахарную кампанию в пользу инте[ресов потребителей] сахара и опубликовать воззвание о сахаре.

Будзинский. — Новый сахар повышается, между тем у купцов-спекулянтов хранятся запасы сахара.

Зита. — 1) Одновременно надо сказать Москве, что акциз распространяется на запасы сахара, выходящие с заводов и [2)] вступить на путь реквизиции сахара.

1) Завтра же запросить продовольственный комитет, какое количество сахара на учете.

2) Задерживать, впредь до распоряжения Петрограда, применение нового акциза на сахар и продавать по старой цене (38 к. фунт).

Если продовольственный комитет не согласится, то реквизируем весь запас сахара и передаем продовольственным лавкам.

Поручить т. Зита переговорить с Шефлером.

Обратиться в продовольственную управу.

Принято.

Если не получим удовлетворительного ответа, то написать воззвание соответствующее.

Срочную телеграмму в Петроград об отмене акциза на сахар.

Принято.

О закрытии буржуазной печати.

Предложено:

В понедельник издать постановление о закрытии газет вплоть: 1) до решения Учредительным собранием этого вопроса, с уплатой определенного штрафа.

2) До открытия Учредительного собрания.

3) На 3 дня. (Принято.)

4) Закрыть на 7 дней, с уплатой за эти [дни] рабочим денег.

Делегирование в Петроград о высылке подкрепления денежного.

Делегировать т. Розенгольца в Петроград о подкреплении денежны[ми знаками].

Телеграфировать Попову об:

1) Открытии текущего счета Совету районных дум [в] 20 миллионов рублей.

2) Текущих счетах в размере 5 миллионов рублей президиуму Совета рабочих и солдатских депутатов[3]).

3) Декрете о секвестре и организации производства.

4) О Донецком бассейне[4]).

Арестовать министров Прокоповича и Малян-

товича; от имени президиума Совета рабочих и солдатских депутатов поручить выработать мотивировку Левенсону в виде постановления [5]).

Принято.

О новом квартирном законе.

Левенсон. — Принцип бесплатных квартир меня смущает.

Максимов. — Необходимо созвать съезд [железнодорожников] [6]).

Магеровский. — Я считаю правильным предложение Ломова. Необходимо довести до сведения Викжеля, что странна отмена постановления Викжеля.

Новая организация в 20 человек должна созвать делегатский съезд в ближайший срок.

Представитель с линии. — Я приехал для покупки галош и обуви. На съезд съехались [те], которые выбраны были в первые дни революции; приезжие делегаты сорвали съезд; за большевиков подано было 1387 голосов. Стрелочники и сторожа на стороне старого комитета, новые начальники станций за новый комитет. У нас нет ни сапог, ни галош. Мы в корниловские дни говорили, что поддержим Совет рабочих и солдатских депутатов.

Представитель железнодорожников. — Старый комитет должен действовать и комитет в 20 человек.

Ждать ответа 24 часа.

Принято.

(Подл. запись, ЦАОР, ф. МВРК, п. V),

ПРИМЕЧАНИЯ

К док. № 10.

1) Постановлением Московского Военно-революционного комитета, вынесенным после предъявления ультиматума Рябцевым, в здании Моссовета были оставлены только товарищи, непосредственно связанные с боевыми действиями, а остальные, в том числе и секретариат, были удалены. Очевидно, это произошло после заседания Военно-революционного комитета 28 октября (см. док. № 9 и примечание).

Этим объясняется полное отсутствие протокольных записей заседаний Военно-революционного комитета за 28 и 29 октября.

В эти дни произошло следующее.

В ночь с 27 на 28 октября юнкера произвели ряд налетов: напали на 1-ю запасную артиллерийскую бригаду, где им удалось захватить два трехдюймовых орудия (см. воспоминания Н. Чебышева, сборник «Октябрьские дни в Москве и районах», стр. 77. М. 1922), разгромили и сожгли б. загородный ресторан «Мавритания», в котором были расквартированы части самокатного батальона, и т. д.

В эту ночь партийный боевой центр решил уйти из здания Совета, чтобы руководить действиями районов. Утром 28 октября, между 4 и 6 часами, партийный центр ушел из Совета, перейдя в Городской район (доклад В. Н. Яковлевой на расширенном пленуме Московского областного бюро РСДРП(б) 9—10 ноября 1917 г.).

«Уходя из Совета, последние члены партийного центра встретили первые пушки, которые... направлялись к Совету» из 1-й запасной артиллерийской бригады с Ходынки.

По пути следования артиллеристы обстреляли из орудий б. ресторан «Яр» в Петровском парке, где засели юнкера, пытавшиеся отбить у них эти орудия.

В 7 часов утра комиссар по выдаче оружия из кремлевского арсенала, прапорщик 56 запасного пехотного полка О. М. Берзин, не имея связи с Военно-революционным комитетом, так как Кремль был оцеплен юнкерами, а телефонная связь прервана, был обманут Рябцевым и находившимися в Кремле офицерами, убедившими его, будто Военно-революционный комитет сдался и все его войска разоружены, открыл Троицкие ворота и впустил юнкеров в Кремль.

О сдаче Кремля юнкерам О. М. Берзин подробно рассказывает в своих воспоминаниях, опубликованных в 1927 году («Пролетарская революция» № 12, 1927 г.).

В этой публикации допущена ошибка в датировке: днем сдачи Кремля вместо 28 октября указано 27 октября.

Состоявшееся 28 октября гарнизонное собрание ротных, полковых и пр. солдатских комитетов избрало, в противовес эсеровско-меньшевистскому исполнительному комитету Совета солдатских депутатов, Временный комитет солдатских депутатов, («десятку»), который выпустил в тот же день следующее воззвание:

«Ко всем солдатам московского гарнизона.

Общее собрание полковых, ротных, командных и бригадных комитетов московского гарнизона, состоявшееся 28 сего октября в помещении Политехнического музея, обсудив создавшееся положение и принимая во внимание, что невинная кровь льется на улицах Москвы, находит, что в настоящую минуту не время слов, а время действий, и предлагает всем воинским частям гарнизона Москвы всемерно поддержать Военно-революционный комитет и подчиняться только его распоряжениям. Распоряжения же, исходящие из штаба округа и Комитета общественной безопасности, не признавать.

Общее собрание избрало временный орган для контакта с Военно-революционным комитетом.

Общее собрание требует от всех фракций Советов солдатских депутатов и Совета рабочих депутатов немедленно избрать согласительную комиссию для выработки единого плана борьбы революционной демократии против контрреволюции. Настоящее добавление внесено представителем фракции социалистов-революционеров, товарищем Козловским, и принято единогласно.

Выбранный на этом собрании Временный комитет предъявил самое категорическое требование как штабу, городской думе, так и всем партиям, входящим в Совет солдатских и рабочих депутатов, а также полномочному органу таковых — Временному революционному комитету все меры приложить к тому, чтобы братоубийственная война на улицах Москвы была немедленно прекращена, в противном случае полномочный этот Комитет немедленно мобилизует все имеющиеся войсковые части Москвы и призывает, в согласии с Временным революционным комитетом, самыми беспощадными мерами расправиться со всеми контрреволюционными силами, своими предательскими выстрелами провоцирующими гражданскую войну.

Демократия — дружным, единым фронтом, организуйся!

Побольше выдержки и спокойного рассудка, поменьше крови!

Солдаты, дружной стеной на защиту революции!»

(Подлинник карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 48; опубликован в «Социал-демократе» № 195 от 29 октября 1917 г.).

Юнкера, заняв Кремль, в тот же день, 28 октября, произвели зверский расстрел его гарнизона — пяти рот 56 запасного пехотного полка и команды арсенала. Подробности расстрела излагают в своих воспоминаниях солдат Илья Носков (сборник «Москва в Октябре 1917 г.», стр. 99—101, М. 1919 г.), красногвардеец Жаров (сборник «Октябрьские дни в Москве и районах», стр. 36—42, М. 1922 г.), Страхов (Я. Пече, «Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь», стр. 95—107), арсеналец И. Я. Жидаков и солдат Антонов (рукописный фонд Главной редакции Истории гражданской войны), арсеналец Карзыкин («Пролетарская революция» № 5, 1922 г.).

Эта зверская расправа возмутила рабочие и солдатские массы Москвы.

В тот же день на Казанской железной дороге были разысканы вагоны с винтовками (см. воспоминания Н. Н. Зимина — стр. 64—66, Наперскова,—стр. 76—77, группы товарищей — стр. 93, сборник «Октябрьские дни в Сокольниках», М. 1922), и было немедленно приступлено к вооружению Красной гвардии и гарнизона.

Начавшееся в ночь на 27 октября наступление юнкеров на Совет почти отрезало его от районов. К Совету вел только единственный путь — по переулкам, Большой и Малой Дмитровкой до Садовой. На ведущих к Совету переулках шла частая стрельба. Юнкерские отряды подходили по переулкам от Большой Никитской улицы и б. здания градоначальства к зданию Совета.

Красногвардейцы и солдаты самоотверженно отражали их натиск.

Одно из прибывших 28 октября утром орудий было поставлено на Страстной площади в помощь отряду, действовавшему против градоначальства.

29 октября, после обстрела градоначальства артиллерией, 200 белогвардейцев и юнкеров, засевших там, сдались.

К вечеру 29 октября этот же отряд закрепился в доме Гагарина у Никитских ворот (где теперь стоит памятник академику Тимирязеву), выбив из него юнкеров.

Отряды рабочих и солдат закрепились по правой стороне Большой Никитской улицы.

Стратегическое положение Военно-революционного комитета резко улучшилось.

29 октября Викжель в телеграмме своей № 1163, разосланной «всем, всем, всем», предъявил ультимативное требование «немедленно остановить гражданскую войну, сплотиться для образования однородного социалистического правительства» из пред-

ставителей всех социалистических партий до народных социалистов включительно, угрожая объявить с 12 часов ночи на 30 октября всеобщую железнодорожную забастовку, «если к тому времени боевые действия Петрограда и Москвы не будут приостановлены». В той же телеграмме Викжель заявил, что «весь железнодорожный аппарат он предоставит только тем, кто разделяет эту платформу». (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, лл. 88—91.)

Московский Военно-революционный комитет на перемирие пошел, и вечером 29 октября оно было заключено на следующих условиях:

«1) Для выработки определенного соглашения с определенного часа (с 12 часов ночи на 30 октября) устанавливается перемирие на 24 часа.

2) С момента объявления перемирия все боевые действия прекращаются, и стороны остаются на своих местах. Втечение этого срока вырабатывается окончательное соглашение, по заключении которого:

3) Сводные части как солдатские, так и офицерские, распускаются.

4) Обе стороны издают постановление о сдаче захваченного оружия для организации боевых дружин в период боевых действий.

5) Для контроля над выполнением этих обязательств учреждается комиссия, состоящая из представителей обеих сторон на паритетных началах и Викжеля.

6) Эта комиссия принимает все меры для водворения революционного порядка и борьбы с контрреволюцией.

7) По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся под контролем этой комиссии по своим частям и поступают в распоряжение [командующего войсками Московского военного округа] Рябцева, действующего с ведома и согласия Совета рабочих и солдатских депутатов и полковых комитетов».

(Из протокола заседания согласительной комиссии при Викжеле 30 октября 1917 г., сборник Истпрофтрана № 2, 1923 г.)

Согласительная комиссия при Викжеле по выработке окончательного соглашения заседала в б. царском павильоне Николаевской (теперь Октябрьской) железной дороги.

Представителями Московского Военно-революционного комитета в согласительной комиссии были избраны 29 октября вечером П. Г. Смидович и П. И. Кушнер.

Заключение перемирия было встречено восставшими рабочими и солдатами с недоумением и возмущением.

Районы подчинились приказу Военно-революционного комитета о перемирии, но одновременно отдали распоряжения о том, чтобы «сохранить полную боевую готовность и закрепляться на занимаемых позициях». (Приказ Замоскворецкого военно-революционного комитета, ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 541.)

Военно-революционные комитеты войсковых частей подчинились приказу о перемирии, но одновременно в своих постановлениях заявили, что «уступок при переговорах быть никаких не может». (Резолюция совещания представителей военно-революционных комитетов московского гарнизона в 1-й запасной артиллерийской бригаде от 29 октября, ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 92.)

Член Военно-революционного комитета Г. А. Усиевич в своем докладе Московскому совету после Октябрьской победы говорил:

«На нас сыпалось много нареканий... со стороны рабочих и солдат, что этого перемирия не нужно было заключать». («Октябрьское восстание в Москве», М. 1922, стр. 13.)

Получив весть о заключении перемирия, «партийный центр поспешил из Замоскворечья в Совет, но оказалось, что решение уже состоялось, причем условия были вовсе не таковы, какие следовало бы заключить стороне, одерживающей верх. В районах заключение перемирия было встречено негодованием. Было ясно, что противник пытается оттянуть время в надежде на подкрепление, тогда как мы организовались в процессе борьбы, массы в ходе ее стягивались к ведшим войну советам, и начала подходить уже первая помощь из области». (Из доклада В. Н. Яковлевой на пленуме Областного бюро РСДРП 9—10 ноября 1917 г.)

2) В ночь на 30 октября в Совет возвратились работники секретариата. Утром 30 октября в здании Совета оставались лишь немногие члены Военно-революционного комитета. Его секретарь А. П. Розенгольц приступил к организации делопроизводства и как дежурный по Военно-революционному комитету разрешал текущие вопросы.

3) Г. К. Голенко был командирован в Викжель для выяснения подробностей в связи с переданным по телеграфу Александровской (теперь Белорусско-Балтийской) железной дороги сообщением о движении войск с фронта на Москву. Первые сведения об этом передвижении были получены из Орши.

Станцию Орша заняли два эшелона 623 пехотного полка и заявили, что не пропустят через Оршу ни одной части, направляемой с фронта для борьбы против большевиков.

Ими в Орше были задержаны 300 сибирских казаков, направлявшихся в Смоленск, откуда они должны были отправиться по приказанию ставки в Москву с сибирской батареей. Столкновения не произошло потому, что казаки ехали без оружия, каковое они должны были получить в Смоленске. (См. «Красный архив», т. LXI, стр. 46.)

4) Хамовнический район мог ставить вопрос об обстреле штаба Московского военного округа (в подлиннике «главный штаб на Остоженке»), во Всеволожском переулке между Остоженкой и Пречистенкой, до получения им приказа о перемирии. Два орудия, полученные Хамовническим военно-революционным комитетом из 1-й запасной артиллерийской бригады, во время октябрьских боев вели обстрел Остоженки, Пречистенки и Александровского военного училища.

Данная запись дает возможность установить дату прихода артиллерии в Хамовнический район; подробности см. в воспоминаниях Н. С. Ангарского.

5) О прорвавшемся через дружину белых обозе с продовольствием подробно рассказывает М. И. Лебедев, руководивший продовольственным делом в Хамовническом районе в дни боев и наладивший получение продовольствия с Саратовского (Павелецкого) вокзала в Замоскворечье по ордерам заведывающего интендантским продовольственным складом № 1 на Зубовском бульваре и доставку этого продовольствия как в Хамовники, так и в Дорогомилово. (Сборник «Хамовники в Октябре», 1927 г., стр. 80—85.)

6) Данное сообщение не может быть отнесено к Хамовническому району; речь идет о подготовке обстрела юнкеров 6-й школы прапорщиков, засевших в Крутицких казармах, которые были взяты красными в 3 часа дня 31 октября, на следующий день после сдачи Алексеевского военного училища, при участии артиллерии, выставленной Московскими мастерскими тяжелой артиллерии (заводом Мастяжарт) на б. Спасской (теперь Крестьянской) площади.

7) Данная запись в подлиннике вычеркнута. Однако, поскольку в других документах мы находим указания на то, что соответствующие мероприятия в отношении продовольственных грузов были приняты, мы эту запись восстанавливаем, как не нашедшую отражения в других протоколах (см. прим. 3 к док. № 12).

8) А. А. Додоновой поручено было затребовать от районов присылки квалифицированных работников для организуемых отделов Военно-революционного комитета.

9) Для ведения переговоров о прекращении борьбы, которые начались по требованию Викжеля в первую ночь перемирия и продолжались 30 октября, Военно-революционным комитетом были уполномочены П. Г. Смидович и П. И. Кушнер. Об этих именно переговорах идет речь в данном пункте записи.

Постановление о делегировании представителя от штаба Московского Военно-революционного комитета на заседание согласительной комиссии при Викжеле было вынесено в связи с получением первых известий о нарушении перемирия белогвардейцами. (Подробно см. ниже в этом же протоколе).

10) Протокол об установлении нейтральной зоны был подписан 30 октября в 5 часов 45 мин. утра. Текст его опубликован (сборник «Октябрьское восстание в Москве», М. 1922, В. Сторожев, «Из архивов Московского Военно-революционного комитета», стр. 203—204).

11) Константинов докладывает о предательском нападении юнкеров на наши позиции у Никитских ворот (дом Гагарина, впоследствии сгоревший), из которых юнкера были выбиты 29 октября. По занявшим эти позиции и перешедшим в наступление по Тверскому бульвару и Страстной площади юнкерам из стоявшего у Страстного монастыря орудия был открыт огонь, под прикрытием которого к вечеру 30 октября красные выбили юнкеров и вновь закрепились в доме Гагарина.

12) Санитарный автомобиль Военно-революционного комитета был белыми в день перемирия обстрелян на Тверской улице пулеметным огнем из Газетного переулка (теперь ул. Огарева).

13) См. примечание 9. Согласительная комиссия — это совещание при Викжеле, на котором обсуждались условия прекращения боевых действий 30 октября.

14) Красногвардейские отряды, действительно, не все могли быть оповещены о начале перемирия, так как штаб юнкеров, ожидая в ночь с 29 на 30 октября прибытия отрядов ударников по Брянской железной дороге, не выполнил своего обязательства и не включил наших телефонов на центральной телефонной станции, занятой юнкерами. См. ниже в той же протокольной записи заявление Шубникова.

15) Комиссар по продовольствию М. Е. Шифлер в день перемирия отправился в продовольственный комитет городской управы (дом Лобачева на Воскресенской площади) и был там арестован под предлогом, что Военно-революционный комитет нарушил перемирие.

16) См. док. № 11, доклад Божикова.

17) П. Г. Смидович сообщил по телефону слух о расстреле Замоскворецкого района юнкерами, о чем докладывал С. Л. Пупко. См. док. № 12, примеч. 5.

18) Заявление Шубникова из Комитета общественной безопасности, куда он входил как зам. председателя исполнительного комитета Совета солдатских депутатов, было передано по телефону. В дальнейшем тексте данной записи — объяснение причин, по которым боевые действия не на всех участках могли быть прекращены войсками Военно-революционного комитета.

Получив сообщение о нарушении перемирия юнкерами и прорыве отряда ударников с Брянского вокзала через Хамовнический район к Александровскому военному училищу, где находился штаб юнкеров, Городской район продолжал наступление на телефонную станцию. Наши телефоны, за исключением одного телефона в Московском совете, были выключены одновременно с предъявлением ультиматума Рябцева вечером 27 октября.

19) Запись не закончена. Кто был докладчиком, не выяснено. О расколе среди железнодорожников в записи ничего не сказано.

Раскол среди железнодорожников шел по двум линиям: с одной стороны, налицо были разногласия в самом Викжеле. В Петербурге Викжель провозгласил нейтралитет, вопреки настояниям М. Скобелева, требовавшего перехода Викжеля на сторону Комитета спасения революции, и добивался соглашения по вопросу об организации социалистического правительства, от большевиков до народных социалистов. В Москве викжелевцы настаивали на активном переходе Викжеля на сторону Комитета общественной безопасности и признавали однородное «социалистическое» правительство, но без большевиков. С другой стороны, массы железнодорожных рабочих и мастеровых, активно выступавших в дни Октябрьской революции, не признавали руководства Викжеля, являвшегося одним из центров мелкобуржуазной контрреволюции и настаивавшего на прекращении гражданской войны и организации «общедемократического» правительства, опротестовали действия Викжеля и отказались выполнять распоряжения местных органов Викжеля (центральных, районных и участковых комитетов), избрав свои военно-революционные комитеты.

К док. № 11.

1) См. док. № 10 и примеч. к нему 10-е. В день перемирия за соблюдением его наблюдали «нейтральные комиссары», назначенные Викжелем.

2) На участке Тверской бульвар — Никитские ворота юнкера, нарушившие постановление о перемирии, на нейтральной зоне перешли в наступление, стремясь выбить войска Военно-революционного комитета с Тверского бульвара, а при удаче — и со Страстной площади, что, в конечном счете, угрожало совершенно отрезать здание Московского совета от районов. Это наступление было отражено орудием, стоявшим на Страстной площади. См. прим. 11 к док. № 10.

3) Заявление об этом происшествии было опубликовано за подписью Саввы Степняка, члена Временного комитета солдатских депутатов («десятки»), избранного гарнизонным собранием ротных и полковых комитетов 28 октября, в газете «Социал-демократ» от 31 октября.

4) Телефонная станция артиллерией не обстреливалась вообще. Что же касается Александровского училища, то 30 октября обстрел его производился из орудия, стоявшего на Страстной площади.

5) Переговоры в согласительной комиссии при Викжеле начались в 2 часа дня; присутствие П. И. Кушнера на заседании позволяет определить время заседания.

6) П. И. Кушнер излагает, как видно, информацию, переданную из Петрограда от А. И. Рыкова и Л. Б. Каменева. Записи этой информации в архивных фондах не разысканы. Об ультиматуме Викжеля см. прим. 1-е к док. № 10.

ЦК большевистской партии 29 октября признал возможным ведение переговоров с Викжелем о пополнении состава правительства при условии признания им декретов, изданных 2-м Съездом Советов, и ответственности правительства перед избранным на съезде ВЦИК-ом. Ленин, имевший за собой подавляющее большинство ЦК, рассматривал переговоры «как дипломатическое прикрытие военных действий» (Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, том XXII, стр. 35). Каменев, выделенный для переговоров с Викжелем, извратил директиву ЦК. В решающий момент борьбы за диктатуру пролетариата Каменев вместе с Зиновьевым продолжали проводить предательскую политику, настаивая, вопреки решению ЦК о прекращении всяких переговоров, на соглашении с контрреволюционными мелкобуржуазными партиями и на вхождении их представителей в правительство. На ультиматум большинства ЦК (текст смотри —Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, том XXII, стр. 38), в котором большинство потребовало отказа от деворганизаторской линии и подчинения партийной дисциплине, меньшинство (Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин В. П.) ответило, как известно, новым актом дезертирства, уходом из ЦК и из Совнаркома.

7) Алексеевское военное училище (в Лефортовском районе) после усиленного артиллерийского обстрела из орудий мастерских тяжелой артиллетрии (Мастяжарт) сдалось

30 октября в 12 часов. Протокол сдачи находится в Музее революции и опубликован с некоторыми редакционными сокращениями в статье В. Сторожева (Сборник «Октябрьское восстание в Москве», М. 1922, стр. 202—203). На основании воспоминаний участников переговоров устанавливается, что подписание протокола о сдаче произошло ночью, а не днем.

Обстрел телефонной станции производился не орудийным, а ружейным огнем. Только 1 ноября центральная телефонная станция была обстреляна из бомбомета, после чего она сдалась.

К док. № 12.

1) Публикуемый документ дублирует некоторые записи документа № 10.

2) См. док. № 10. Речь идет, очевидно, о следующем документе:

«Приказ.

Военно-революционный комитет разрешает свободный пропуск по городу автомобилей с продовольствием, фуражом и продовольственными карточками, принадлежащими продовольственному комитету.

На автомобилях и подводах должны быть белые флаги с красными диагонально перекрещивающимися полосами.

Пикеты имеют право проверять, действительно ли грузы принадлежат продовольственному комитету и [не] провозят ли кроме фуража, продовольствия и продовольственных карточек другие предметы.

Член Военно-революционного комитета
П. Мостовенко.
Секретарь Голенко».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 9).

3) В 6 часов 25 мин. утра на Брянский вокзал прибыл отряд ударников в 176 человек, встреченный прорвавшимися из Александровского военного училища юнкерами, напавшими предварительно на охрану Бородинского моста, часть которой была убита, часть же взята белыми в плен. Ударники без препятствий дошли до Александровского училища, а юнкера разгромили 2-й Хамовнический комиссариат милиции. (см. Ал. Аросев, «Как это произошло», М., 1923, стр. 47—51, — два белогвардейских донесения).

4) См. док. № 10, прим. 18. Из воспоминаний участников видно, что юнкера пытались выбить красных с мостов, соединяющих Замоскворечье с городом, — далее, что по Окружной железной дороге двигались казаки (7-й Сибирский казачий полк). Попытки юнкеров были отбиты, казаки же, в штаб которых в Каширу была послана Замоскворецким районным военно-революционным комитетом делегация в составе большевика-казака студента Карпова и прапорщика 55 запасного пехотного полка Рачицкого, заявили о своем нейтралитете.

5) С. Н. Шевердин-Максименко, повидимому, отстаивал ту точку зрения, на которую после перемирия стало большинство Военно-революционного комитета (после отъезда В. П. Ногина в Петроград в ночь на 29-е или же 29 октября) и на которой стоял его штаб: переговоры вести можно при условии одновременного ведения боевых операций.

6) Речь идет не о переговорах о заключении мира, которые велись в заседании согласительной комиссии с 2 часов дня до 9 часов 33 мин. вечера 30 октября в помещении Викжеля в бывшем царском павильоне Николаевской железной дороги, а о переговорах по поводу нарушения перемирия юнкерами со штабом Рябцева и заседавшим в городской думе Комитетом общественной безопасности. Эти переговоры велись «нейтральными» и комиссарами Викжеля, на которых было возложено наблюдение за соблюдением перемирия обеими сторонами. (См. примечание 1 к док. № 11.)

7) Сычев Николай — большевик, красногвардеец Замоскворецкого района.

8) 27 октября командующим войсками Московского военного округа К. И. Рябцевым и московским городским головой В. В. Рудневым была получена следующая телеграмма из ставки:

«Москва. Командующему войсками.

Копия городскому голове.

Для подавления большевистского движения ставкой посылается в ваше распоряжение гвардейская кавалерийская бригада с юго-западного фронта, начнет прибывать в Москву 30 октября, и с западного фронта — артиллерия с прикрытием. Необходимо, чтобы части до прибытия в Москву были встречены вашими делегатами. Необходимы решительные действия совокупными силами для полного подавления мятежников, поднявших смуту в сердце России.

Начальник штаба верховного главнокомандующего Духонин».

28 октября в переговорах по прямому проводу со штабом Московского военного округа генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего Дитерихс сообщил, что «сегодня [28 октября] вечером сможет начать подходить к Москве артиллерия с прикрытием, высланная с западного фронта».

29 октября ставка отдала распоряжение направить в Москву три эскадрона Нижегородского драгунского полка из Калуги. Кроме того, ставка просила срочно направить в Москву отряд в шесть батальонов с артиллерией с румынского фронта и отряд казаков из Донской области.

Отправленные 26 октября Комитетом общественной безопасности делегаты добились в Черкассах согласия на отправку в Москву трех ударных батальонов.

О всех мероприятиях Московский Комитет общественной безопасности сообщал представителям социалистических партий, через которых они становились известными и Московскому Военно-революционному комитету.

9) См. док. № 10, прим. 18, и док. № 12, прим. 5.

К док. № 13

1) См. док. № 10, прим. 15.

К док. № 14

1) Публикуемая запись — доклад П. Г. Смидовича и П. И. Кушнера о переговорах в согласительной комиссии при Викжеле (см. прим. 1 к док. № 10). Протокол заседания согласительной комиссии опубликован в сборнике Истпрофтрана № 2, 1923 г.

При переговорах были предложены два проекта соглашения между Военно-революционным комитетом и Комитетом общественной безопасности: один от Военно-революционного комитета, другой — от Викжеля.

Проект соглашения, предложенный Московским Военно-революционным комитетом, выставлял следующие условия:

«1) Вся власть в Москве находится в руках Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Революционный комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов пополняется кооптированными представителями других демократических организаций.

2) Сводные части (как офицерские, так и солдатские) распускаются.

3) Красная гвардия, в интересах защиты революции, не уничтожается, белая гвардия распускается. Оказавшееся излишнее оружие передается в арсенал.

4) По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся по своим частям». (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 116-п).

Подлинник проекта, предложенного Викжелем, находится в ЦАОР. Он за подписями члена Викжеля А. А. Платонова и секретаря Белякова, а не М. В. Рыкунова, как ошибочно указывает Е. Игнатов. (Е. Игнатов, «Московский совет рабочих депутатов в 1917 г.», М. 1925, стр. 382.)

Вот его содержание:

«1, Сводные части, образованные специально в связи с вооруженным столкновением, как солдатские, так и офицерские, распускаются (пункт 3 соглашения 29/X).

2. Обе стороны издают постановление о сдаче оружия, захваченного для организации боевых дружин в период боевых действий (пункт 4 соглашения 29/X).

3. Для контроля над выполнением этих обязательств учреждается комиссия из представителей обеих сторон на паритетных началах и представителя Викжеля.

4. В Москве создается, впредь до образования центрального правительства, орган, объединяющий и руководящий обычной деятельностью всех органов власти в Москве и обладающий чрезвычайными полномочиями. В состав его входят от городского самоуправления 7 представителей, от Московского совета рабочих и солдатских депутатов — 7, губернского земства — 2, от Губернского совета рабочих и крестьянских депутатов — по 1, от центрального совета профессиональных союзов, от почтово-телеграфного союза и от Викжеля — по 1, причем Временный революционный комитет и Комитет общественной безопасности управляются.

5. Временным комитетом создается специальная следственная комиссия, выясняющая причины, вызвавшие гражданскую войну в Москве, и ответственность отдельных лиц и организаций.

6. По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся по своим частям и поступают в распоряжение командующего военным округом, действующего по полномочию Временного комитета».

(Подл. на пиш. маш, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 607).

Текст этот включен также и в протокол заседания согласительной комиссии при Викжеле 30 октября, опубликованный в сборнике Истпрофтрана № 2, 1923 г.

Текст соглашения перемирия. заключенного 29 октября, см. прим. 1 к до № 10.

2) Как видно из публикуемого дальше документа № 15, продление перемирия еще на 12 часов было Военно-революционным комитетом отвергнуто.

К док. № 15.

1) Вопрос о продлении перемирия для продолжения переговоров с Комитетом общественной безопасности обсуждался Военно-революционным комитетом совместно с партийным боевым центром. При этом партийный центр предложен Военно-революционному комитету исключить из своего состава умеренную и нерешительную часть кооптированных членов (см. доклад В. Н. Яковлевой на расширенном пленуме Московского областного бюро партии 9—10 ноября 1917 г.—архив МК ВКП(б). Это требование партийного боевого центра Военно-революционным комитетом не было выполнено.

2) Текст этой резолюции см. док. № 16.

К док. № 16.

1) Как видим, по вопросу о составе временного органа власти Военно-революционный комитет предложил Комитету общественной безопасности те же условия, на которые еще до предъявления ультиматума Рябцева 27 октября он дал свое согласие в переговорах с левыми эсерами (см. док. № 8), несмотря на то, что в стратегическом отношении положение восставших рабочих и солдат значительно улучшилось.

2) По получении приведенных в публикуемом тексте документов №№ 15 и 16 Комитет общественной безопасности разослал всем так называемым «нейтральным» организациям телефонограмму следующего содержания:

«Комитет [общественной] безопасности вел переговоры с Военно-революционным комитетом. [Военно-] революционный комитет выставил условие прекращения кровопролития, которое Комитет [общественной] безопасности признал неприемлемым и близким к предательству. Комитет [общественной] безопасности не решается принять их условия самостоятельно и просит прибыть в [городскую] думу по одному представителю от каждой партии и по два [представителя] от [каждой] думской фракции».

(ЦАОР, ф. 370).

Подлинник, по которому воспроизводится текст этой телефонограммы, был адресован члену комитета Московской организации РСДРП (меньшевиков) С. Эмдину. Подписал его один из товарищей московского городского головы В. В. Руднева.

Меньшевистский «Вперед», сообщая о состоявшемся по этому вызову совещании, говорит лишь об участии в нем «представителей думских фракций», замалчивая участие в нем представителей партийных комитетов «нейтральных» социалистических партий. В этом сообщении не находим никаких указаний на то, какие решения были приняты совещанием («Вперед», № 195, от 31 октября 1917 г.).

Косвенный ответ на этот вопрос дает в том же номере сам «Вперед», сообщая об организации «нейтрального» блока социалистических партий.

После этого совещания меньшевики-объединенцы, формально до 31 октября имевшие своих представителей в Военно-революционном комитете, заявили о своем уходе из последнего (см. прим. к док. № 17, пункте).

К док. № 17.

1) На основании разысканных в архивах документов можно считать установленным, что 31 октября Московский Военно-революционный комитет обсуждал и вынес решения по следующим вопросам:

а) Вынесено решение о том, чтобы с 1 ноября отпускать хлебный паек в размере ½ фунта, а не ¼ фунта на человека, как об этом объявил городской продовольственный комитет, а также о том, чтобы с 1 ноября не отпускать в рестораны 1 и 2 разряда ни хлеба, ни муки для посетителей этих ресторанов (см. «Известия Моск. совета р. д.», № 201, от 1 ноября 1917 г.).

б) Вынесено следующее постановление о забастовке:

«Военно-революционный комитет постановил: 31 октября с. г. не работают все те предприятия, которые не работали и 30-го, кроме трамвайных мастерских и отдела снабжения.

Все предприятия, связанные с продовольствием населения, работают усиленным темпом. Привести в готовность вагоны трамвая по линии Б — Садовое кольцо и за чертой ее для обслуживания этими вагонами нужд каждого районного революционного штаба. Движение начинается по приказу местного революционного штаба. Проводится в жизнь постановление через посредство союза городских рабочих и служащих.

Член Военно-революционного комитета А. Ведерников.

Секретарь Голенко».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 208).

в) 31 октября в Военно-революционный комитет в 6 часов вечера прибыли делегаты от крестьянских депутатов, которым после долгих переговоров, со стороны Военно-революционного комитета была предложена следующая формулировка основных пунктов предварительного проекта возможного соглашения:

«1) Вся власть советам, как в центре, так и на местах. Советы выдвигают однородное социалистическое министерство, составленное из всех социалистических партий (исключая народных социалистов). Однородное социалистическое министерство ответственно перед советами.

2) Власть в Москве принадлежит органу, выдвинутому Советом рабочих и солдатских депутатов, причем этот орган кооптирует в свой состав представителей от ряда общественных организаций (от совета рабочих и солдатских депутатов — 7, от совета крестьянских депутатов — 1, от губернского совета рабочих депутатов — 1, от городской думы — 1, от совета районных дум — 1, от центрального бюро профессиональных союзов — 1, от почтово-телеграфного союза — 1, от Викжеля — 1).

3) По вопросу о созыве Учредительного собрания представители Военно-революционного комитета заявили, что они также настаивают на немедленном созыве Учредительного собрания и на усиленной подготовке к выборам.

4) По вопросу о восстановлении работ в городской думе делегаты заявили, что они против этого не возражают.

5) Войска должны быть разведены по заключении мира организованным советом штабом, причем вся работа протекает при посредстве и контроле советов рабочих и солдатских депутатов».

На вопрос делегатов Военно-революционного комитета, каким образом участвует в Комитете общественной безопасности представитель Совета крестьянских депутатов, делегаты Крестьянского совета заявили, что они не давали ему мандата на борьбу с советскими войсками.

После переговоров делегаты совета крестьянских депутатов заявили, что они в значительной мере согласны с многими положениями, за которые борются революционные рабочие и солдаты под знаменем Советов.

(Сб. «Октябрьские дни в Москве и районах», М. 1922, стр. 17—18).

г) Была получена телефонограмма из Петрограда в 6 часов вечера 31 октября, в которой сообщалось, что Керенский отверг предложение Викжеля об организации однородного социалистического правительства, от большевиков до народных социалистов включительно, что меньшевики-оборонцы и правые эсеры отвергают вхождение большевиков в предлагаемое Викжелем однородное правительство, а вместе с тем ручаются, что «со вступлением Керенского с казаками в Петроград они (меньшевики и правые эсеры) не допустят его отряды в рабочие районы, чтобы не допустить разгрома рабочего класса».

Телефонограмма заканчивается информацией о юнкерском восстании в Петрограде. Подлинник этой телефонограммы — см. ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 116-г и 116-д.

д) В тот же день, 31 октября, происходили переговоры по прямому проводу О. А. Пятницкого и И. С. Кизильштейна с Петроградом. Переговоры происходили под контролем Викжеля. Представители Петрограда информировали Москву о переговорах при Викжеле; москвичи сообщили о прекращении перемирия и переговоров с Комитетом общественной безопасности; более подробной информации о происходящих в Петрограде и Москве событиях не позволили передать представители Викжеля, под контролем которых происходили переговоры. Подлинная телеграфная лента переговоров — ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 122-а—122-и,

е) Утром Военно-революционным комитетом было принято к сведению заявление меньшевиков - объединенцев, членов Военно-революционного комитета (Константинова, Л. Е. Гальперина - Конягина и Ясенева) о выходе из состава Военно-революционного комитета.

В тот же день из состава секретариата Московского Военно-революционного комитета вышла и Е. Ломтатидзе.

ж) В 5 час. 45 мин. дня 31 октября в Москве была получена радиотелеграмма из Царского Села следующего содержания:

«Призываю всех товарищей к спокойствию. Час поражения врагов революции близок. Они отступили от Царского Села и преследуются нами. Доблестью товарищей матросов все восхищаются, и стоящие на позициях шлют привет всему Балтийскому флоту.

Народный комиссар Дыбенко».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 552.)

К док. № 20.

1) Ссылки в докладе на ход переговоров о сдаче юнкеров относятся к пунктам проекта договора, принятого Военно-революционным комитетом в заседании 2 ноября в 7 часов утра (пункты его зачитаны В. М. Смирновым.)(См. «Красный архив»,т. XXIII, стр. 87—88, а также прим. 3 к док. № 22).

2) Выступал или П. Г. Смидович или В. М. Смирнов.

3) «Приказ об артиллерийской стрельбе» — это приказ о прекращении артиллерийской стрельбы в связи с переговорами о сдаче юнкеров. Текст его приводим:

«Приказ артиллерийскому отряду, действующему у храма Христа спасителя.

Ввиду того, что сейчас происходят переговоры о сдаче Комитета общественной безопасности Военно-революционному комитету, который устанавливает власть*) советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и разоружает белую гвардию и юнкеров, штаб Военно-революционного комитета приказывает немедленно прекратить всякую артиллерийскую стрельбу, впредь до особого распоряжения, оставляя в силе все остальные способы военной борьбы **).

Член Военно-революционного комитета А. Аросев.

Секретарь Самсонов.

2 ноября 1917 г. № 288 Е».

(Подл. на пиш. маш., бланк МВРК, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 10; черновик на пиш. маш., с поправками, ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 430).

Сверху на подлиннике помета химическим карандашом: «Калужская площадь. Замоскворецкий совет рабочих депутатов».

В записи журнала исходящих находим указания относительно того, в скольких местах действовала артиллерия Военно-революционного комитета:

«288. 7 приказов о прекращении артиллерийского огня [получил] Сенин».

В архиве Московского комитета ВКП(б) находим записку члена Московского Военно-революционного комитета Г. И. Ломова, адресованную П. Г. Смидовичу, который вместе с В. М. Смирновым вел в земской управе на Садовой улице переговоры с представителями Комитета общественной безопасности. В этой записке Г. И. Ломов, указывая, что уже 4 часа, и спрашивая, когда же кончатся переговоры, заявил, что будет открыт артиллерийский огонь. П. Г. Смидович на той же записке ответил, что через час переговоры закончатся.

4) Г. К. Голенко было поручено выявить все случаи расправы юнкеров над солдатами и красногвардейцами. В своем докладе он не упоминает о расстреле солдат 56 запасного пехотного полка и арсенальцев в Кремле, произведенном юнкерами 28 октября (см. прим. 1 к док. № 10, стр. 96).

5) В Старице стоял 5 запасный саперный полк. На основании данной протокольной записи устанавливается время прибытия в Москву 350 сапер из Старицы: они могли прибыть только после капитуляции юнкеров. Саперы эти были использованы для саперных работ оборонного характера в Замоскворечье, и некоторая часть их работала на пожарищах у Никитских ворот (дома Гагарина, Коробкова и др.).

6) 2 ноября Г. В. Саблин вышел из лазарета и участвовал в заседании Военно-революционного комитета как представитель его штаба (см. прим. к док. № 9).

К док. № 22.

1) Публикуемая секретарская протокольная запись может служить дополнением к док. № 21, в котором нашли отражение все отмечаемые в док. № 22 вопросы, кроме утверждения договора с Комитетом общественной безопасности.

2) См. последний вопрос в док. № 21.

3) Разработанный Военно-революционным комитетом и согласованный с делегацией шести социалистических партий проект договора был принят в утреннем заседании Военно-революционного комитета, начавшемся в 7 часов утра 2 ноября (см. док. № 19). Приводим его текст:

«Проект договора между Комитетом общественной безопасности и Военно-революционным комитетом советов р. и с. д. 2 ноября. 9½ час. утра.

1. Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

*) Слова «который устанавливает власть» в черновике вписаны чернилами вместо слов зачеркнутых: «на на условиях перехода всей».

**) В черновике слова: «оставляя... борьба» приписаны чернилами.

2. Юнкера и белая гвардия разоружаются. Офицеры остаются при присвоенном им оружии, причем Военно-революционный комитет гарантирует им свободу и неприкосновенность личности.

3. Для [разрешения] вопроса о способе осуществления сдачи организуется комиссия из представителей Военно-революционного комитета и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4. В случае принятия сторонами вышеуказанных пунктов Военно-революционный комитет немедленно отдает приказ о прекращении артиллерийской стрельбы.

Члены Военно-революционного комитета:
Н. Муралов. А. Ведерников. В. Смирнов. С. Пупко. Г. Усиевич. М. Рыкунов.

Члены Комитета общественной безопасности».

(Подл. на пиш. маш., ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 116-л.)

В вечернем же заседании 2 ноября речь шла уже об утверждении окончательного текста договора. О ходе переговоров с Комитетом общественной безопасности — см. док. № 20.

В окончательном договоре находим следующие изменения против принятого Военно-революционным комитетом проекта:

Пункт 2 изложен в следующей редакции:

«2. Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-революционный комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности».

В состав комиссии для разрешения вопроса о способе осуществления разоружения (этим словом заменено слово «сдачи» в проекте) введены «представители командного состава» (пункт 3).

Добавлен пункт: «5. По подписании соглашения все пленные обеих сторон немедленно освобождаются».

4) Приказ о прекращении военных действий был подписан в 9 часов вечера 2 ноября. Первоначально было отпечатано 10 экземпляров этого приказа, с которыми были разосланы товарищи по районам (имена их — см. док. № 21); подписывались они разными членами Военно-революционного комитета, в зависимости от того, для какого района данный экземпляр предназначался. На ротаторе этот приказ был отпечатан за подписью Г. А. Усиевича.

К док. № 23.

1) Бои начались вечером 27 октября, закончились к утру 3 ноября, т. е. продолжались больше чем шесть суток, включая, конечно, и сутки фактически не состоявшегося перемирия (см. док. №№ 10—16 и примечания к ним).

К док. № 25.

1) Представители районов явились в Военно-революционный комитет без вызова, как только им стало известно содержание подписанного от имени Военно-революционного комитета П. Г. Смидовичем и В. М. Смирновым договора. Их выступления дают представление о том, с каким негодованием рабочие и солдатские массы отнеслись к самому факту заключения договора и к его содержанию.

Требования масс вполне четко формулированы в постановлении Военно-революционного комитета и партийной пятерки Басманного района, которое приводим:

«Военно-революционный комитет Басманного совета рабочих депутатов и члены партийной пятерки, обсудив договор, заключенный представителями военно-революционного центра и Комитетом общественной безопасности, постановили:

Довести до сведения о своем протесте по поводу способов заключения договора с контрреволюционерами, когда мнение районов не было заслушано и не принято к сведению.

По существу договора:

1. Роспуск Комитета общественной безопасности считаем недостаточным. Необходим арест членов Комитета общественной безопасности, признание власти советов. Вопрос о роспуске городской думы должен решиться референдумом.

2. Белая гвардия и юнкерские школы разоружаются и расформировываются. Юнкерским школам, не принимавшим участия в борьбе, оставляется оружие, необходимое для обучения.

3. Офицеры, не утвержденные ротными комитетами, разоружаются.

4. Необходимо назначить следственную комиссию и предать военно-революционному суду лиц, уличенных в избиениях и издевательствах над пленными.

5. Заключение под охрану всего командного состава войск штаба и Комитета общественной безопасности. Содержание под домашним арестом в казармах, до установления твердого революционного порядка в городе, всех юнкеров.

Члены Военно-революционного комитета:

З а б р о д и н. И. Г о л у б е в.
М а р к и н. С в о б о д и н.
Одна подпись неразборчива.

Член партийной пятерки В. И в а н о в».

(На подлиннике печать).

2) Представитель Городского района, очевидно, излагал факты, имевшие место в Кремле и Александровском военном училище. Первые подробные сведения о расправе юнкеров над солдатами 56 запасного пехотного полка и арсенала в Кремле были получены от самих пленных, значительная часть которых была юнкерами из Кремля выпущена на волю в ночь с 1 на 2 ноября, когда Комитет общественной безопасности был вынужден капитулировать. О том, как происходило освобождение пленных из Кремля юнкерами, рассказывает в своем дневнике И. Н. Чиненов, («Путь к Октябрю»).

В связи с полученными сведениями о зверском обращении юнкеров с пленными Военно-революционный комитет поручил Г. К. Голенко произвести расследование в порядке опроса освобожденных юнкерами в ночь с 1 на 2 ноября пленных. О результатах этого расследования Г. К. Голенко докладывал Военно-революционному комитету в его заседании 2 ноября в 12 час. 10 мин. (док. № 20).

3) Несмотря на приказ о прекращении боевых действий в связи с заключением мира, артиллерийский обстрел Кремля продолжался до 3 часов утра 3 ноября.

Красногвардейцы и солдаты утром 3 ноября пошли в атаку на Кремль, хотя юнкера его уже оставили. О том, как красногвардейские отряды заняли Кремль, см. воспоминания О. М. Берзина («Пролетарская революция» 1927 г., № 12). При занятии Кремля солдатами был убит имевший свою квартиру в Кремле командир 56 запасного полка полковник Пекарский (см. «Красный архив», т. LIV—LV, «К истории Московского Военно-революционного комитета», запись № 938 и прим. к ней).

Там же в Кремле были задержаны и члены Комитета общественной безопасности. В архивных документах находим указания на арест проживавшего в Кремле председателя Московской судебной палаты, известного кооператора эсера Беркенгейма и прокурора Московской судебной палаты эсера А. Ф. Стааля (см. док. № 27).

4) Юнкера, занимавшие центральную телефонную станцию, сдались около полудня 1 ноября (см. доклад Г. А. Усиевича, док. № 18). Алексеевское военное училище сдалось в 12 часов 30 октября; договор-протокол о сдаче юнкеров Алексеевского военного училища опубликован В. Сторожевым (сборник «Октябрьское восстание в Москве», 1922 г., стр. 202—204). Крутицкие казармы, в которых была расквартирована 6-я школа прапорщиков, сдались в 3 часа дня 31 октября.

5) Выборное начало в войсках Московского военного округа было введено приказами Московскому военному округу 4 и 5 ноября №№ 2 и 11 (в «Известиях М. В. Р. К.» приказ № 2 опубликован под № 3); юнкера были зачислены рядовыми солдатами в запасные части 10 ноября (приказ № 19); 17 ноября была опубликована подробная инструкция о выборах начальников и комиссаров (приказ № 34).

6) М. М. Костеловская в дни Октябрьского восстания работала в Сущевско-Марьинском районе.

7) См. примечание 2.

8) Говоря о 75 тысячах московского гарнизона, Н. И. Плеханов имел в виду строевые части, расквартированные в Москве, без учета нестроевых частей и тыловых военных организаций. Силы юнкеров Плеханов заведомо преуменьшает. Представители Комитета общественной безопасности, добивавшиеся в Калуге отправки казаков, драгун и броневиков для борьбы с восставшими в Москве рабочими и солдатами, определяли свои силы в восемь тысяч человек, о чем 1 ноября в переговорах по прямому проводу начальник калужского гарнизона полковник Петин информировал штаб западного фронта (см. «Красный архив», т. LXI, «Ставка и Комитет общественной безопасности», док. № 43).

9) Белогвардейцы и социал-соглашатели,с целью максимального уменьшения человеческих резервов Московского Военно-революционного комитета, вели усиленную агитацию среди солдат-крестьян, уговаривая их уезжать в деревню. Московский воинский начальник полковник Костицын выдавал этим солдатам беспрепятственно проездные документы на родину под видом отпуска, и сам уговаривал солдат уезжать в деревню.

Военно-революционный комитет Костицына арестовал, назначив на его место левого эсера подпоручика Ершова.

10) С. Я. Бобинский работал в Октябрьские дни в штабе военно- революционного комитета Городского района.

11) Я. М. Познанский имеет в виду следующий документ, приложенный к договору: «Сопроводительное заявление.

Все военнослужащие и белая гвардия заявляют, что они вели борьбу не для достижения политических целей, а для водворения государственного порядка и охранения жизни и имущества жителей города Москвы.

Председатель Соединенного комитета войск, оставшихся верными Временному правительству, подпоручик А. Б. Якулов.

Член Исполнительного комитета военно-учебных заведений г. Москвы юнкер Кобро»

(«Известия М.В.Р.К. »№ 1, от 3 ноября 1917 г.).

12) Сосредоточение всех юнкеров и белогвардейцев в Александровском училище и гостинице «Прага» было предусмотрено в инструкции о техническом выполнении договора.

У Александровского военного училища с утра 3 ноября на улице стекались группы различных частей как воинских, так и красногвардейских, которые шумно и страстно требовали немедленного ареста и даже избиения юнкеров и офицеров. Они грозили приводом артиллерии, если это требование не будет исполнено. Стоявшие на площади два орудия (трехдюймовые) были направлены против училища. На улицах чрезвычайно нервная обстановка, угрозы против «нейтральных комиссаров» с минуты на минуту могли превратиться в действия,

К док. № 28.

1) В связи с занятием донскими казаками по приказу атамана Каледина Донецкого угольного района Москва готовилась к нападению казачьих банд. Так как прибытие их ожидалось со стороны Замоскворечья, в первые же дни после победы над юнкерами в Замоскворечье были направлены прибывшие из Старицы саперы из 5 запасного саперного полка (см. док. № 20, прим. 5); туда же были переброшены и 5 батарея 1-й запасной артиллерийской бригады под командой Давыдовского и красногвардейские отряды из других районов.

На Окружной железной дороге появились казаки 7 Сибирского казачьего полка, расквартированного в Кашире и окружных деревнях, без всякого злого умысла: они, на основании соглашения, заключенного в Кашире их полковым комитетом с представителями Замоскворецкого районого военно-революционного комитета, отправлялись на родину (см. прим. 4 к док. № 12).

На основании этого же соглашения две казачьих сотни, расквартированные в Котлах в Замоскворечье, уже 2 ноября начали грузиться в вагоны на Павелецком вокзале.

2) Эти кандидатуры на должность комиссара по гражданской части отпали, и комиссаром был назначен М. И. Рогов (см. док. № 29).

3) К организации комиссариата по гражданской части Московский Военно- революционный комитет приступил на основании постановления партийного центра от 3 ноября (см. док. № 26).

4) Подлинная рукопись манифеста хранится в ЦАОР (ф. МВРК, п. V, лл. 104-ж, з). Манифест этот неоднократно публиковался (см. напр. «Октябрьские дни в Москве и районах», стр. 15).

К док. № 29.

1) Юнкера 1-й Московской школы прапорщиков, не принимавшие участия в боевых действиях против восставших рабочих и солдат, добивались того, чтобы советская власть разрешила им окончить школу и быть произведенными в прапорщики. Секретарь занес в запись и шуточное замечание кого-то из присутствовавших.

2) См. док. № 28 и прим. 2. Приказом № 1 комиссара по гражданской части М. И. Рогова с 4 ноября запрещалось движение по улицам после 8 часов вечера без специальных пропусков. На следующий день это ограничение было отменено.

3) Инструкция комиссару по гражданской части, принятая на данном заседании Военно-революционного комитета, публикуется ниже (см. док. № 30).

4) 3 ноября Московский Военно-революционный комитет выдвигал ту же схему конструкции органа власти, которая была им принята 27 октября (см. док. № 8) и предталась Комитету общественной безопасности во время переговоров 30 октября (док. № 16).

К док. № 30.

1) См. док. № 29 и прим. 2.

2) Более поздняя дата (7 ноября) и подпись М. И. Рогова на подлинном документе объясняются, очевидно, тем, что сохранившийся разысканный в архивах документ датирован не как первоначальный, а как справка.

К док. № 32.

1) Собрание представителей районных военно-революционных комитетов было созвано Московским Военно-революционным комитетом, о чем свидетельствует следующее объявление:

«В субботу 4 ноября, в 10 час. утра, в помещении Совета рабочих и солдатских депутатов (комната 13) состоится собрание Военно-революционного комитета с представителями районных военно- революционных комитетов и районных штабов и с районными комиссарами.

Присутствие всех районов обязательно».

(«Известия Московского Военно-революционного комитета», № 2, от 4 ноября 1917 г.)

2) Постановление совещания представителей районных военно-революционных комитетов 3 ноября «об охране порядка» обсуждалось в заседании Московского Военно-революционного комитета 5 ноября (см. док. № 39). В фонде МВРК находим видоизмененный текст постановления Московского Военно-революционного комитета (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 8-б и 8-в), отличающийся от публикуемых постановлений следующим:

а) исключены пункты 4, 8, и 9.

б) Пункты 1 и 7 изложены в другой редакции, а именно:

«1) Временно охрана революционного порядка находится в ведении милиционеров и также Красной гвардии.

Примечание: Охрана заводов принадлежит фабрично-заводским комитетам».

«7. Оружие раздается в районах исключительно членам Красной гвардии по мере надобности. Способы хранения оружия предоставляется установить Красной гвардии и представителям комитетов, а это...» *)

3) На следующий день, 5 ноября, список членов Московского Военно-революционного комитета и их заместителей был опубликован в газета «Социал-Демократ».

4) После капитуляции Комитета общественной безопасности, 3 ноября, когда работники боевого штаба Военно-революционного комитета разошлись на отдых, левыми социалистами-революционерами была сделана попытка взять руководство штабом в свои руки. 4 ноября все работавшие в штабе в боевые дни явились на работу, чем и было покончено с притязаниями левых социалистов-революционеров. Об этом было доложено на совещании представителей районных военно-революционных комитетов, которые приняли постановление об усилении связи районов со штабом Московского Военно-революционного комитета.

5) В фонде МВРК находим следующий документ, относящийся к 26 октября:

«Отдел по организации районов: комната № 26, телефон 64—20, дополнительный 20 и 25.

Сергеев [-Багров] В. С., Каменская Л. И., Фитингоф Р. С., Петров.

Комиссары районов:

Розенштейн — Лефортовский районный совет — телефон 91—84.

Фельдман — Замоскворецкий районный совет — 81—10.

Ефремов — Бутырский — 2-01-07.

Гусев — Железнодорожный — 4-03-76.

Русаков — Сокольнический — 3-71-33.

Голубев — Басманный — 2-03-81.

Слесарев — Пресненский — 1-69-22.

Кольцов — Сущевско-Марьинский — 5-67-71.

Прямиков — Рогожский — 3-99-90. 66—46.

Гончаров — Симоновский — 3-93-21.

Тверитин — Городской — 27—68».

---

*) Фраза не закончена.

(Подл. на пиш. маш. ЦАОР, ф. МВРК, п. П, л. 623).

4 ноября в «Известиях Московского Военно-революционного комитета» № 3 был опубликован измененный список районных комиссаров:

«Сокольнический район: комиссар тов. Ефремов, помощник — тов. Русаков.

Благушинско-Лефортовский (Благуша, Черкизово, 1-й, 3-й Лефортовский комиссариат): комиссар М. А. Розенштейн.

Симоновский район: комиссар Н. К. Гончаров, помощник Алешин.

Басманный район: комиссар И. М. Голубев.

Дорогомиловский район: комиссар тов. Телешов.

Городской район: комиссар В. Д. Тверитин.

Железнодорожный район: комиссар А. С. Гусев».

В опубликованном списке пропущены комиссары Замоскворецкого района — С. Д. Фельдман, Пресненского — Слесарев, Рогожского — Прямиков.

Ефремов, действительно, был комиссаром Сокольнического района, а не Бутырского. В Бутырском районе в дни боев работал В. С. Сергеев-Багров.

Комиссаром Сущевско-Марьинского района был член районного военно-революционного комитета от Московского Комитета партии большевиков Кольцов, но он заболел и поэтому не работал (сборник «Год борьбы» (1917), И. Батышев,«Октябрь в Сущевско-Марьинском районе», стр. 205).

6) См. док. № 27.

7) Комиссаром городского хозяйства, а также в столичную комиссию по выборам в Учредительное собрание вместо ушедшего тов. Вейсброда 6 ноября 1917 г. был назначен тов. Комаринец (см. док. № 43).

8) Вопрос о дне похорон обсуждался несколько раз, поскольку районы настаивали на назначении их в воскресный день (12 ноября), а Военно-революционный комитет назначил похороны на рабочий день (10 ноября) (см. док. № 4).

К док. № 34.

1) См. постановление по «докладу представителей продовольственного комитета» от 7 ноября (док. № 49).

К док. № 36.

1) В публикации этого документа в сборнике документов «Октябрь в Москве» (стр. 160) «декретная комиссия» ошибочно названа «секретной комиссией».

В разысканных секретарских протокольных записях никаких указаний на обсуждение вопроса о создании декретной комиссии не находим.

2) Вопрос о буржуазной печати разбирался Военно-революционным комитетом в заседании 6 ноября 1917 г., так же как и вопрос о реквизиции типографий (см. док. №№ 44, 46 и 47). Предшествовавшие принятию публикуемого постановления прения нашли свое отражение в секретарской записи 4 ноября (см. док. № 33). Согласно последней вопрос о реквизиции типографий должна была проработать специальная комиссия под председательством М. А. Ольминского-Александрова.

3) Газета «Власть народа» — орган партии народных социалистов.

4) См. док. № 33.

5) См. док. № 33. Решение продавать сахар по октябрьским ценам, без начисления введенного еще Временным правительством Керенского повышенного акциза, в жизнь проведено не было, о чем свидетельствует секретарская запись обсуждения «сахарного вопроса» в заседании Военно-революционного комитета 14 ноября 1917 г. (см. док. № 61).

6) Сущность конфликта между железнодорожными организациями сводилась к тому, что организованный в дни Октября железнодорожный военно-революционный комитет, опираясь на революционно настроенные массы железнодорожников, вступил в борьбу с Викжелем. (См. прим. к док. № 61.)

7) 30 октября 1917 г., после прибытия на Брянский вокзал 176 белых ударников, по распоряжению Хамовнического районного военно-революционного комитета, вокзал этот был занят полуротой 193 запасного пехотного полка под командой большевика прапорщика Сулацкого.

Эта охрана оставалась на Брянском вокзале до 5 ноября. 4 ноября железнодорожники Московско-Киево-Воронежской железной дороги обратились в Военно-революционный комитет с просьбой снять эту чрезвычайную охрану с Брянского вокзала.

8) Железнодорожные пути по направлению к Калуге были разобраны вяземскими железнодорожниками для того, чтобы воспрепятствовать продвижению на Москву и Петроград разгромивших Калугу войск (Нижегородского драгунского полка, кубан-

ских казаков и броневиков). Для установления власти советов в Калуге необходимо было послать туда военную экспедицию, вопрос о посылке которой обсуждался Московским Военно-революционным комитетом 6 ноября по получении сведений о возможности восстановить железнодорожное сообщение с Калугой (см. док. №№ 44 и 45).

Кроме того были разобраны пути между Можайском и Вязьмой для того, чтобы воспрепятствовать продвижению войск с фронта, отправленных ставкой по требованию Московского Комитета общественной безопасности (см. «Ставка и Московский Комитет общественной безопасности», «Красный архив», т. LXI).

См. доклад К. Г. Максимова в заседании Московского Военно-революционного комитета 5 ноября (док. № 37).

9) В фонде МВРК находим выцветшую и не поддающуюся расшифровке телеграмму комиссара Александровской (Варшавско-Брестской, теперь Белорусско-Балтийской) железной дороги Эйзенбета, присланную последним с линии, в которой сообщалось о продвижении к Москве 21 эшелона войск.

10) Секретарские записи, относящиеся к обсуждению вопроса «о комиссарах на вокзалах», не разысканы.

Докладчиком по этому вопросу, вероятно, выступал А. М. Амосов.

11) Приказ № 3 комиссара по гражданской части города Москвы отменял изданный 3 ноября и опубликованный 4 ноября его приказ № 1, запрещавший движение по улицам после 8 часов вечера, начиная с 4 ноября, без специальных пропусков.

12) Доклад М. И. Рогова по вопросу «о борьбе с алкоголизмом» не разыскан.

13) При докладе комиссара театров Е. К. Малиновской на заседании Московского Военно-революционного комитета присутствовали Л. В. Собинов, А. И. Сумбатов-Южин и художник С. И. Петров. Л. В. Собинов был назначен комиссаром Большого театра, а Сумбатов-Южин — комиссаром Малого театра.

14) «Театром Совета рабочих депутатов» назван театр «Аквариум», переданный в ведение культурно-просветительного отдела Московского совета солдатских депутатов. Организатором этого театра был солдат актер Леонтьев.

К док. № 37.

1) В секретарской записи (док. № 33) вместо «Ломова и Усиевича» указаны «Кушнер и Усиевич», очевидно, неправильно, поскольку документ № 37 дает окончательную редакцию.

2) См. документ № 24, а также документы №№ 32 и 49.

3) Так в подлиннике вместо: «полковых, ротных и бригадных комитетов».

4) Первоначально намеченный час созыва гарнизонного собрания — 11 часов утра (док. № 33) — был изменен по заявлению С. Саввы-Степняка, указавшего, что он не успеет оповестить все части московского гарнизона о собрании, поскольку телефонная сеть не была еще восстановлена.

5) Избранный 25 октября на пленуме Московских Советов в Военно-революционный комитет от меньшевиков М. И. Тейтельбаум явился в Военно-революционный комитет с просьбой дать ему какую-нибудь работу. По процессу меньшевиков-интервентов в 1931 году М. И. Тейтельбаум приговорен к 10 годам лишения свободы.

Беспартийный поручик А. П. Морозов — один из членов комитета депутатов фронта при Исполнительном комитете Московского совета солдатских депутатов, был назначен первым начальником советского штаба Московского военного округа, но пробыл на этой работе только с 5 по 30 ноября и был отчислен за неисполнение приказа об уничтожении офицерских чинов и знаков отличия.

К док. № 44.

1) Публикуемые документы №№ 44 и 45 — секретарские протокольные записи двух заседаний Московского Военно-революционного комитета 6 ноября. В этот день происходило еще и третье заседание, секретарские протокольные записи которого не разысканы. Постановления Военно-революционного комитета, вынесенные 6 ноября,— см. документы №№ 46 и 47.

2) См. док. № 46 и № 47.

3) Панику по поводу загруженности московского железнодорожного узла распространяли все противники советской власти. Источником этих слухов были городской продовольственный комитет, являвшийся отделом городской управы, и Викжель, пытавшийся использовать эти слухи как средство давления на советы во время ведения в Петрограде, по инициативе того же Викжеля, переговоров об организации власти. Полученная телеграмма, о которой идет речь в публикуемой секретарской записи, это, очевидно, телеграмма из Петрограда, вызванная опасением, что в связи с загруженностью московского железнодорожного узла может прекратиться подвоз продовольствия к Петрограду и на фронт. Текст этой телеграммы и ответ на нее не разысканы.

4) В подлинной записи этот абзац написан после абзаца: «Сообщить, что... с революцией».

Московский городской продовольственный комитет, являвшийся одним из отделов эсеро-кадетской московской городской управы, объявил 28 октября, т. е. тотчас же по предъявлении Московскому Военно-революционному комитету ультиматума Рябцевым, об уменьшении хлебного пайка на 1/4 фунта. «Причиной уменьшения пайка являются затруднения..., вызванные переживаемыми Москвою событиями», — читаем в этом объявлении. «... Надеяться на усиление подвоза нельзя, если не установится нормальная жизнь... Скопление в Москве на станциях более 8 000 вагонов создало пробку, угрожающую совершенно остановить подвоз продовольствия, топлива и сырья к Москве, Петрограду, фронту и северным губерниям и тем совершенно остановить промышленную жизнь». (Подлинник на пиш. маш., МОАУ, ф. совета солд. деп., 1917 г. «Донесения с мест о захвате власти большевиками».) Объявление имеет целью запугать обывателя угрозой голода, а рабочего — перспективой остановки производства.

После победы рабочих и солдат меньшевики и социалисты-революционеры продолжали сеять панику, лишь бы только подорвать власть советов.

5) Окончательный текст постановления Военно-революционного комитета см. док. № 46.

6) В записи прений по вопросу о свободе буржуазной печати не находим высказываний против разрешения выхода в свет буржуазных газет, хотя при голосовании эта точка врения получила два голоса.

7) Окончательный текст постановления — см. «проект декрета о печати» в постановлениях Военно-революционного комитета 6 ноября (док. № 47).

8) И. С. Кизильштейн, очевидно, докладывал о том, что вопрос о Калуге, разгромленной и занятой казаками и драгунами, обсуждался в Петрограде при участии трех членов коллегии народного комиссариата по военным и морским делам. Передача этого вопроса на рассмотрение военно-областного совета, т. е. Петроградского окружного военного совета, свидетельствует о том, что в Петрограде в связи с разработкой плана борьбы против Каледина разрабатывался конкретный план ликвидации белогвардейского гнезда в Калуге. Военная экспедиция из Москвы в Калугу вследствие саботажа Викжеля была отправлена значительно позже, и только 28 ноября в Калуге была восстановлена советская власть. Начальником экспедиционного отряда был А. А. Бурдуков, комиссаром — А. В. Мандельштам-Одиссей. См. док. № 46.

9) Постановление по вопросу о посылке эмиссаров в Калужскую, Тамбовскую и Тульскую губернии см. док. № 46.

10) И. С. Кизильштейн, очевидно, докладывал не о «снаряжении... заводов и.. склада», а о новом и отремонтированном оружии, скопившемся как на фабричных складах (арсенале) тульских оружейных заводов, так и эвакуированного в Москву Бобруйского артиллерийского склада. Вопрос о перевозке оружия из Тулы был, вероятно, поставлен в связи с засильем меньшевиков в Тульском совете. Этим же объяснялась и постановка вопроса о посылке в Тулу эмиссара, как это было сделано в отношении занятой казаками Калуги и Тамбовской губернии, где преобладало влияние социалистов-революционеров. См. прим. 9.

К док. № 45.

1) В фонде МВРК находим записку, по которой М. Н. Покровский зачитывал изложенные в секретарской записи требования консулов. Приводим подлинный документ:

«Требования консулов.

1. Пропуска в Военно-революционный комитет для консулов.
2. Присутствие представителей консульства при обысках у иностранцев (в случае заявления до 12 час. представитель призывается в тот же день, в противном случае на другой день утром).
3. Право для иностранцев, живущих на окраине Москвы, иметь при себе оружие (по рекомендации консула).
4. Вопросы о выдаче заграничных паспортов.
5. Рабочий контроль и иностранные компании (отвечено, что этот вопрос не московский, а общегосударственный).
6. Опечатание консульской печатью закрывающихся предприятий.
7. Специальный поезд для женщин и детей в случае новой опасности, угрожающей Москве (отвечено утвердительно, с оговоркой: поскольку в наших руках будут железные дороги).
8. Воззвание о том, что жизнь и имущество иностранцев будут охраняться.

(Подчеркнуто наиболее спешное — подлежащее разрешению, если возможно, сегодня).»

(Подлинник чернилами, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 132).

Из всех этих требований Военно-революционный комитет удовлетворил тотчас не только одно — о выдаче консулам пропусков в Военно-революционный комитет (см. пункт 5 постановления по «заявлению Покровского о признании нашей власти консулами»—док. № 46). Остальные были переданы на разрешение образованного этим же постановлением комиссариата по иностранным делам, возглавляемого М. Н. Покровским — комиссаром и его заместителем Лукиным-Антоновым.

2) См. док. № 46 — постановление по «заявлению Покровского о признании нашей власти консулами», пункт 1.

3) См. там же, пункт 2.

4) См. там же, пункт 3.

5) См. там же, пункт 4.

6) См. док. № 46, постановление по вопросу «о новых выборах в городскую думу». 6 ноября в 1 час дня было назначено заседание Московской городской думы, но оно не состоялось, так как гласные не были допущены в зал заседаний. Гласные во главе с председателем Московской городской думы эсером О. Минором и прибывшим из Петрограда представителем Петроградской городской думы меньшевиком А. П. Урушадзе перекочевали в народный университет имени Шанявского на Миусской площади и вынесли там две контрреволюционные резолюции с призывом организоваться для борьбы с советской властью.

7)Городская управа и городская дума «не снимая с себя полномочий, принимая все меры к продолжению работ городского управления и руководству аппаратом городской деятельности», призывали всех служащих приступить к занятиям, подчиняясь исключительно распоряжениям городской управы, а не совета районных дум и комиссаров Военно-революционного комитета («Утро России» от 8 ноября 1917 г.).

8) Запись эту можно понять двояко: это или заявка на потребность в деньгах для расчетов по заработной плате городских служащих и рабочих или же сообщение о том, что в кассе городской управы денег нет, так как постановлением кадетско-эсеровской городской управы деньги из кассы были изъяты, с тем, чтобы держать весь аппарат управления городским хозяйством в своих руках (см. прим. 6). Последнее «общественным деятелям» не удалось: их доверенное лицо, захватив миллионные суммы, скрылось.

В постановлениях Военно-революционного комитета от 6 ноября находим решение по докладу «о средствах городского самоуправления», которым ставился вопрос о городском займе и постановлено было издать декрет о конфискации у домовладельцев арендной месячной платы на нужды городского самоуправления (см. док. № 47).

9) Докладчиком по всем вопросам городского хозяйства выступал М. Ф. Владимирский-Камский. В заключение он информировал о настроениях аппарата городской управы в связи с саботажем верхушки этого аппарата и призывом городской думы ко всем городским служащим не подчиняться органам советской власти (см. прим. 6 и 7).

10) Отпуск оружия с центральных базисных складов, к числу которых принадлежали и склады (арсенал) Тульского оружейного завода, производился по нарядам главного артиллерийского управления, а разнарядка по войсковым частям — по требованиям артиллерийских управлений армий, фронтов и военных округов, не превышающим назначенных главным артиллерийским управлением пределов. Эти артиллерийские управления не везде были взяты в руки советской властью, руководители в них в большинстве случаев оставались прежние, а назначенные к ним комиссары сплошь и рядом не были знакомы с техникой дела. Кроме того, множество требований на оружие было выдано еще до Октябрьской революции и подлежало удовлетворению в порядке очереди, так как производство отставало от роста потребности в оружии. При таком положении опасность вооружения получаемым со складов оружием войск, враждебных советской власти, была налицо.

11) Под «перегрузом оружия», как записано в секретарской записи, следует понимать разгрузку следовавших через Москву вагонов с оружием, шедших в адрес фронта, а также переадресовку находившихся в пути вагонов с оружием.

12) Докладчик, очевидно, упустил из виду то обстоятельство, что тульские оружейные и патронный заводы являлись единственным источником снабжения винтовками, пулеметами и патронами, тем более, что Ижевский завод во время империалистической войны выпускал только полуфабрикат, а другие заводы только строились. Следовательно, надо было учитывать потребность в оружии не только московской Красной гвардии, но и других областей.

13) Постановление Военно-революционного комитета в окончательной форме см. док. № 46, решение по вопросу «Доклад Кизильштейна».

14) Постановление Военно-революционного комитета по «докладу Левенсона о судебных учреждениях» см. док. № 46.

15) В разысканных постановлениях Московского Военно-революционного комитета (док. №№ 46 и 47) постановления о казенной палате, в частности — о назначении комиссаром казенной палаты присяжного поверенного Васильева, не находим.

16) В окончательной редакции (док. № 46) постановление записано без изменений.

17) В окончательной редакции — см. последний пункт док. № 46. Оружие для Грозного штабом Московского военного округа отпущено не было. Причиной было, во-первых, то, что приехавших из Грозного за оружием из москвичей никто не знал, и, во-вторых, опасение, чтобы это оружие не было захвачено Калединым.

18) М. В. Рыкунов был делегирован в Московский Военно-революционный комитет Центральным бюро (советом) профессиональных союзов, поэтому в тексте должно было бы быть: «может его отозвать только Центральное бюро профессиональных союзов», а не «пленум Совета рабочих и солдатских депутатов».

19) По вопросу об иногороднем телефонном сообщении никаких записей или постановлений Военно-революционного комитета, относящихся к 6 ноября, не разыскано. Иногороднее телефонное сообщение бездействовало, так как линии его были повреждены.

20) Во главе делегации Балтийского флота находился бывший комиссар Балтийского вокзала в Петрограде и заведующий передвижением войск матрос «Республики» Любицкий.

21) О посещении Военно-революционного комитета этими делегациями в фонде МВРК находим следующий документ:

«Делегация Балтийского флота.

Сегодня к нам, в Военно-революционный комитет, прибыла делегация Балтийского флота. Задачей делегации является борьба с Калединым, с каковой целью она направляется на юг России — в Харьков, Севастополь, Николаев, Херсон и Одессу. Ввиду острого продовольственного вопроса в Петрограде и Москве, делегация признала необходимым связаться с московским союзом текстильщиков и экономическим отделом при Военно-революционном комитете, в целях снабжения деревни юга России предметами текстильного производства, гвоздями, подковами и проч. в обмен на хлеб.

Делегация заявила Военно-революционному комитету, что, если, действительно, грозит опасность со стороны калединских войск, то они решили организовать ударный отряд, чтобы отразить нападение калединцев и не допустить отрезать каменноугольный район юга России от центра.

Прибывшие делегации юго-западного фронта VII армии и II армии западного фронта выразили доверие Военно-революционному комитету, причем делегаты II армии заявили, что весь западный фронт на стороне Военно-революционного комитета и советов».

(Подл. запись каранд., ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 23-ж).

К док. № 48.

1) На основании решения «частного межпартийного совещания» 5 ноября (см. док. № 41). Военно-революционным комитетом 6 ноября было созвано межпартийное совещание, на которое были приглашены представители всех партийных организаций Москвы, за исключением народных социалистов (см. «Красный архив», т. LIV—LV, «К истории Московского Военно-революционного комитета», записи №№ 747, 749, 750, 751, 752 и 753).

Заявления правых эсеров и меньшевиков на этом совещании опубликованы в XXIII т. «Красного архива» (стр. 122—123). Эсеры демонстративно покинули совещание. Представитель Московского Военно-революционного комитета был делегирован на это совещание лишь с информационными целями (см. док. № 39).

К док. № 49.

1) Саботаж банковских служащих в Москве осложнялся отсутствием денежных знаков. Только 7 ноября (в день данного заседания Военно-революционного комитета) должно было прибыть подкрепление из Петрограда, о чем свидетельствуют следующие записи в журнале исходящих бумаг Московского Военно-революционного комитета:

«№ 968. Комиссару [Московской конторы Государственного банка] Т. И. Попову приказ о принятии с Николаевского вокзала ценностей, прибывающих из Петрограда, и помещении их в Государственном банке.

№ 969. В штаб Московского военного округа приказ о назначении караула для сопровождения перевозки ценностей с Николаевского вокзала в Государственный банк. (Получил) Шевердин».

2) Г. Н. Мельничанский Военно-революционным комитетом был назначен комиссаром Московской таможни (см. док. № 47).

3) Совет союза почтово-телеграфных служащих рассылал телеграммы «всем, всем

всем» с контрреволюционными призывами к неподчинению советской власти и саботажу (см. прим. 5 к док. № 54).

4) К. Г. Розенталь в дни Октябрьских боев заведывал арсеналом Военно-революционного комитета и выдачей из него оружия. После капитуляции юнкеров работал в штабе Красной гвардии.

5) Усиление караулов у банков было предпринято в связи с прибытием ценностей из Петрограда. См. прим. 1.

6) Речь идет о комиссии по борьбе с дезертирством при Совете солдатских депутатов, созданной эсеро-меньшевистским исполнительным комитетом.

7) См. док. № 34.

К док. № 54.

1) 16—18 октября в Москве состоялся 1-й Окружный украинский войсковой съезд, который избрал свой постоянный орган — Украинскую войсковую раду Московского военного округа. В дни Октябрьского восстания с представителями этой рады и командирами начавших формироваться украинских частей велись переговоры о соблюдении ими нейтралитета. В результате переговоров, закончившихся уже тогда, когда ясно определилась победа советов, Украинский тяжелый артиллерийский дивизион, по приказу Военно-революционного комитета, отправился на позицию на Воробьевых горах. Его командир — подполковник саботировал и не открывал до последнего момента огня, ссылаясь на отсутствие таблиц стрельбы.

На основании условий соглашения, 6 ноября приказом по Московскому округу № 12 Украинской войсковой раде была предоставлена полная автономия и в ее распоряжение были переданы все юнкера украинской национальности. Не подлежит сомнению, что этим воспользовался также ряд русских контрреволюционеров.

Уже 9 ноября публикуемое постановление было проведено в жизнь, и приказом по Московскому военному округу № 27 124 юнкера-украинцы были произведены в прапорщики.

2) Полковник Рябцев и штабс-капитан Наумов были арестованы 10 ноября железнодорожниками-красногвардейцами на станции Царицыно-дачное под Москвою. Причиной ареста послужило портретное сходство Наумова с Керенским. В дни Октябрьских боев Наумов, по приказанию Рябцева, получил из кассы штаба Московского военного округа всю ее наличность. Деньги эти были израсходованы, по заявлению арестованных, на нужды штаба юнкеров.

3) В заседании Военно-революционного комитета 10 ноября было вынесено постановление «поручить Центральному совету профессиональных союзов наметить кандидата в комиссары труда» (см. док. № 53).

4) Саботаж служащих Московской конторы Государственного банка, не подчинявшихся распоряжениям Военно-революционного комитета, угрожал полной приостановкой жизни города. Заработная плата не выдавалась. Военно-революционный комитет принял ряд мер. В ночь с 8 на 9 ноября был арестован управляющий Московской конторой Государственного банка В. Я. Ковальницкий. Союз служащих Государственного банка объявил забастовку и совместно с контрреволюционным советом почтово-телеграфного союза разослал телеграмму с призывом поддержать забастовку государственных служащих.

10 ноября служащие Государственного банка, несмотря на приказ комиссара Военно-революционного комитета Т. И. Попова, на работу не вышли. 11 ноября полномочный комиссар Военно-революционного комитета С. Н. Шевердин-Максименко в присутствии гражданского комиссара М. И. Рогова, членов Совета районных дум Монахова и Русакова, члена финансового совета Закса и коменданта города Берзина предъявили правлению Московской конторы Государственного банка требование о выполнении публикуемого постановления Военно-революционного комитета. Дирекция банка отказалась выполнить это решение. Под расписку А. И. Монахова было взято пять миллионов рублей на немедленную оплату пайков солдаткам, заработной платы рабочим, служащим и милиционерам (см. протокол об этом в «Известиях Моск. совета р. д.» № 203/210 от 12 ноября 1917 г.).

Так как служащие Государственного банка указывали на «незаконное» назначение нового управляющего конторой, Военно-революционным комитетом была послана в Совнарком телеграмма об утверждении в должности управляющего Т. И. Попова.

В ответ была получена следующая телеграмма:

«Москва. Государственному банку.

Управляющий Московской конторой В. Я. Ковальницкий увольняется со службы. Назначается управляющим Московской конторой Государственного банка Т. И. Попов.

Председатель Совета народных комиссаров

В. Ульянов-Ленин».

(«Известия Моск. СРД», № 206/213, от 15 ноября 1917 г.).

К док. № 55.

1) Публикуемый документ в «Известиях Моск. СРД» был опубликован как постановление Президиума Московского совета, хотя Московский Военно-революционный комитет должен был действовать как полномочный орган власти вплоть до перевыборов Исполнительного комитета Моск. совета, состоявшихся 14 ноября 1917 г.

2) Комиссар Таганской тюрьмы, член солдатской «десятки», Николай Кустов был смещен с этой должности постановлением Военно-революционного комитета 10 ноября (см. док. № 52). Этим же постановлением комиссаром Таганской тюрьмы был назначен другой член «десятки» — солдат Н. И. Плеханов.

К док. № 57.

1) Секретарскую протокольную запись заседания, на котором были вынесены публикуемые постановления, см. док. № 56.

В публикуемых постановлениях нет лишь решения по вопросу о переговорах с Викжелем по поводу посылки военной экспедиции в Калугу, а также по докладу делегации из Донецкого бассейна.

В секретарской же записи (док. № 56) не находим указаний на доклад банковской комиссии.

2) «Банковский декрет», о котором говорится в данном постановлении, это — приказы об ограничении суммы выдач с текущих счетов в банках.

3) 10 ноября Военно-революционный комитет вынес постановление об освобождении управляющего Московской конторой Государственного банка В. Я. Ковальницкого из Бутырской тюрьмы и оставлении его под домашним арестом (см. док. № 53). Следовательно, в данном постановлении речь идет о снятии домашнего ареста.

К док. № 58.

1) Секретарские записи общего собрания военно-революционных комитетов г. Москвы 12 ноября 1917 г. не разысканы.

К док. № 61.

1) Публикуемый документ является секретарской протокольной записью последнего заседания Московского Военно-революционного комитета. В день этого заседания — 14 ноября — Московский совет рабочих и солдатских депутатов вынес постановление о слиянии Совета рабочих и Совета солдатских депутатов и избрал Исполнительный комитет и Президиум, которые с этого момента и стали единственным органом власти в Москве. В Исполнительный комитет объединенного совета было избрано 40 большевиков, 7 эсеров, 10 меньшевиков, 3 объединенца — от рабочей секции совета и 55 большевиков, 2 левых эсера и 2 меньшевика-интернационалиста — от солдатской, а всего — 95 большевиков, 9 левых и правых эсеров, 10 меньшевиков, 2 меньшевика-интернационалиста и 3 объединенца. На этом же заседании председателем Московского совета был избран М. Н. Покровский большинством при 38 воздержавшихся меньшевиках.

2) Вопрос о сложении повышенного акциза на сахар, введенного распоряжением правительства Керенского с 1 ноября, разбирался Московским Военно-революционным комитетом в заседании 4 ноября (см. док. №№ 33 и 36).

3) См. прим. 5 к док. № 54.

4) См. док. № 56: «делегация из Донецкого бассейна».

5) Министр продовольствия в правительстве Керенского С. Н. Прокопович принимал деятельное участие в работе Московского комитета общественной безопасности с 26 октября. Он являлся одним из инициаторов организации в Москве нового буржуазного временного правительства.

П. Н. Малянтович, меньшевик, известный присяжный поверенный, был в правительстве Керенского министром юстиции.

6) Эта запись до конца протокола относится к конфликту железнодорожных военно-революционных комитетов с прежними железнодорожными комитетами, организованными Викжелем. См. док. № 36. и 6-е примечание к нему.

Поташные заводы в Смоленском уезде в XVII в.

В результате Андрусовского перемирия[1]) в состав территории Московского государства вошли Смоленск и связанные с ним города — Дорогобуж, Велиж, Невль, Рославль, Поречье, Красное и др. Правительство царя Алексея приступило к административно-хозяйственному устройству завоеванного края и торопливой организации использования его естественных богатств, в частности широко раскинувшихся смоленских и рославльских лесов, пользовавшихся хорошей славой среди рижских лесоторговцев. «Лесной отпуск» в Ригу становится на ближайшие десятилетия одной из постоянных забот как ведавших Смоленской областью центральных правительственных учреждений, так и местной смоленской администрации[2]).

Рост лесного экспорта, естественно, вызывает мысль о желательности развития и другой отрасли лесного хозяйства — поташного производства, тем более, что и этот товар находил постоянный и прочный сбыт на внешнем рынке. Возможность и выгодность организации поташных заводов в Смоленской области, повидимому, хорошо знали в Москве, так как уже через два года после заключения перемирия предприимчивые московские торговые люди появились в шляхетских имениях смоленского края с предложением заарендовать леса для «смольчужного и поташного промысла», а кое-где уже и начали производство[3]). Правительственные центральные учреждения также начинают собирать сведения о качестве и характере смоленских лесов, и уже в сентябре 1668 г. из Белой воевода Богдан Толстой «под отпискою прислал роспись угодным будным лесам, которые по осмотру описал шляхтич Семен Ратнов»[4]).

Вопрос об организации казенного поташного производства, таким образом, встает почти непосредственно после заключения перемирия, а до этого про-

---

[1]) Андрусовское перемирие было подписано 16 января 1667 г. и заключалось на 13 лет, с июня 1667 г. до июня 1680 г.

[2]) Московское правительство не могло считать заключенное перемирие достаточно прочным, что, может быть, и служило стимулом к интенсивной эксплоатации лесных массивов края. (Ср. Соловьев, С. М. «Ист. России», т. III, стр. 186). Рига, завоеванная в 1621 г. шведским королем Густавом-Адольфом, служила предметом столкновений между Польшей, Швецией и Москвой. Во время русско-шведской войны 1656—1661 гг. московские войска неудачно осаждали Ригу. По Кардисскому мирному договору Москва возвратила в «королевскую сторону» все захваченные города, причем тем же договором подтверждалось за купцами обеих договаривающихся сторон право свободной торговли на территориях Швеции и России.

[3]) В 1673 г. кадашевец Алексей Рагозин на допросе сказал, что он года 4 тому назад арендовал «смольчужный промысел» у шляхтича Стаборовского с уплатою 10 руб. в год. Москвитин Спирка Ерофеев арендовал в то же время леса у «пани Жаборовской» и завел там поташное дело. И то и другое предприятия велено было «отписать на государя», ГАФКЭ, Приказ Княжества Смоленского, столбец 1671 г. № 11, лл. 85—86.

[4]) «Книга записная... грамотам и из городов отпискам в Посольском приказе в Смоленском столе... со 176 году сентября с 1-го числа по 177 г. сентября по то ж число». ГАФКЭ. Приказ Княжества Смоленского. Книга № 8, л. 1 об.

водится обложение существующих мелких предприятий дворцовых крестьян, которые обязаны были отдавать восьмую часть своего производства в казну, как об этом свидетельствует одна из записей приходной книги 1671 г.[1]), а казна полученный таким образом поташ продает «литовским» торговым людям.

Организатором казенных будных заводов в Смоленском и Рославльском уездах явился смоленский воевода кн. И. А. Хованский, переписка которого с центральными учреждениями по данному вопросу и публикуется нами.

Положение Хованского в этом отношении было облегчено тем, что у себя в Смоленске он под рукой имел квалифицированных рабочих, которым будный промысел «был за обычай», тогда как на большинстве других поташных заводов, широко развертывавшихся и в лесах Белогородской засечной черты и в богатых лесами нижегородских и арзамасских вотчинах бояр-предпринимателей (Б. И. Морозов, И. Д. Милославский), организаторами и руководителями дела являлись выходцы из Польши, в частности из Смоленского уезда[2]). И. А. Хованский поэтому быстро нашел специалиста «будника», которому и поручил составление «росписи» проектируемых заводов. Таким специалистом явился будущий управляющий производством смоленский шляхтич Станислав Чиж.

Но организация производства, несмотря на всю ее примитивность, несмотря на возможность использования для строительных и других работ бесплатного труда крестьян дворцовых волостей, требовала затраты некоторых средств. А такими средствами Московское государство в данный момент не располагало: казна была опустошена военными расходами, смоленские же «доходы» были только в перспективе, а то, что получалось, целиком уходило на раздачу жалованья военным людям. Этим объясняется сердитый выговор кн. Хованскому, что он все дело затеял, не посоветовавшись с боярином А. Л. Ординым-Нащокиным, а «в Смоленску казна збираетца небольшая и та даетца нашим великого государя ратным людям на жалованье и на корм, а вдополнку многая казна посылаетца с Москвы». Резкость и значение выговора усиливались старой враждой между Хованским и Ординым-Нащокиным, так как первый непрочь был уколоть худородного временщика своим происхождением от Гедимина, а тот охотно подчеркивал недостаточную деловитость подчиненного ему воеводы[3]). Дело во всяком случае приостановилось, и начатое в 1669 г. производство было законсервировано.

Но в следующем 1670 г. зимою подготовку к производству поташа все же начали, и к 1-му апреля 1671 г. воевода мог сообщить, что получены первые 15 бочек поташа весом 457 без четверти пуда. На 22 июля того же года было выработано еще 50 бочек, а на первое сентября — 21 бочка. Общее количество выработки к 1 октября предполагалось довести до 100 бочек, т. е. дать около 3 000 пудов поташа.

Производственный сезон на будных промыслах начинался, обычно, с апреля месяца и заканчивался к октябрю. В январе 1672 г. Станислав Чиж подал челобитную об отставке, мотивируя свою просьбу тем, что он «от ран заскорбел головою и ногами». На его место был назначен смолянин Матвей Зуев, ведший такое же дело в Арзамасских вотчинах боярина И. Д. Милославского.

---

[1]) «За поташ и за смольчугу, что взята на великого государя в Поречье осьмая бочка и продана литовским купцом 54 рубли, 19 алтын, 5 денег». ГАФКЭ, Приказ Княжества Смоленского, столбец 1669 г. № 14, л. 49.

[2]) Забелин, И. Е. Большой боярин в своем хозяйстве. Вестн. Евр. 1871 г., т. I, стр. 473. Труды Историко-археографического института Академии наук СССР. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Л. 1933, стр. 192—193.

[3]) Русский Биографический словарь. М. 1901. Статья Н. П. Чулкова «Хованский».

При новом управляющем производство несколько расширилось, и за сезон 1673 г. было выработано 4508 пудов.

Перед нами, таким образом, небольшое, сравнительно, производство, и интерес публикуемых документов главным образом заключается в тех сведениях, какие они содержат о методах привлечения и эксплоатации рабочих. Эти сведения вводят нас в процесс организации небольшого будного предприятия и знакомят с первыми шагами производства на нем. Оба «завода», к которым относятся документы, повидимому, довольно быстро замерли. Сведений об их дальнейшей судьбе пока во всяком случае мы не имеем.

Составлявший «роспись» предполагаемых к организации заводов Станислав Чиж рассчитывал все производство ставить наемными рабочими, которых он хотел привлечь из-за рубежа «изо Мстиславского уезда». Только в помощь к ним он проектировал привлечение дворцовых крестьян, которым, по его мнению, не в тягость было бы, переменяясь понедельно, принять участие в работах по постройке всех заводских сооружений. Количество же наемных рабочих он считал по 50 человек на каждый «завод».

Принцип оплаты наемных рабочих-«будников» из составленной Чижом «росписи» недостаточно ясен, но, повидимому, все они должны были работать сдельно, или, употребляя терминологию документа, «на бирки» [1]). В отличие, однако, от других будных станов, которые нам известны, Чиж предполагал организовать снабжение рабочих предметами первой необходимости (продовольствие, одежда) не путем выдачи части заработной платы продуктами, как это было, напр., в вотчинах Б. И. Морозова, а путем организации продажи рабочим всего на месте, причем предполагалось продавать все товары, во-первых, с огромными накидками, а, во-вторых, товары давать невысокого качества. Насколько беззастенчиво предполагалось вести эту «торговлю», показывает следующая таблица рыночных (в Смоленске) цен на доставлявшиеся рабочим товаро-продукты и тех цен, по которым их вынуждены были брать рабочие:

№	Название товара	Единица меры	Рыночная цена (в руб. и коп.)	Отпускная цена	Накидна на рыночную цену в%
1	Рожь	Четверть	1 р. 40 к.	1 р. 80 к.	28,5
2	Ячмень	»	— 80 к.	1 р. 20 к.	50
3	Овес	»	— 72 к.	1 р. 00 к.	38,8
4	Соль	Пуд.	— 40 к.	— 80 к.	100
5	Сало ветчин.	»	1 р. —	2 р.	100
6	Сельди	Бочка	5 р. —	10 р.	100
7	Сукно «лундыш»	Аршин	— 40 к.	1 р. 20 к.	200
8	Сукно сермяжное	»	— 8 к.	— 18 к.	124
9	Рукавицы	Пара	— 15 к.	— 30 к.	100
10	Табак	Пуд.	8 р.	20 р.—	150
11	Вино	Ведро	— 50 к.	1 р.—	100

По предварительному подсчету Станислава Чижа—от продажи всех продуктов, рыночная стоимость которых выражалась в общей сумме 1849 р., можно было

[1]) Так называется небольшая выстроганная с одной стороны палочка, служащая для счетоводства и вместе с тем являющаяся в народном быту материальным средством укрепления прав. На гладкой поверхности бирки посредством нарезок или зарубок разного вида обозначалось количество вещей, товаров или денег, полученных или следуемых какой-либо из договаривающихся сторон: по нарезке этих значков палочка раскалывалась пополам, одну часть брал кредитор, другую должник; при приеме же вещей, товаров или денег половинки бирки складывались вместе, на них посредством нарезок делались соответствующие изменения и затем половинки снова отдавались контрагентам.

получить прибыли 1343 р., или 78,8%. Доставка же их, которую по местным условиям можно было провести только по зимнему пути, не принималась им в расчет, так как, повидимому, ее должны были произвести, как это делалось обычно, уездные крестьяне на своих лошадях. К тому же вино по росписи можно было дать то, которое «сижено» из гнилого хлеба и «в продажу не годилось», а по позднейшей практике, и хлеб был послан на буды «самой худой, морозобитной». Для успокоения чьей-то совести И. А. Хованский к последнему сообщению прибавил: «как ведется на будах».

Как показывают дальнейшие документы, этот план был, в основных своих чертах, реализован: будные заводы начали строить силами пришлых рабочих и силами дворцовых крестьян. На каждой буде были выстроены запроектированные росписью «гарть глиняной», на котором производился обжог поташа, были расчищены в лесах «румы», по которым волочили корыта с золой, были сделаны и эти корыта в 5 сажен длиной и прикорытки к ним, построены амбары для поташа, «парня» для золы, амбар для хлеба, изба для раздачи продовольствия рабочим, избы для будников и всякие хозяйственные постройки (воловня, конюшня, бондарная, мастерская, кузница, и пр.). Причем и здесь ухитрились «учинить великому государю прибыль». По «росписи» предполагалось затратить на постройку 153 р. 20 алт., но... «тех денег за то будное строение не дано, для того, что великого государя крестьяне работали своим хлебом, а будником дано хлебных и всяких запасов, на бирки, в цену на 56 рублей на 13 алт. и на 2 д. И в тех будных заводах великому государю учинено прибыли 97 рублев 6 алтын 4 денги».

Система оплаты «на бирки» была одним из методов закабаления рабочих. Будные заводы были расположены в глухих лесах, в 70 верстах от Смоленска. Продовольствие туда можно было доставить только зимним путем, так как летом «за грязми и болоты» пробраться на буды было трудно. Рабочие поэтому должны были принимать те условия, какие диктовал жадный аппетит радевших «о государевой прибыли» организаторов производства. Недостаточный заработок вел к «заборам» товаров рабочими вперед, и они оказывались связанными с заводами той самой «биркой», по которой производился расчет. «Да тем же будником, — сообщали в 1671 г. из Смоленска, — дано впредь тех же хлебных и всяких запасов, что им дано на бирки, по цене на 121 рубль на 5 д. А за те хлебные запасы выставить им пепелами летом».

Как реагировали наемные рабочие на такую систему выматывания прибылей, мы не знаем. Связанные же с будными заводами крестьяне дворцовой Еленской волости прибегли к традиционному методу протеста: побрели розно. Относительно такой возможности в самом начале писал в Москву Хованский, предупреждая, что крестьян «тем будным делом» можно разогнать в «нынешнее бесхлебное время», что и сейчас многие крестьяне «из домов своих, идут на украины от голода». Об этом в марте 1671 г. доносил управляющий заводами Станислав Чиж, он же и управляющий приписанной к заводам Еленской волостью: «А за их, государь, дачами [волость была пущена частично в поместную раздачу. — *А. С.*], Еленской волости осталось только дворов с 40 и те бесхлебны, многие и без лошадей, от будных работ за скудностью пойдут врозь». А в июле он же просил указа относительно ранее бежавших 42 крестьян, которые, уйдя из волости, поселились в других местах Смоленского и в Серпейском уездах.

Так положенный в основу всей работы противоречивый принцип, «чтоб великого государя казне было прибыльнее» и «чтоб крестьян не разогнать», приводил к тому, что прибыль была обратно пропорциональна устойчивости населения дворцовых волостей, приписанных к будам. Прибыль же казны от

продажи поташа была получена в 1671 году в сумме 225 р. 21 ал. 5½ д., а в 1672 г. — 792 р. 12 ал. 3 д.

Широкий проект провоза поташа к Риге и обмена его на иноземные товары, с продажей последних в Московском государстве, повидимому осуществлен не был.

В административном и хозяйственном отношении данные заводы были подчинены Посольскому приказу, в составе которого, после ликвидации созданного для управления завоеванными областями приказа Великого Княжества Литовского был организован Смоленский стол [1]). С 18 мая 1670 г. Смоленск с тянувшими к нему городами, был подчинен Новгородской четверти, во главе которой стояли стольник Иван Большой Севастьянович Хитрово и дьяк Ефим Юрьев. В период 1671 — 1672 гг. управление Смоленской областью переходит сначала к Устюжской четверти, а затем к Стрелецкому приказу, и только в начале 1673 г. создается особый приказ Княжества Смоленского [2]) из фондов которого и заимствованы публикуемые документы [3]).

А. Сперанский.

№ 1. Отписка смоленского воеводы кн. И. А. Хованского в Москву 31 августа 1669 г.

(Л. 37). Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белые России самодержцу холопи твои Ивашко Хованский с товарищи челом бьют [4]). В Смоленском, государь, уезде, в Ывановском да в Еленском станех, в Чернышевском и в Вербиловском лесах, от Смоленска в 70 верстах, велели мы, холопи твои, заводить на тебя, великого государя, будные промыслы смоленскому шляхтичю Станиславу Чижу, да смоленскому мещанину Тимошке Кононову. И на те, государь, будные промыслы, он, Тимошка, призвал будников 9 семей. А пришли те будники из-за рубежа изо Мстиславского уезду. И те, государь, будники в те леса посланы. А будет их на буде по 50 человек. Да в Рославском, государь, и в Дорогобужском уездах сыскано угожих будных лесов на 3 станы. А на сколько, государь, в Смоленском уезде тех будных лесов будет верст и что к тому будному заводу надобно, и в которых местех в Дорогобужском и в Рославском уездех угожие будные леса сысканы и на сколько их будет верст и тому всему роспись к тебе, великому государю... (т)... к Москве послали мы, холопи твои, под сею отпискою смоленские приказные избы з денщиком с Стенкою Зинов[ьевым] августа в 31 день. А отписку, государь, и роспись... [5]).

---

[1]) Богословский, М. Приказы Великого Княжества Литовского и Княжества Смоленского в Московском государстве. «Журн. мин. нар. просв.», 1906 г., август, стр. 220 — 242. Белокуров, С. А. О Посольском приказе. М. 1906, стр. 119—120.

[2]) Полн. Собр. зак. Т. I, № 471. Богословский, там же, стр. 242.

[3]) ГАФКЭ. Столбцы приказа Княжества Смоленского, 1671 г., столбец № 11.

[4]) В тексте следующих отписок смоленских воевод кн. И. А. Хованского с товарищами (№№ 3, 4, 6, 7, 8, 12) и кн. М. А. Голицына (№ 17) эта формула документов нами опущена. Царский титул во всех случаях заменен многоточием и буквой «т» в скобках.

[5]) Конец документа утрачен. На обороте л. 37 помета: «Записать в книгу и к великому государю в доклад. Выписать в доклад, не замотчав, а к боярину с товарищи послать грамота, велеть им отписать: пишут они, что надобно на завод столко денег, а сколько от того промыслу будет в прибыли почему на год, того в отписке их не написано». Отметка о подаче: «178-го сентября в 5 д.»

№ 2. Смета по устройству поташных заводов 31 августа 1669 г.

[Л. 39]. Роспись, в которых местех завесть на великого государя... (т)... будные станы в Смоленском и в Рославском и в Дорогобужском уездех и что к тому будному заводу надобно по скаске смоленского шляхтича Станислава Чижа да смоленского мещанина Тимошки Кононова.

Первой будной стан в Смоленском уезде в Ывановском стану в Чернышевском лесу. Того Чернышевского лесу будет в длину на 15, а поперег на 10 верст.

Другой будной стан в Смоленском же уезде в Еленском стану в Вербиловском лесу. И того Вербиловского лесу в длину на 15, а поперег на 6 верст.

Будет тех будных лесов лет на 5 и болши. А будников и всяких промышленных людей надобно на стан по 50 человек.

От Смоленска те будные станы по 70 верст.

Надобно на те будные заводы, на один стан: 16 волов — по 5 рублев вол. Итого 80 рублев.

2 мерина — по 5 рублев. Итого 10 рублев.

20 пуд. железа на топоры и на всякие будные запасы, пуд — по рублю. — Итого 20 рублев.

(Л. 40) 10 прутов больших литовских стали — по полтине прут. Итого 5 рублев.

21 корыто больших дубовых — по 5 сажен (л. 41) корыто. За дело дать по ефимку, а ефимок по 20 алтын. Итого 12 рублев 20 алтын. 18 прикорытков — по 6 алтын по 4 д. прикорыток. Итого 3 рубли 20 алтын.

1 гарть зделать глиняной, на чем поташ жечь. От дела дать 5 рублев. Колодезь выкопать. От дела дать 3 рубли.

2 скрыни зделать болшие для береженья от мочи, где зимою и летом сыпать пепел. От дела дать по рублю. Итого 2 рубли.

Изба поставить болшая, где корм раздавать будником. От дела дать 3 рубли.

3 анбара зделать болших: один—где стоять корытам, чтобы зимою не мерзли, другой — где сыпать хлеб, третей анбар мшоной — где ставить поташ, чтоб ставилось поташу бочек 100 и болши. За те анбары от дела дать: за один — 5 рублев, за другой — 4, за третий — 3 рубли. Итого 12 рублев. Рум чистить, где корыта волочить и в которых местех их ставить. От тово дать 10 рублев.

Всего на тот будной завод на один стан надобно на волы, и на лошеди, и на железо, и на уклад и на всякое будное строенье 166 рублев 23 алтына 2 д., опричь того, что надобно будником и всяким работным людем 50 человеком на корм и на платье и на всякие харчи.

Да осмеры жарновы ручные.

(Л. 42). А на другой будной стан на завод надобно тож.

А будником и всяким промышленым людем 50 человеком на одну буду надобно на год на роздачю на корм и на платье в цену: 20 берковцев соли, а в них 200 пуд — по 4 рубли берковец, а пуд — по 13 алтын по 2 д. Итого 80 рублев. А давать та соль будником по 26 алтын по 4 д. пуд. Итого прибыли 80 рублев.

100 пуд. сала ветченново по рублю пуд. Итого 100 рублев. А будником давать по 2 рубли пуд. Итого прибыли 100 рублев.

20 бочек селдей по 5 рублей бочка. Итого 100 рублев. А будником давать по 10 рублев бочку. Итого прибыли 100 рублев.

14 половинок сукна люндышу разных цветов, в половинке по 21-му аршину, всего в них 294 аршина, по 13 алтын по 2 д. аршин. Итого 117 рублев 20 алтын. А будником давать по 40 алтын аршин. Итого прибыли 235 рублев 6 алтын 4 д.

120 пар руковиц по 5 алтын руковицы. Итого 18 рублев. А будником давать по 10 алтын руковицы. Итого прибыли 18 рублев.

1 500 аршин сукна сермяжного серово по 2 алтына по 4 д. Итого 120 рублев. А будником давать по 6 алтын аршин. Итого прибыли 150 рублев.

(Л. 43). Будником же и всяким промышленым людем на 50 человек на год 500 четвертей ржи, 300 четвертей ячмени, 200 четвертей овса.

И в Смоленску ныне купят рожь по рублю по 13 алтын по 2 д. четверть, ячмень по 26 алтын по 4 д., овес по 24 алтына четверть. А будником давать рожь по 60 алтын, ячмень по 40 алтын, овес по рублю четверть. Итого будет у хлеба прибыли 370 рублев.

В Смоленску на Вознесенском девичье подворье в анбарех 1 451 ведро вина, которое сижено из гнилово хлеба, а на продажу и раздачю не годитца. И того вина будником надобно 100 ведр. Цена тому вину по полтине ведро против доброго вина. Итого 50 рублев. А будником давать по рублю ведро. Итого прибыли 50 рублев.

Будником же надобно 20 пуд. табаку (л. 44). И в Смоленску у таможенного головы у Василья Любовицкого опатного табаку восмь пуд. А по скаске смоленских мещан бурмистра Микифора Жданка с товарыщи, которые были с ним в Риге, купят де табак в Риге по 8 рублев пуд. И за 20 пуд иметца 160 рублев. А будником доведетца дать того табаку по 20 рублев пуд. Итого прибыли 240 рублев.

Всего по сей росписи на одну буду надобно будником и всяким промышленным людем 50 человеком на год на корм и на всякие харчи и на платье (л. 45), опричь хлеба, и вина и табаку, 535 рублев. А с хлебом, и с вином и с табаком 1849 рублев.

А на другой будной стан будником надобно на корм и на платье тож число.

А что будникам и всяким промышленым людем дать будет на корм (л. 46) и на всякие харчи и на платье ис прибыли, и тех прибылых денег у 535 рублей — 683 рубли 6 алтын 4 д., опричь хлебных и винных и табачных прибылых денег.

А с хлебными и винными и с табачными у 1 849 рублев прибыли будет 1 343 рубли 6 алтын 4 д. на год у одной буды. А з двух буд 2 686 рублев 13 алтын 2 д. на год.

А на будах быти будником на роботе октября с 1-го числа, апреля по 1-е число 178 году по 20 человек на буде. Итого 40 человек, для того что зимою пепелу не жгут, а готовят те будники зимою клепку на поташ.

А толко великий государь укажет к тем будником к 40 человеком дать в помочь своих великого государя дворцовых волостей крестьян на 2 месяца по 50 человек на стан, итого 100 человек. И в том числе надобно с лошадми по 30 человек, а пеших по 20 человек на стан, для поспешенья, чтоб те буды завесть (л. 47) вскоре. А переменятца тем работным людем понедельно, чтоб им было нетягостно.

А делать тем крестьяном 4 скрыни, да 6 анбаров, да 2 избы болших, да два рума чистить, где корыта волочить, а за то было дать будником 40 человеком 54 рубли.

А к тем будным станом поблиску в Ывановском стану в Чернышевскому лесу великого государя дворцовая Зверовицкая волость. А в Еленском стану к Вербиловскому лесу поблиску великого государя дворцовая Еленская волость.

А как тем прибылым работным людем 2 месяца минет, и от той работы они свободны будут. И апреля с 1-го числа 178 году октября до 1-го ж числа 179 году надобно к тем будником на 2 стана к 40 человеком, которые писаны выше сего, в прибавку для поспешенья пепелу жечь, будников же и всяких промышленых людей по 30 человек. Итого будет на буде по 50 человек. А в деле будет поташу по 100 бочек с стану. Итого на год з двух станов будет 200 бочек, а в бочке будет по 3 берковца, и берковец учнет ставитца в 3 рубли, а бочка в 9 рублев и менши.

А в Риге продают берковец по 9 рублев, а бочку по 27 рублев. Итого за 100 бочек 2 700 рублев, а за 200 бочек 5 400 рублев.

(Л. 48). Да в Дорогобужском и в Рославском уездех сыскано угожих будных лесов на 3 станы: в Дорогобужском уезде в Бобановском стану угожево будново лесу в длину — на 10, поперек — на 3 версты. Будет того лесу на 3 годы и болши. От Дорогобужа тот Бобановской лес 20 верст к Вязме. В Рославском уезде — в Костыревском лесу. Того Костыревского лесу в длину и поперек верст по 20. Будет того лесу на 4 годы и болши. От Смоленска тот лес 80 верст.

В Рославском же уезде — в Жабинском лесу. Того лесу в длину на 20, а поперег — на 10 верст. Будет того лесу на 3 годы и болши. От Рославля тот лес на 15 верст.

И только великий государь... (т)... укажет в Дорого- (л. 49) бужском и в Рославском уездех будные станы завесть, и на те будные станы надобно на завод на 3 станы, на волы, и на лошади, и на железо, и на уклад и на всякое будное строенье 500 рублев 3 алтына 2 д.

Да будником и всяким промышленым людем 150 человек надобно на год на корм и на всякие харчи и на платье, опричь хлеба и вина и табаку, 1 605 рублев. А с хлебом и с вином и с табаком — 5 547 рублев. А на 5 буд надобно на завод и будником на корм и на платье и на всякие харчи 10 078 рублей 16 алтын 4 д.

№ 3. Отписка смоленского воеводы кн. И. А. Хованского в Посольский приказ 29 сентября 1669 г.

(Л. 53)... В нынешнем, государь, во 178-м году сентября в 18 д. в твоей, великого государя... (т)... грамоте ис Посолского приказу, за приписью дьяка Ефима Юрьева, писано к нам, холопем твоим: велено к тебе, великому государю, писать, почему бочка поташу учнет ставитца наемными людми пятьдесят человеки, что в росписи написано, и почему с прибавочными твоих, великого государя, дворцовых волостей крестьяны, и почему у той бочки, сверх запасные цены и за провозом и за пошлиною, будет прибыли, и на всех ли будах тот поташ в одной цене учнет ставитца? И по скаске, государь, смоленского мещанина Тимошки Кононова поташ учнет ставитца на всех будах в одной цене: берковец в 3 рубли, а бочка в 9 рублев, а в бочке будет

поташу по 3 берковца. А делать тот поташ наемными людми пятидесят человеком будником, которые написаны в прежней росписи. А провозу, государь, з бочки с буды до Поречья доведетца дать солью по 4 пуда, а пуд по 13 алтын по 2 денги, итого—рубль 20 алтын. А в Поречье (л. 54), государь, того поташу положитца в струг 50 бочек. И от того струга и работным наемным людем, которым тото струг провадить до Риги и из Риги с товаром же до Поречья, доведется дать 100 рублев. Из бочки провозу иметца до Риги рубль 14 алтын 1½ денги, и с тем, что за тот поташ взято будет в Риге товаром, и тот товар привезен будет из Риги в Поречье на том же стругу и теми ж работными людми за тот же наем.

А как, государь, тот струг ис Поречья пойдет в Ригу и в Витепску с того ж поташу доведетца заплатить пошлины з бочки по той цене, по которой поташ учнет ставитца в деле, с рубля по 10 денег. Итого будет з бочки по 14 алтын с денгою. А в Риге, государь, с того же поташу з бочки пошлину возмут по тому ж, что и в Витепску, до вещего по 2 алтына з бочки. И всего, государь, бочка поташу учнет ставитца в деле с хлебом и со всякими харчевыми запасы и с платьем, и с провозом, и с пошлиною, что дано будет в Витепску и в Риге, по 13 рублев по 17 алтын з денгою. А в Риге, государь, купят бочку поташу по 20 по 70 рублев, а платят за тот поташ денгами, и сукнами, и солью, и селди, и иными всякими товары по тамошней цене, и за провозом и за пошлиною, будет прибыли по 13 рублев по 32 алтына по 5 денег. А толко, государь, твоих, великого государя, дворцовых волостей крестьяном пятидесяти человеком, которые писаны в прежней (л. 55) росписи работать на буде и в нынешнее время то будное дело им будет тягосно, потому что ныне в Смоленском уезде хлебной недород и чтоб, государь, их тем будным делом в нынешнее бесхлебное время не розогнать. А и ныне, государь, многие крестьяне из домов своих идут на украину от голоду. А делать, государь, то будное дело наемным людем пятидесят человек, и твоим, великого государя, дворцовых волостей, крестьяном то будное дело будет не в оскорбленье... [1]).

№ 4. Отписка смоленского воеводы кн. И. А. Хованского в Посольский приказ 11 октября 1669 г.

(Л. 56)... В нынешнем, государь, во 178-м году октября с 1 числа заведены в Смоленском уезде в Чернышевском да в Костыревском лесах на тебя, великого государя, 2 будные станы от Смоленска в 70 верстах. И на те, государь, будные заводы взято ис твоей, великого государя, казны ис смоленских доходов денег 64 рубли 21 алтын 4 денги. И ис тех денег куплено будником и всяким работным людем 55 пар рукавиц — по 4 алтына по 2 денги рукавицы, 2 пуда сала ветчинова — пуд по рублю, 5 прутов стали — по полтине прут, да на волы послано 53 рубли. Да будником же и всяким работным людям послано из Смоленска 25 четвертей ржи, ячмени тож, 3 четверти сухарей, 24 пуда соли, 20 ведр вина, 2 пуда табаку. Да на топоры и на всякие будные запасы 10 пуд железа. И впредь, государь, на те будные

[1]) Конец отписки со сведениями, с кем и в какой приказ она послана в №№ 3, 6, 7, 8, 12, 17, опускается. — На л. 53 об. помета: «К великому государю в доклад. Выписать тотчас».

заводы, где имать денги, о том, великий государь... (т)... что укажешь нам (л. 57), холопем твоим, чтобы те будные заводы за денежною казною не стали? А сколко, государь, на те будные заводы надобно денег и будником и всяким работным людем на корм хлеба и всяких харчей и платья, и что будет прибыли в будном заводе, и о том к тебе, великому государю, писали мы, холопи твои, наперед сего смоленские приказные избы з денщиком с Стенкою Зиновьевым в прошлом во 177 году августа в 31 день... [1])

№ 5. Грамота из Посольского приказа в Смоленск к воеводе кн. И. А. Хованскому 17 октября 1669 г. [2]).

(Л. 58) От государя и великого князя Алексея Михайловича... (т)... в нашу отчину в Смоленеск боярину нашему и воеводам князю Ивану Андреевичю Хованскому с товарыщи.

(Л. 58) В нынешнем во 178 году сентября в 5, да октября в 5 ж числех писали вы к нам, великому государю, что велели в Смоленском уезде, от Смоленска в 70 верстах, в лесах в Чернышевском да в Вербиловском заводить на нас, великого государя, будные промыслы шляхтичю Станиславу Чижу да мещанину Тимошке Конанову, и на те будные станы призвали [3]) будников 9 семей и послали в будные леса, а будет их на буде по 50 человек. Да в Рославском и Дорогобужском уездах сыскано угожих будных лесов на 3 стана... [4]) (л. 60)... И впредь на те будные заводы, где имать денги, о том велети б вам наш указ учинить, чтоб те будные заводы за денежною казною не стали. И вам было о будных заводех довелось сперва говорить, призвав к себе смоленских мещан лучших людей, которым будные промыслы за обычей. А им, мещаном, договор учинить с рижскими купецкими людми, которые из них похотели те будные промыслы взять себе на откуп, и заводы б заводить своими денгами, а не из нашие. великого государя, казны. Да вам же было о том писать и советовать з боярином (л. 61) нашим с Офанасьем Лаврентьевичем Ардиным-Нащокиным И вы будные заводы учали заводить нашею, великого государя, казною без нашего, великого государя, указу. А в Смоленску казна збираетца неболшая и та даетца нашим (л. 62), великого государя ратным людем на жалованье и на корм, а в дополнку многая казна посылаетца с Москвы. И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и вы б о тех будных заводах учинили, как писано в сей нашей, великого государя, грамоте выше сего, чтоб нашей, великого государя, казне было прибылнее и чтоб и заводы завесть откупщиками, а не нашею, великого государя, казною.

---

[1]) На л. 56 об. помета: «Великий государь указал послать свою, великого государя, грамоту: заводить было им буды, говоря с смоленскими мещаны, которые похотят, по совету с рижаны, взять в откуп, на сколко лет пристойно, и заводы всякие, что к тому будному делу надобно, заводить своими денгами, а не казною. И что они, не дождався о том указу, денежные казны издержали, и то доправить на них. И советовать бы им о таком деле с боярином с Офанасьем Лаврентьевичем Ординым-Нащокиным». Отметка о подаче: «178-го октября в 16 д.»

[2]) Черновой отпуск.

[3]) Далее зачеркнуто: «из-за литовского рубежа».

[4]) Далее следует изложение предыдущих воеводских отписок и росписи будных станов.

И буде у вас от того будного заводу нашей, великого государя, казне учинитца какой убыток, и то взято будет на вас. И вам бы о тех заводех, что учинитца, отписать к нам, великому государю, вскоре, а отписку велети подать в Посолском приказе боярину нашему Афонасью Лаврентьевичю Ардину-Нащокину да думным нашим дьяком Герасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову да дьяку нашему Ефиму Юрьеву.

Писан на Москве, лета 7178-го октября 17 день [1]).

№ 6. Отписка смоленского воеводы кн. И. А. Хованского в Посольский приказ 20 ноября 1669 г.

(Л. 63)... В нынешнем, государь, во 178 году октября в 29 день в твоей, великого государя... (т)... грамоте ис Посолского приказу, за приписью дьяка Ефима Юрьева, писано к нам, холопем твоим, а велено, государь, о будных заводах учинить нам, холопем твоим, по твоему великого государя указу... [2]).

И в будных, государь, промыслах твоей, великого государя, денежной казне истери никакой нет. Которая денежная казна дана была на волы и на руковицы 60 рублев, и те денги в твою, великого государя, казну взяты. А заведено, государь, два будные станы твоими, великого государя, хлебными запасы. Только изошло ржи 16 четвертей (л. 64) бес полуосмины, 23 четверти ячмени, 3 четверти сухарей худых. Всего 42 четверти бес полуосмины. И то, государь, не к убыли ж, для того, что к заводу охотнее откупщики будут.

А что, государь, на тех будах каких будных заводов заведено и тому роспись под сею отпискою [3]).

А то, государь, будное дело на обеих станах до твоево, великого государя, указу остановлено. А с смоленскими мещаны о тех будных промыслах на откуп говорили мы, холопи твои, до сего твоего, великого государя, указу и после твоей, великого государя, грамоты: хто похочет взять на откуп те будные заводы, и они б о цене уговорились с нами, холопи твоими. И те мещаня сказали нам, холопем твоим, что им такова дела вскоре учинить немочно. А хто де будет из них похочет и, помысля о том, уговариватца станет. А в Ригу де к рискими к торговым людем писали они о будных промыслах; хто похочет на откуп, и они б сами ехали в Смоленск договариватца о цене.

Да смоленской мещанин Семен Жюков говорил нам, холопем твоим: как бы де поташ был зделан на тех будах, и он бы за берковец в Смоленску дал по 4 рубли, а были де охотники, что дали б и по 5 рублев. А как, государь, на те будные заводы откупщики будут (л. 65) и что за них станут откупу давать и о том к тебе, великому государю, мы, холопи твои, писать учнем... [4]).

---

[1]) В конце отметка: «з денщиком с Оскою Федоровым».

[2]) Далее следует повторение заключительной части док. № 5.

[3]) В росписи, здесь опущенной, указывается, что на Костыревской буде поставлены одна большая изба, 12 изб будницких, амбар для хлеба, вычищен рум, «где стоять корытам», «на рум вытаскано 21 корыто» и 18 прикорытков. На Чернышевской буде — хлебный амбар, 10 будницких изб, «вычищен рум да зделано 21 корыто больших и те корыта на лесу на рум не вытасканы» (л. 66).

[4]) На л. 63 об. помета: «К великому государю в доклад выписать не замотчав». — Отметка о подаче: «ноября в 25 день».

№ 7. Отписка смоленского воеводы кн. И. А. Хованского в Новгородский приказ 1 июля 1670 г.

(Л. 67)... В нынешнем государь, во 178 году июня в 13 день в твоей, великого государя... (т)... грамоте из Новгородцкого приказу за приписью дьяка Аврама Кощеева писано к нам, холопем твоим, в Смоленск: велено на будах, которые в Смоленском уезде на тебя, великого государя, заведены избы, и анбары, и корыта и всякие будные заводы, что построены, покрыть лубьем, чтоб от дожжей не погнило и от жаров корыта и всякие будные заводы не попортились, и буд на откуп до твоего, великого государя, указу никому не отдавать, да о том к тебе, великому государю, велено нам писать в Новгородцкой приказ.

И те, государь, будные заводы до сего твоево, великого государя. указу покрыты лубьем, чтоб от дожжей не погнило и от жаров корыта и всякие будные заводы не попортились. И тех буд на откуп до твоево, великого государя, указу мы, холопи твои. никому не отдадим... [1]).

№ 8. Отписка смоленского воеводы кн. И. А. Хованского в Новгородский приказ 26 августа 1670 г.

(Л 69)... В нынешнем, государь, во 178 году июля в 15 день в твоей, великого государя... (т)... (л. 70) грамоте из Новгородцкого приказу, за приписью дьяка Аврама Кощеева, писано к нам, холопем твоим, в Смоленеск: велено в Смоленском уезде на дву станех будных, где сысканы и заведены заводы, к прежним заводам всякое строенье заводить и делать смолчюгу и поташ прежним завотчиком шляхтичю Станиславу Чижу да мещанину Тимошке Кононову наемными людьми, в то время как пашенная пора минет и хлеб с поль снимут. А что у нас, холопей твоих, на тех заводах учнет чинитца и о том к тебе, великому государю, велено нам, холопем твоим, писать в Новгородцкой приказ.

И по твоему, великого государя,... (т)... указу в Смоленском уезде на дву станех будных, где сысканы и заведены заводы, учнут заводить к прежним заводам октября с 1 числа 179 году.

А смоленской смолчюг-худой, старой, которой был покинут, (л. 71) приняли мы, холопи твои, по росписному списку у боярина и воеводы князя Ивана Борисовича Репнина с товарыщи. И велели мы, холопи твои, прибавя клепки к той худой смолчюге, переделать на поташ. И ис той, государь, смолчюги зделано поташу полсемы бочки, весом 133 пуда 32 гривенки на смоленской вес, а на московской вес 177 пуд 10 гривенок.

А изошло, государь, на поташное дело ис твоей, великого государя, казны 18 рублев с полтиною. А даван в ту цену ис твоих, великого государя, житниц хлеб самой худой, морозобитной, болшою ценою, как ведетца на будах... [2]).

№ 9. Грамота из Новгородского приказа в Смоленск воеводе кн. И. А. Хованскому 5 ноября 1670 г. [3]).

(Л. 74)... Сентября в 3 день послана к вам наша, великого государя, грамота: велено в Смоленском уезде на дву будных станех, где сысканы и заведены заводы, делать смалчюг и поташ к рижскому отпуску

[1]) На л. 67 об. помета: «К отпуску». — Запись о подаче: «178-го июля в 6 день».
[2]) На л. 69 об. помета: «Послать великого государя грамота: велеть заводить и поташ и смалчюг делать».
[3]) Черновой отпуск.

прежним заводчиком шляхтичю Станиславу Чижю и мещанину Тимошке Конанову со всяким раденьем, не испустя времяни, чтоб в том смолчюжном и поташном деле учинить прибыль. А с которого числа учнут делать и много ль поташу по которое число зделано будет, и о том велено вам к нам, великому государю, отписать.

И шляхтич Станислав Чиж по нашему, великого государя, указу из Смоленска выслан на нашу, великого государя, службу к Москве. И ныне по нашему, великого государя, указу шляхтич Станислав для промыслу смалчюж- (л. 75) ново поташново дела с Москвы отпущен в Смоленск, да с ним же отпущен для того ж дела смоленской же шляхтич Василий Худалей. И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и вы б по прежнему и по сему нашему, великого государя, указу и по грамотам велели смоленскому шляхтичю Станиславу Чижю в Смоленском уезде на дву будных станах, где сысканы и заведены, делать смолчюгу и поташ к рижскому отпуску со всяким раденьем, неоплошно, неиспустя времяни, чтоб в том смолчюжном и поташном деле учинить прибыль. Да у того ж дела велели с ним быть смоленскому же шляхтичю Василю Худалею.

А что ему, Станиславу, на те будные станы надобно для работных людей хлеба и соли, что надобно к тамочному делу, и вы б ему давали и всяких запасов и заводов, без чево на будах быть нелзе, и вы б ему те всякие запасы и заводы велели давать из Смоленска.

Да ему ж, Станиславу, велели ведать Смоленского уезду наше, великого государя, село Ельню и Еленскую волость денежными и хлебными доходы и всякими расправными делами для всяких будных заводов и работ.

Да что у вас учинитца, и вы б о том к нам, великому государю, писали, а отписку велели подать в Новгородцком приказе думному дворянину Ивану Савастьяновичю Болшому Хитрово да дьяку нашему Авраму Кощееву.

Писан на Москве, лета 7179 ноября в 5 день.

№ 10. Отписка управляющего Еленской волостью смоленского шляхтича Станислава Чижа, март 1671 г.

(Л. 76) Государю царю... (т)... холоп твой Станислав Чиж челом бьет. По твоему, великого государя... (т)... указу велено мне, холопу твоему, быть в Смоленском уезде в Чернышевской да в Роговской будах—делать поташ к рижскому отпуску. А для всяких будных заводов и робот ведать мне, холопу твоему, смоленского уезду твое, великого государя, село Елню и Еленскую волость. И на тех, государь, будах будники собраны, клепку готовят и поташ делают. А для робот у тех буд быть некому: села, государь, Елни, мещане без остатку скудны, а Еленской волости лутчие деревни — Микитино, Иванково, Красное — отданы в поместье в роздачю: Микитино — ротмистру дорогобужских казаков Федору Щочке, Иванково и Красное — голове дорогобужских стрелцов и пушкарей Ивану Шевалдину да подячему Матвею Зуеву. А за их, государь, дачами Еленской волости осталось только дворов с 40 и те бесхлебны, многие и без лошадей, от будных робот за скудностью пойдут врозь. Да Еленской же, государь, волости, которые были оброчные пустоши, и те владеет ротмистр Федор Щочка в деревне Микитину. А к той, государь, деревне Микитину те оброчные пустоши

исстари (л. 77) не належат. И мне, государь, холопу твоему, будным волам на корм сена готовить будет негде. И твоей, великого государя, Еленской волости остатошным крестьяном, которые остались за роздачами, пашнею и покосами, опричь тех пустошей, скудно, и о том, что ты, великий государь укажешь»? [1]).

№ 11. Челюбитная смоленского шляхтича Станислава Чижа, март 1671 г.

(Л. 78). Царю государю... (т)... бьет челом холоп твой смоленской шляхтич Станиславка Чиж. В нынешнем, государь, во 179 году по твоему, великого государя, указу и по грамоте работою тебе, великому государю, я, холоп твой, в будных заводах, а твоего, великого государя, жалованья денежного и хлебного мне, холопу твоему, нейдет. Милосердый государь... (т)... пожалуй меня, холопа своего, своим, великого государя, жалованьем, чем тебе, великому государю, обо мне бог известит, чтоб мне холопу твоему на твоей, великого государя, службе, служа тебе, великому государю, голодной смертью не умереть и твоей, великого государя, службы не отбыть. Царь государь, смилуйся пожалуй! [2]).

№ 12. Отписка смоленского воеводы кн. И. А. Хованского в приказ Устюжской чети 2 мая 1671 г.

(Л. 1)... В нынешнем, государь, во 179 году ноября в 23 день в твоей, великого государя... (т)... грамоте из Новгородцкого приказу, за подписью дьяка Аврама Кощеева писано [3]).

(Л. 2)... А на те, государь, будные станы твоих, великого государя, хлебных запасов послано октября с 1 числа, апреля по 1 ж нынешнего 179 году 368 четвертей ржи, 335 четвертей ячмени, 60 чети овса. Всего ржи, и ячмени и овса 763 четверти, 13 (л. 3) берковцев 8 пуд с четвертью соли, 135 ведр вина старово, которое сижено из гнилово хлеба, 30 пуд железа московской присылки. А посланы, государь, те запасы зимним путем к лету, потому что летом запасов за болотами и за грязми возить немочно.

Да денег на волы и будником на сало, и на рукавицы, и на сукно 212 рублев 31 алтын (л. 4) 4 денги.

И ис того, государь, числа в будах дано будником и всяким работным людем на корм, на бирки, в цену 185 четвертей с осминою ржи, 155 чети с полуосминою ячмени, 18 чети овса, 9 берковцев 3 пуда соли, 85 ведр вина. А за расходом в остатке на лицо апреля по 1 ж число: 182 чети с осминою ржи, 180 чети без полуосмины ячмени, 42 чети овса. Всего ржи и ячмени и овса в остатке 404 чети с полуосминою, 4 берковца 6 пуд соли, 50 ведр вина. Да сукна (л. 5) и рукавиц, и сала, и стали и, с тем что куплено 2 безмена да 4 замка, на 20 на 9 рублев на 20 на шесть алтын на полпяты денги, опричь волов. А с волами на 100 на 30 на 9 рублев на 17 алтын на полторы денги.

---

[1]) На л. 76 об. помета: «Выписать» и запись о подаче: «179-го марта в 18 день».

[2]) На л. 78 об. помета: «Выписать». На лл. 78—80 выписка в доклад и на ней помета: «179 марта в 27 день думный дворянин Иван Савастьянович Хитрово приказал: Станиславу Чижу дать великого государя жалованье из Устюжской чети 15 рублев, да в Смоленску дать 15 чети ржи, 15 чети овса. И о том послать к боярину и воеводам грамоту».

[3]) Следует изложение грамоты, помещенной под № 9.

А что, государь, в тех будных станех всяких будницких заводов построено и что в том будном строенье сверх прежней росписи, какову роспись к тебе, великому государю, к Москве послали мы, холопи твои, наперед сего, учинено тебе, великому государю, прибыли и сколько зделано поташу, и во что тот поташ в деле учинился, и почему того поташу берковец продан, и что приготовлено клепки к лету на поташ и тому всему роспись к тебе, великому государю... (т)... к Москве послали мы, холопи твои, под сею отпискою смоленской приказной избы з денщиком с Архипкою Анофриевым, маия во 2 день [1]). И велели подать в приказе Устюжские чети думному дворянину Ивану Савастьяновичю Болшому Хитрово да дьяку Авраму Кощееву. А поташ, государь, велели мы, холопи твои, продать в Поречье дешевою ценою, для того, чтоб на тот поташ впредь купцов болши было [2]).

№ 13. Роспись произведенным на поташных заводах работам на 2 мая 1671 г.

(Л. 6) Роспись, что в Смоленском уезде в Чернышевской и в Роговской будах всяких будницких заводов построено, и что в том будном строенье сверх прежней росписи учинено великому государю... (т)... прибыли, и сколько зделано поташу, и во что тот поташ в деле учинился, и почему того поташу берковец продан и что приготовлено клепки к лету на поташ октября с 1 числа апреля по 1 число нынешнего 179 году.

В Чернышевской буде построено будниками [3]):

21 корыто болших дубовых по 5 сажен корыто. За дело от корыта по ефимку, а ефимок по 20 алтын. Итого 12 рублев 20 алтын. 18 прикорытков по 6 алтын по 4 д. прикорыток. Итого 3 рубли 20 алтын.

Гарть глиняной, на чем поташ жгут. Ст дела 5 рублев. (л. 7) Колодезь выкопан 4-х сажен. От дела 3 рубли.

2 скрыни по 3 сажени, где сыпать пепел. От скрыни по рублю. Итого 2 рубли.

Анбар болшой мшоной — парня тож, в ней две печи, где стоять корытам, чтоб зимою корыта не мерзли. В длину 15-ти, а поперег 8 сажен. От дела 5 рублев.

Рум вычищен, где корыта волочить и в которых местех их ставить. От того 10 рублев.

Да в той же Чернышевской буде построено великого государя дворцовых волостей крестьяны:

Изба болшая шапорная, с сенми, где корм роздавать будником. От дела 3 рубли.

2 анбара болших. Один — где сыпать хлеб, другой — где ставить бочки с поташом. От дела за один — 4, а за другой, — 3 рубли. Да сверх прежней росписи, какова послана к великому государю к Москве, построено теми же крестьяны: изба 3-х сажен, где делать бочки. От дела 3 рубли; кузница 2-х сажен. От дела 20 алтын.

(Л. 8) Воловня — 8 сажен. Конюшня — 3 сажен. Да к той же воловне и к конюшне зделан воловей двор, огорожен кругом забором. От дела 10 рублев.

---

[1]) См. ниже док. № 13.

[2]) На л. 1 об. помета: «Послать великого государя грамота: по сей отписке ведомо и впредь велели промышлять с великим раденьем». Запись о подаче: «179-го июня в 10 день».

[3]) См. выше док. № 2.

12 изб будницких. От дела по рублю за избу. Итого 12 рублев. А на другой Роговской буде будницкое всякое строенье построено теми же будники и крестьяны то же все, что писано в сей росписи выше сего.

И за то будницкое строенье, против прежней росписи, довелось дать будником 41 рубль 6 алтын 4 д. А крестьяном — 35 рублев 20 алтын и с тем, что они построили сверх росписи. Всего 76 рублев 26 алтын 2 д. от одной буды. А от обеих буд 153 рубли 20 алтын. И тех денег за то будное строенье не дано для того, что великого государя крестьяне работали своим хлебом, а будником дано хлебных и всяких запасов, на бирки, в цену на 56 рублев на 13 алтын на 2 д. И в тех будных заводех великому государю учинено прибыли 97 рублев 6 алтын 4 д.

(Л. 9). Будники ж и всякие работные люди в Чернышевской и в Роговской будах нажгли пеплу 1396 поташовок с полупоташовкою, а в них 66 ластов с полуластом, в ласту 21 поташовка, по 2 алтына без полушки поташовка. А ласт — по рублю по 6 алтын по полшесты д. Да клепки насекли 360 коп по 10 д. копа. Итого пепелу и клепки на 98 рублев на 10 алтын.

И ис того числа пепелу изошло на новые будные заводы в корыта и в гарть 6 ластов с полуластом. А 60 ластов пепелу ж да клепки 360 коп изошло на поташ. А поташу ис того пеплу и ис клепки зделано 15 бочек, а в бочке по 3 берковца с лишком. Весом в тех бочках поташу 45 берковцев 7 пуд без чети.

И в деле тот поташ учинился 113 рублев 31 алтын пол две д. Бочка по 7 рублев по 16 алтын по 4 д. А берковец по 2 рубли по 16 алтын по 4 д. и с тем, что дано поливачю и бондарю за бочки и трем человеком будняком, которые у того поташу были 4 недели у корыт беспеременно. (л. 10)

И сверх прежней росписи, какова послана к великому государю к Москве наперед сего, почему поташ учнет быть в деле, великому государю учинено прибыли у берковца по 16 алтын по 4 д. Итого 22 рубля 27 алтын полшесты денги.

И тот поташ продан в Поречье. Взято за берковец по 4 рубли по 11 алтын по 4 д. Итого 185 рублев 21 алтын пол 2 денги. А на дерево на бочку ис того ж поташу поступлено по 2 пуда. И у того поташу у 42 берковцев у 7 пуд без чети, почему он учинился в деле, великому государю учинено прибыли у берковца по рублю по 28 алтын по 2 д. Итого 72 рубли 18 алтын.

В Чернышевской же и в Роговской будах будники приготовили клепки к лету на поташ 6 000 коп по 10 д. копа. Итого 300 рублев. Приготовили они будники тое клепку за те хлебные и всякие запасы, что им даны. А что им будником хлебных и всяких запасов дано и то писано выше сего.

Да тем же будником дано впредь тех же хлебных и всяких запасов, что им дано на бирки, по цене на 121 рубль на 5 д. А за те хлебные запасы выставить им пепелами летом. (л. 11). Да сыскано в Смоленску изменника на Васкине дворе Красенского смолчюгу худово 90 бочек. Да за Днепром на посаде изменника ж на Ульянкове дворе солодовника сыскано смолчюгу ж горелохудово ж 50 пуд. И тот смолчюг весь переделан на поташ. А поташу ис того смолчюгу вышло 7 бочек, а в них весом 14 берковцев пол 3 пуда з деревом, а без дерева 12 берковцев 8 пуд с полупудом. И тот поташ продан в Поречье. Взято за

берковец по 4 рубли по 11 алтын по 4 д. Итого 55 рублев 29 алтын пол 6 д. А на дерево на бочку ис того поташу поступлено по 2 пуда.

Всего в Смоленском уезде в Чернышевской и в Роговской будах зделано поташу увновь, и с тем, что переделан худой смалчюг, и продано в Поречье 22 бочки, а в них по весу 59 берковцев пол 3 пуда з деревом. И ис того числа на дерево поступлено по 2 пуда. А и за тем в остатке 54 берковца 8 пуд с полпудом. Денег за тот поташ взято 241 рубль 17 алтын 5 д.

А продан тот поташ в Поречье дешевою ценою для того, чтобы впредь на поташ купцов было болши.

№ 14. Отписка смоленского шляхтича Станислава Чижа, июль 1671 г.

(Л. 14)... В нынешнем, государь, во 179 году писано в твоей, великого государя... (т) ... грамоте в Смоленск к боярину и воеводам ко князю Ивану Андреевичю Хованскому с товарищи: велено мне, холопу твоему, быть в твоих, великого государя, в будах в Смоленском и в Рословском уездах. И я, холоп твой, по твоему, великого государя, указу в будах, зделав зимнем путем 15 бочак поташу, отдал в Смоленск. А нонича в твоих, великого государя, будах зделано поташу нынешнего 179 году по Ильин день 60 бочек. А клепки и пепелов наготовлено многа и всякие будные заводы построены. А в будах твоих, великого государя, у меня, холопа твоего, подьячего нет. И по указу из Смоленска боярина и воевод князь Ивана Андреевича Хованского с товарищи, велено мне, холопу твоему, подьячего взять из Дорогобужа — Трошку Дмитриева. И он, Трошка, боярского указу ослушался и от меня, холопа твоего, крыетца, и в твои, великого государя, буды писать не едит. А у меня, холопа твоего, приходу и расходу писать некому. А каторые в твоих, великого государя, Смоленского уезду в Еленском стану дворцовые крестьяне бежали 42 человека во 177 и во 178 годех, и те крестьяне нонича живут в Смоленском и в Серпеском и у иных уездах за помещиками. И а том, что ты, великий государь, укажешь? [1]).

№ 15. Выписка в доклад по челобитью смоленского шляхтича Станислава Чижа, 11 марта 1672 г.

(Л. 29) В прошлом во 178 году сентября в 5 день писали к великому государю... (т)... из Смоленска боярин и воеводы князь Иван Андреевич Хованской с товарыщи: в Смоленском де уезде в Ывановском да в Еленском станех в Чернышевском и в Вербиловском лесах, от Смоленска в 70 верстах, велели они заводить на великого государя будные промыслы смоленскому шляхтичю Станиславу Чижу да смоленскому мещанину Тимошке Конанову. А Тимошка де призвал на те буды из-за рубежа 9 семей будников. (л. 30) И после того те будные станы были останавлены, а велено было их отдать на откуп.

И в прошлом ж во 178 году июля в 11 день послана великого государя грамота в Смоленеск к боярину и воеводам ко князю Ивану Андреевичу Хованскому с товарищи: велено смоленскому шляхтичю Стани-

---

[1]) На л. 14 об. помета: «Дать грамоту в Дорогобуж: велеть к нему подьячего выслать. А о крестьянах о беглых писать ему в указе к боярину и воеводам». Запись о подаче: «179-го июля в 11 день. Подал смоленский шляхтич Иван Юшкевич».

славу Чижу да мещанину Тимошке на тех на дву будных заводах, где сысканы и заведены, делать поташ к рижскому отпуску со всяким радением, неоплошно, неиспустя времяни, чтоб в том учнить прибыль. Да ему ж, Станиславу, велено ведать Смоленского уезду село Елню и Еленскую волость денежными и хлебными доходы и росправными делами для будных заводов.

И в прошлом во 179 году ноября в 1 день Станислав Чиж выслан был с смоленскою шляхтою великого государя на службу (л. 31) в понизовые городы.

И ноября ж в 5 день Станислав Чиж с Москвы отпущен в Смоленск, а велено ему быть у будных промыслов по-прежнему и делать поташ со всяким радением неоплошно, неиспустя времяни. Да с ним же с Москвы отпущен для того ж дела смоленской же шляхтич Василей Худолей.

И по отписке из Смоленска боярина и воевод Станислав Чиж учал на будах поташ делать и село Елню и Елинскую волость ведать ноября з 23-го числа 179 году.

И марта в 27 день по указу великого государя и по помете на выписке дьяка Аврама Кощеева, по челобитью ево, Станиславову, дано ему Станиславу великого государя жалованья за ево работу и раденье из казны из Устюжские чети 15 рублев денег, да в Смоленску из житниц 15 чети ржи, овса тож.

(Л. 32). И в нынешнем во 180 году октября в 11 день писали к великому государю из Смоленска боярин и воеводы, что на двух будах сентября по 1 число нынешнего 180 году зделано поташу 81 бочка, а в бочке по 3 берковца. А по скаске, де шафаря Ивашка Юрьева, что октября к 1 числу в деле будет поташу 100 бочек и с тем, что 81 бочка. А впредь поташ делают же с великим радением и поспешением.

Да генваря в 29 день писали к великому государю они ж боярин и воеводы и прислали смоленским прибылям роспись, что в прошлом во 179 году учинено пред прежным прибылей. И в той же росписи написано: на дву будах в Смоленском уезде сентября по 1 число нынешнего 180 году у будных заводов 97 рублев 6 алтын 4 д. (л. 33). У поташу 72 рубли 18 алтын. У старого худого смалчюгу, что переделан на поташ, 55 рублев 29 алтын пол 6 д.

Всего учинено прибыли у будных заводов и у поташу и у старого смалчюгу по 1 число 225 рублев 21 алтын пол 2 д.

А что сентября с 1 числа нынешнего 180 году по се число у будных заводов и у поташу прибыли, о том из Смоленска не писано. И генваря в 15 день бил челом великому государю Станислав Чиж: в прошлом де во 179 году с сентября месяца, по указу великого государя, завел он на великого государя 2 станы будных и будников призвал 100 семей и поташу зделал 180 бочек. И ныне де он от ран (л. 34) заскорбел головою и ногами, и великий государь пожаловал бы ево: велел ево от будных заводов отставить, потаму что ему в скорби у того дела быть стало немочно.

И по тому ево челобитью послана великого государя грамота в Смоленеск к боярину и воеводам: будет Станиславу Чижу год минул, как он послан на буды, велено послать на те буды, где он Станислав Чиж был, выбрав знающаго человека, ково б с такое дело стало. И велено на будах переписать всякие будные заводы, и поташ деланой, и что какова запасу изготовлено и людей по имяном. А переписав,

велено у него Станислава принять с росписью, а Станис- (л. 35) лава отпустить в Смоленск. А кого имянем пошлют и которого числа, и о том велено отписать в Москве в приказ Устюжские чети.

И марта по 12 число нынешнего 180 году из Смоленска боярин и воеводы о том не писывали.

(Л. 36). А в приказе Устюжские чети перед думным дворянином перед Иваном Болшим Савастьяновичем Хитрово да перед дьяком перед Аврамом Кощеевым смолнянин Матвей Зуев сказал: как де у боярина у Ильи Даниловича Милославского были будные заводы в Арзамасском уезде, и у тех де будных заводов был он Матвей и будные заводы ему и всякое будное строенье за обычей [1]).

№ 16. Грамота в Смоленск из приказа Устюжской чети 16 марта 1672 г. [2]).

(Л. 90)... И [3]) ныне указали мы, великий государь, на тех на двух будных станех, где был Станислав Чиж, у поташного дела быть смольнянину Матвею Зуеву и те будные станы и на них всякое строенье впредь строить и поташ делать. А с ним у того дела быть смоленскому шляхтичю Василию Худолею да мещанину Тимошке Конанову по-прежнему. И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и вы б в Смоленской уезд в Елинский стан в Чернышевской и Вербиловской леса на будные станы, где был Станислав, послали смолнянина Матвея Зуева, а с ним велели быть смоленскому шляхтичю Худолею да мещанину Тимошке Конанову, по-прежнему, а для писма велели ему дать подьячева, и велели на тех будных станах переписать всякое будное строение и заводы и запасы и деланой поташ и что к тому поташному делу чего изготовлено, и шафарей, и будников и всяких работных людей. А переписав, велели ему, Матвею и шляхтичю Василью и мещанину Тимошке на тех будных станах поташ делать с великим радением и с поспешением. И в наказную память велели ему написать (л. 89) с великим подкреплением, чтоб он, будучи у нашего дела, не пил и не бражничал и за своими ни за какими промыслы и дела не ходил и ничем в том не корыстовался, чтоб ему у тех будных промыслов на тех будных станах поташ делать с великим радением и поспешением неоплошно, чтоб ему у тех будных промыслов учинить нам, великому государю, прибыль сверх прежняго.

И село Елню и Еленскую волость велели ему Матвею ведать денежными и хлебными доходы и всякими расправными делами для всяких будных заводов и работ, как ведал Станислав Чиж. А что ему Матвею на те будные станы надобно для заводов денег и для работников хлебных и всяких запасов и заводов, без чево на будах быть нелзя, и вы б ему денги и всякие запасы и заводы велели давать из Смоленска с росписью. А шляхтича Станислава Чижа велели в де-

---

[1]) По склейкам помета: «180 г. марта в 11 день думной дворянин Иван Болшой Савастьянович Хитрово приказал: послать великого государя грамоту в Смоленск к боярину и воеводам, велеть у будных заводов быть Матвею Зуеву и радеть неоплошно». На л. 36 об. «К сей скаске Матвей Зуев руку приложил».

[2]) Черновой отпуск.

[3]) В начале приведены выписки из вышепомещенных документов о деятельности С. Чижа.

нежной казне и в хлебных и во всяких запасах и в заводах, что чево из Смоленска на те будные заводы и станы дано, и что с села Елни и с Еленской волости со крестьянских доходов взял в приходе и расходе с того числа, как он, Станислав, послан к будным заводам, по то число, как он отпущен з будных заводов по приходным и расходным книгам счесть. И много ли (л. 91) он на тех будных заводах поташу бочек зделал и что каких поташных запасов после ево на тех станах осталось, и во что поташу бочка ставилась, и по чему продано и много ли у того поташу прибыли. Да будет по счету у Станислава Чижа чего денег и хлебных и всяких запасов и заводах против приходу в расходе не объявитца, и вы б то велели взять на Станиславе все сполна. А Матвею Зуеву велели дать нашего, великого, государя, жалованья из житниц для будных работ 15 чети ржи, овса тож и записать в расходные книги имянно. А по Москве дано ему Матвею из нашей великого государя казны из Устюжской чети 15 рублев денег.

Да что у вас учнет чинитца, и вы б о том писали и счетной список прислали к нам, великому государю, к Москве и велели подать в приказе Устюжские чети думному нашему дворянину Ивану Савастьяновичю Болшому Хитрово да дьяку нашему Авраму Кощееву.

Писан на Москве, лета 7180 марта в 16 день [1]).

№ 17. Отписка смоленского воеводы кн. М. А. Голицына в Москву, август 1673 г..

(Л. 82)... В прошлом, государь, во 180 и в нынешнем во 181 годах зделано в Смоленском уезде в Роговской и Чернышевской будах поташу 151 бочка, а в них по весу 450 берковцов 8 пуд. с полупудом, и з деревом. А учинился тот поташ в деле по 2 рубли по 20 по 4 алтына по 2 денги берковец. Итого 1 231 рубл. 15 алтын. И мы, холопи твои, тот поташ велели продать смоленскому бурмистру Семену Жукову. И по росписи, государь, Семена Жукова продано того поташу на пристани реки Каспии 405 берковцев 7 пуд 26 гривенок по 5 рублев берковец на ефимки. А по его, Семенове, скаске принимал он те ефимки по 20 алтын ефимок. Итого за 2 000 за 20 за 8 рублев за 20 за 7 алтын за 3 денги — 3 381 ефимок с четью ефимка, да 2 алтына 3 денги мелких. Да того ж де, государь, поташу против рижского извычаю, поступлено на дерево и на брак на берковец по пуду, итого 45 берковцов 34 гривенки. И у поташу, который в продаже, учинено тебе, великому государю, прибыли 797 рублев 12 алтын 3 денги [2]).

№ 18. Грамота в Смоленск из Москвы, 12 сентября 1673 г. [3])

(Л. 83)... В прошлом во 180 году июня в 2 день писали к нам, великому государю, из Смоленска боярин наш и воевода князь Иван Андреевич Хованский с товарищи, что в Смоленском уезде в Чернышевской и Роговской будах зделано поташу 200 бочек, а в них по

---

[1]) Под текстом отметка: «Такова грамота отдана Матвею Зуеву».

[2]) Конец утрачен. На л. 82 об. помета: «Вписать в столп, а продажу поташу и что за него взять ефимков записать в записную книгу». — Запись о подаче: «181-го августа в 21 день с поручением с Михаилом Дуровым».

[3]) Черновой отпуск.

весу 549 берковцов и 2 пуда 37 гривенок. А учинился тот поташ в деле по 2 рубли с полтиною берковец, а продан тот поташ по 4 рубли по 20 алтын берковец. А где тот поташ и на какие денги на мелкие или на червонные золотые или на ефимки продан и на дерево и на брак поступка поташу была ли и почему на дерево и на брак поступки— того в отписке их не написано. И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и вы б в Смоленску в приказной избе велели ис книг выписать: в прошлом во 180 году, при боярине нашем и воеводах при князе Иване Андреевиче Хованском с товарыщи на какие денги поташ и где продан и на какие денги на мелкие ль или на червонные золотые или на ефимки, и будет на червонные или на ефимки и в какову цену по чему червонные и ефимки приманы, и на дерево и на брак поташу поступка была ль и по чему на дерево и на брак поташу поступлено порознь. Да и смоленских мещан и всяких чинов людей допросили: по чему у них поташ в продаже бывает на мелкие денги и на червонные золотые и на ефимки и по которой цене золотые и ефимки емлют, и на дерево и на брак поташу поступка у них бывает ли, и буде бывает, и почему на берковец. Да о том о всем к нам, великому государю, отписали вскоре. А отписку велели подать в приказе княжества Смоленского дьяком нашим думному Лариону Иванову да Семену Дамашневу.

Писан на Москве, лета 7182 сентября в 12 день [1]).

---

[1]) Под текстом отметка: «Послана с Харитоном Никутиным».

Из истории освоения Северного морского пути

(Экспедиция Беринга 1732 — 1743 гг.)

Жгучая идея использования Северного морского пути, как известно, столетиями уходит в глубь истории. Многочисленные героические попытки отважных полярников в XVII — XIX вв. чаще всего печально заканчивались для северных экспедиций, и только в условиях диктатуры пролетариата неприступный и жестокий Север быстро отступает перед большевистской настойчивостью.

Идея использования морского пути Северного Ледовитого океана относится еще к XVI столетию. В первой половине XVII века русский путешественник Дежнев, обогнув северо-восток Азии, побывал на Камчатке. Развитие торгового капитала в России сопровождалось интенсивной колонизацией Сибири. Рассказы о несметных богатствах Америки волновали и русское правительство, которое подобно европейским королям непрочь было поживиться на американском добре. Заманчивая мысль использования Сезерного Ледовитого океана для связи с Америкой побудила Петра I послать в конце 1724 года специальную экспедицию известного исследователя Беринга для изучения места, где Азия «сошлась с Америкой и чтоб доехать до какого города европейских владений».

В 1728 году Беринг подтвердил правильность сообщений Дежнева, что Азия не соединяется землей с Америкой, и пролив, разделяющий эти два материка, был назван его именем. В результате первой экспедиции Беринга 1724—1728 гг. зарождается грандиозный план установления морского пути из Архангельска в Америку. В 1732 году по указу императрицы Анны Иоанновны Беринг отправляется во вторую экспедицию для изучения берегов Америки. Обстоятельный рапорт Беринга Анне Иоанновне в 1741 г. о своей второй экспедиции, хранящийся в наших архивах и частично публикуемый нами в настоящем номере журнала, вскрывает исключительно широкий размах этого предприятия. Несмотря на неудачу второй беринговской экспедиции, сохранившиеся материалы представляют большую научную ценность. Они подробно излагают подготовку северных походов, содержат интересные данные о Северной Сибири и дают яркий материал о колониальной политике царизма в Азии в XVIII веке.

По плану вторая экспедиция Беринга представляла как бы совокупность ряда северных походов, которые должны были совершать отдельные суда на различных участках Северного Ледовитого океана.

В задачу первой партии входило «от города Архангельского осмотреть берега и форватер до устья Оби реки» (л. 62 об. [1]). Вторая партия должна была пройти от

[1]) Архив ГАФКЭ. Фонд МИД. Дело № XXIV, № 9, 1732—1743 гг. «Дело об экспедиции, снаряженной в Камчатку для открытия берегов Америки». — Приводимые в дальнейшем тексте настоящей статьи выдержки также взяты из этого дела. Выдержки воспроизводятся в современной транскрипции.

Оби до Енисея. Третья должна была выйти из реки Лены: одно судно—от Лены до Енисея, а второе — от Лены на восток и дойти до Камчатки. В задачу четвертой «определено было дойтить до Японских островов и оттуда по близости к возвращению велено было итти к востоку до китайских берегов, до устья реки Амура и оттуда к северу подле сибирского берегу к охоцкому» (л. 62 об.) Лично Беринг же должен был руководить самой трудной и ответственной задачей экспедиции — возглавить суда, отправляющиеся из Петропавловской гавани на Камчатке, для исследования американских берегов.

О грандиозности предприятия Беринга можно судить по тому, что расходы по стоимости экспедиции тогда определялись специалистами в сумме более полутора миллиона рублей. В докладной записке сената указывалось, что только по ведомости адмиралтейской коллегии числилось «невозвратного расхода 360 659 рублей». При этом нужно иметь в виду, что для экспедиции Беринга в виде повинности мобилизовались огромные массы населения Сибири со своим живым и мертвым инвентарем.

Экспедиция Беринга была крупнейшим историческим событием в жизни Сибири. Между Москвой и Сибирью устанавливалась регулярная почтовая связь: два раза в месяц от Москвы до Тобольска, от Тобольска до Енисейска — раз в месяц и от Якутска до Охотска и Камчатки — раз в два месяца. В помощь экспедиции Академия наук выделяла геодезистов, «рудознатцев» и географов.

Ставя задачей изучение пригодности Северного Ледовитого океана для морских сообщений, царское правительство однако в то же время преследовало задачи изучения естественных богатств Сибири и закрепления своего влияния в Азии. Для нужд экспедиции строились новые судостроительные верфи в Тобольске и Якутске, откуда по рекам суда должны были выйти к берегам Ледовитого океана. В Охотске же должны были строиться суда для исследования Японии и Америки.

Несмотря на правительственную помощь, экспедиция Беринга все же протекала в исключительно трудных условиях. Основными путями грузового сообщения для них служили реки. 7 июня 1733 года Беринг со своей командой на четырех судах отправился из Твери по реке Волге до Казани, откуда по реке Каме доехал до села Осы и зимним трактом через Кунгур и Екатеринбург прибыл в Тобольск. Однако главные неприятности ожидали Беринга в Якутске и Охотске, где строительство судов затянулось. Квалифицированных рабочих рук и нужных строительных материалов нехватало. Огромные трудности были связаны и с добыванием провианта. В силу этого только в 1737 году в Охотске было начато строительство двух пакет-ботов [1]), которые предназначались для обследования американских берегов. Строительство же этих судов затянулось до 1740 года.

Насколько же удачно проходило исследование Северного Ледовитого океана?

Путь по обследованию берегов от Архангельска до Оби был пройден втечение двух лет. Для обследования же второго участка в 1735 году лейтенант Овцын со своим судном вышел из устья реки Оби по направлению к Енисею, однако «за великими льдами и за противными ветрами не прошел» (л. 101). Неудача постигла Овцына и в следующем году. Только в 1737 году, имея уже два судна (дубель-шлюпку и бот), «хотя и находился в великих льдах, однако ж к упомянутому Енисейскому устью прибыл августа 31 дня» (л. 101 об.). Во время экспедиции от устья Оби до устья Енисея с судов посылались команды по обследованию берегов. Наблюдения систематически заносились в журнал, и в 1739 году

---

1) Бот — небольшое одномачтовое судно; шлюп — военное судно парусного флота. В экспедиции Беринга дубель-шлюпка имела по 24 и 18 весел.

была составлена карта берегов. Во время своего путешествия Овцын «кочующих никаких народов не видал».

Для обследования участка от Енисея до Камчатки в Якутске были построены два морских судна: бот и дубель-шлюпка. Дубель-шлюпка под командой лейтенанта Прончищева должна была следовать от устья Лены на запад к устью Енисея. Бот же под командой лейтенанта Ласиниуса должен был пройти к Камчатке до Анадырского устья. Наряду с составлением карты перед этими командами ставилась задача «осматривать, не найдутся ли где богатые металлы и минералы» (л. 102). Из Якутска бот и дубель-шлюпка вышли 29 июня 1735 года и дошли до устья Лены 4 августа, «токмо устье вымерить ему, Ласиниусу, время недопустимо за противными и сильными ветрами» (л. 102 об.). Лейтенант Прончищев 13 августа отправился из Ленского устья на запад и зазимовал в устье реки Олонец. В 1736 году он продолжал свой путь дальше. Однако, подойдя к устью реки Таймур, увидел «велики острова, между которыми островами и берегом великой стоит лед и к тем островам и подле берегу проходу никакого не нашли» (л. 104 об.). «От той реки следовали подле льдов в море и увидели впереди себя и по обе стороны льды великие, стоячие, а в море видимы были носячие льды и так часто, что не токмо дубель-шлюпке, но и лотке пройтить невозможно» (л. 104 об.). Прончищев вынужден был вернуться на место своей прежней зимней стоянки, где и умер. Вместо него командиром был назначен лейтенант Харитон Лаптев, возобновивший экспедицию в 1739 году. Ему поручалось свою экспедицию «производить с найприлежнейшим старанием» и «приводить те экспедиции во окончание в другое или третье лето, а будет какая невозможность и в третье лето во окончание привесть не допустит, то и в четвертое лето и всемерно, чтоб та экспедиция во окончание приведена была» (л. 106).

Два года для Харитона Лаптева были годами неудач, потому что были «льды великие, меж которыми с великой трудностью проходили» и от «великих льдов едва спасались», а «за великим туманом ехать было невозможно». Беринг о судьбе Харитона Лаптева в 1741 году ничего не знал и в своем рапорте вынужден был писать, что «где ныне обретается, о том неизвестно» (л. 106).

Печальная судьба постигла и экспедицию Ласиниуса. 18 августа 1735 года, т. е. вскоре по прибытии судов из Якутска в устье Лены, Ласиниус умер от цынги и «рядовых как морских и адмиралтейских служителей и протчих сибирских разных чинов людей померло 39, а живых осталось 13 человек и те одержимы тою же болезнью» (л. 102 об.). На бот была послана новая команда во главе с лейтенантом Дмитрием Лаптевым. 29 июня 1736 года Лаптев вышел в море из устья Лены, однако 14 августа вынужден был обратно вернуться на зимовку в устье Лены, так как «далее за препятствием великих и густых льдов следовать было неможно» (л. 103 об.). Побывав в Петербурге с донесением, Дмитрий Лаптев получил однако предписание продолжать экспедицию во что бы то ни стало, которую и возобновил в 1739 году. 22 августа Д. Лаптев, преодолевая сильные ветры и опасности быть раздавленным льдами, дошел до реки Индигирки. Попытки войти в устье не раз терпели неудачу. Сильными порывами ветра судно неоднократно относилось в море на десятки верст. Только 11 сентября Д. Лаптев причалил к берегу, где нашел «новокрещенного коряка, который объявил, что в верху де по оной реке в полуторахстах верст жили пять зимовей русских и разных родов новокрещенные и якуты, от которых людей получит он, Лаптев, в перевозке с судна на берег провианта и протчих припасов не малую помощь» (л. 108 об.). Д. Лаптев вынужден был зазимовать в устье Индигирки, так как «бот их стоит на море во льдах и может ли спастить—не знает» (л. 109).

Для обследования американских берегов в Охотске в 1740 году было закончено строительство двух пакет ботов «для того, ежели учинится одному какое не-

счастие, то бы от другова было вспоможение» (л. 111). Командование одного бота взял на себя командир Беринг, на втором же командиром был назначен хороший знаток Сибири капитал Чириков. 6 октября 1740 года суда прибыли из Охотска в Петропавловскую гавань на Камчатке, но «за поздним временем к американским берегам не следовали» (л. 111 об.).

Изучение Америки рассматривалось как главная задача экспедиции. Адмиралтейство поручало Берингу, что если в одно лето не удастся выполнить поручения по обследованию американских берегов, то «о всем обстоятельно рапортовать, а самим, не ожидая указу, следовать и во окончание то приводить в другое лето» (л. 112 об.).

4 июня 1741 года суда вышли из Петропавловска. Решено было держать курс на предполагаемую землю Яна де Гамма, которая, по мнению профессора деля Кроера, должна быть расположенной на 43-м градусе широты, чтобы обогнуть ее и итти дальше на восток. Налетевший шторм 20 июня разлучил суда Беринга и Чирикова. Они вынуждены были плавание к американским берегам проводить совершенно независимо. Взяв курс на северо-восток, Беринг 20 июля достиг неизвестного острова, расположенного на 59° широты у берегов Америки, где стал на якорь. Посланный на лангботе для осмотра островов флотский мастер Хитрово обнаружил там признаки человеческого жилья. Люди же, увидя корабль, спрятались в лесу и ушли на материк. Вдоль американских берегов Беринг проплавал конец июля, август и часть сентября. 4 сентября на одном из островов около американского берега «услышали мы великой крик людей, из которых два человека сели в две байдары и гребли к нашему боту. Сажен около 50 остановились и кричали к нам своим языком, которого их языку взятые с Камчатки толмачи чюкоцкого и коряцкого языка не разумели» (л. 113).

По распоряжению Беринга несколько человек с «разными подарочными вещами» были посланы на берег. Помощник Беринга лейтенант Ваксель, лично руководивший установлением торговли с туземцами, дает интересное описание этой первой торговли с Америкой. Для обмена посылались ткани, зеркала, «ганзы железные, чем курят китайский табак», колокольчики медные и, конечно, водка. Ваксель однако жалуется, что «давал оным американцам разные подарки, которых они от меня не приняли. Также одному из оных подносил чарку вина, которут от меня принял и, припив оную, отдал возвратно, а взятое в рот вылил на земь». Посланного переводчика туземцы задержали, и Ваксель «принужден был для свободы того толмача приказать солдатам выпалить из несколько ружей на ветер и. когда выпалено было, тогда они все упали на землю, в которое время тот толмач, освободясь от них, возвратился на лангбот» (л. 114). «Видно было,—заключает Ваксель,—что они прежде огненного ружья не видели» (л. 115).

Во второй половине сентября Беринг решил возвращаться обратно в Петропавловскую гавань, однако до 13 октября корабль беспомощно болтался в море из-за «неописанной жестокости вестового ветра» такой силы, что таких сильных штормов надеюсь от старых мореплавателей мало видно было» (л. 15). Обратное возвращение Беринга проходило в условиях поголовной болезни команды цынгою. «Было в команде нашей уже больных цынготною болезнию немалое число, а некоторые и померли и достальные уже многие во управление морской работы явились бессильны» (л. 16).

Возвращение проходило в условиях свирепых ветров, и только 4 ноября Беринг, сбившийся с пути, увидел неизвестные ему тогда острова, названные впоследствии его именем. Команда была совершенно обессилена. «От жестокой цынготной болезни пришли в немалый страх, ибо тогда уже можно сказать почти судно было без правления. Понеже тогда команды нашей людей находилось таких, которые через великую мочь ходить о себе могли, только 8 человек, но из

опых на верх ходили с нуждою три человека, из которых был один собственной человек капитана командора, а протчие все лежали при самой смерти» (л. 16). Команда к тому же испытывала острую нужду в пресной воде и провианте. Беринг решил зазимовать на неизвестном ему острове, потому что «были опасны, дабы за бессилием людей не оставить судна без всякого правления и не претерпеть оттого крайнего несчастия в потерянии всех людей и судна. Тогда капитан командор собрал к себе как обер, так и ундер офицеров и рядовых, которые еще могли дойтить до его каюты, имел о том общее рассуждение, при котором собрании все служители объявили, что они боле продолжать себя в работе на море за болезнию и крайним бессилием не могут» (л. 17).

К концу ноября на судне Беринга было только 4 человека здоровых. 8 декабря 1741 года, после четырехмесячной болезни Беринг умер от цынги. Командование перешло в Вакселю. Уцелевшие остатки команды, обретавшиеся в беспомощности на неизвестном острове, с разбитым ботом, из его остатков соорудили новое небольшое судно, на котором 26 августа 1742 г. добрались в Петропавловскую гавань на Камчатке. Вэксель подробно описал положение команды после смерти Беринга. Леденящие сердце строки говорят о какой-то нечеловеческой борьбе людей за свое спасение.

В тяжелых условиях протекало и путешествие Чирикова. В своем рапорте Чириков защищает правильность ранее предложенного им проекта, но отклоненного адмиралтейством, чтобы для обследования американских берегов итти к Чукотскому полуострову и оттуда к Америке, а не руководствоваться картой профессора де-ля Кроера, который предполагал наличие между Азией и Америкой земли Яна де Гамма. Во время путешествия земли, означенной на карте де Кроера, Чириков не обнаружил. Держа курс на восток, он 15 июля достиг Америки и обследовал северную часть Калифорнии. До Америки Чириков добрался благополучно. Но с ним случилось другое несчастье: желая собрать сведения о жителях, он послал к берегам сначала лангбот, а затем лодку. Но ни то, ни другое не возвратились, и остается неизвестным, были ли они захвачены туземцами или, как предполагают некоторые, попали в водоворот и погибли. Таким образом вследствие уменьшения числа команды, а также отсутствия легких судов в дальнейшем Чириков был лишен возможности производить непосредственное обследование американских берегов. Проплавав вдоль Америки около 400 верст, он решил возвратиться в Петропавловскую гавань на Камчатке. Как и команда Беринга, в сентябре команда Чирикова поголовно болела цынгою.

«В последних числах настоящего сентября месяца, — пишет Чириков, — все служители на пакет-боте весьма стали отягчены цынготною болезнью» (л. 36). Многие из команды умерли. Во время возвращения умер также профессор Академии наук де Кроер, находившийся на судне Чирикова. Претерпевая всякие неудачи, судно Чирикова однако 10 октября 1741 г. добралось до Петропавловска О своей экспедиции Чириков послал в адмиралтейство подробный рапорт, хранящийся ныне в наших архивах. Кроме того была послана карта, уточняющая описание берегов северо-востока Азии и западных берегов Америки. Чириков приходит к заключению, что наиболее благоприятным временем для плавания к американским берегам нужно считать август и половину сентября, так как во время его плавания в июне—июле «всегда погода была весьма холодная, как в наших местах бывает в глубокую осень и почти повседневные стояли великие туманы, только в некоторые дни в приближенных часах к полудню солнце просиявало» (л. 37).

Удачнее всех была экспедиция Шпанберха к японским берегам. Капитан Шпанберх отплыл из Охотска 18 июня 1738 года и 15 июля прошел Курильские острова. Обследовав их, он 18 августа вернулся на Камчатку. В своем ра-

порте Шпанберх сообщает, что «в том же вояже неприятельских, ни дружеских кораблей и никаких судов он не видел» (л. 53).

Построив на Камчатке зимой 1738 года второй 18-весельный шлюп, Шпанберх 21 мая 1739 года отправился во вторую экспедицию к берегам Японии. Миновав Курильские острова, он 18 июня шел мимо Японии. Шпанберх дает чрезвычайно интересное описание японских берегов, их населения, жилищ и быта. С японцами он завел бойкую торговлю, живо описывая весь церемониал торговли. 29 августа Шпанберх вернулся в Охотск. В 1741 году он предполагал совершить экспедицию по изучению восточных берегов Азии от Охотска до Амура, но задержался из-за неподготовленности судов, а в 1743 году по указу Елизаветы Петровны вторая Камчатская экспедиция была прекращена.

Несмотря на неудачи, беринговская экспедиция дала чрезвычайно ценный материал по изучению Северного Ледовитого океана, уточнила географические карты северо-восточной части Азии, Японии и западных берегов Северной Америки и собрала интересные сведения об естественных богатствах Сибири. Читая материал, видишь, что прекращение второй Камчатской экспедиции было прервано как бы в самом ее разгаре. Объяснять прекращение экспедиции только смертью Беринга, конечно, нельзя. Причины были несравненно глубже.

Развивающийся торговый капитал в России стимулировал захват новых территорий и был основной причиной организации беринговских экспедиций. Но именно торговый же капитал оборвал ценнейшее научное начинание Беринга, когда увидел, что экспедиции Беринга не сулят ему высоких, заманчивых выгод. Менее всего придворную клику двора Анны Иоанновны или Елизаветы Петровны интересовали научные цели экспедиции. В экспедициях русское правительство видело источник наживы и грабежа туземцев. Не случайно экспедиция Беринга сопровождалась посылкой огромного количества царских чиновников, спешивших грабить туземцев и накладывать на них тяжелые налоги. Поэтому беринговские экспедиции, давшие ценные научные изыскания, обратной стороной вошли в историю как кошмарные дни для народов Сибири. Беринговские экспедиции сопровождались повсеместными волнениями туземцев. Камчатка была охвачена сильным восстанием в 1731—1732 гг. и в 1741 г.

Разорение туземных народов и волнение среди них сыграли крупную роль в прекращении беринговских экспедиций. Это вынуждены были признать в своей коллективной записке на имя императрицы Елизаветы Петровны даже князья В. Долгоруков, Ив. Трубецкой, М. Голицын, А. Куракин, граф А. Бестужев, граф Чернышев и др. «Крестьяне, — пишут они императрице, — сначала той Камчатской экспедиции находятся в дальних и в самых трудных беспокойных работах и претерпевают вящую нужду и многие из тех экспедичных работ не возвращаются лет по десяти и более и оттого домы их за взятием в те тяжкие работы разорились и пашеные земли опустели» (л. 6).

Сибирские экспедиции в условиях царизма и позднее были тягостны населению. Погоня за наживой оставляла в стороне научные цели экспедиции. Этим можно объяснить, что вплоть до Октябрьской революции Северный Ледовитый океан, окаймляющий с севера огромные пространства России, оставался малоисследованным. Только в результате Октябрьской революции, когда северные экспедиции стали проводиться в интересах трудящихся масс, работы по изучению Севера приняли невиданный в мире размах. Советские пароходы Севморпути стали мощным фактором подъема материального и культурного быта трудящихся Севера. Великие мечты лучших людей науки на протяжении сотен лет об освоении Северного Ледовитого океана не случайно только в условиях диктатуры пролетариата становятся действительностью.

***

Составление публикуемого нами «донесения» Беринга явилось в результате отправки в Сибирь указа императрицы Анны Иоанновны, доставленного специальным посланцем А. Дрyкортом. Эта посылка была вызвана недовольством экспедицией Беринга среди высших правительственных кругов. Чиновникам из сената и адмиралтейства было не по душе, что Беринг медлит с отправкой судов. Такие настроения в правительственных кругах были причиной того, что Беринг вынужден был форсировать отправку экспедиции, хотя отлично понимал ее недостаточную подготовленность.

Публикуемое нами впервые полностью «донесение» Беринга с его приложениями, воспроизводится с оригинала, сохранившегося в деле «Об экспедиции, снаряженной в Камчатку для открытия берегов Америки; о действиях там Беринга и Чирикова, наконец, о прекращении этой экспедиции». (ГАФКЭ), Гос. архив, МИД, 1732—1743 гг., т. XXIV, № 9).

В настоящем номере публикуется только «донесение» и «ведомость обстоятельная, учиненная против данных капитану командору Берингу и капитану Шпанберху инструкций, што по оным при камчатской экспедиции, как на сухом пути, так и на море исполнено и чего не исполнено».

В последующих номерах будут опубликованы остальные материалы, прилагаемые Берингом к «донесению».

Эти материалы представляют исключительный интерес, так как вскрывают целый ряд моментов экспедиции Беринга, до сих пор слабо освещенных или вовсе неизвестных в литературе как нашей, так и заграничной, проявляющей огромный интерес к этой экспедиции.

П. Горин.

Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Анне Иоанновне самодержице всероссийской[1]).

в кабинет

всеподданнейшее доношение *).

По имянному вашего императорского величества указу, присланному к капитану камандору Берингу[2]) с нарочно посланным лейб-гвардии с каптенармусом Аврамом Друкортом апреля от 14 дня, а полученному в Охоцку августа против 24 числа прошедшаго 1740 году повелено, в каком состоянии ныне Камчацкая экспедиция находитца и что по данным инструкциям при оной исполнено и чего еще не исполнено, о том ему Берингу обще с капитаном Шпанберхом[3]) и с протчими всеми обретающимися при той экспедиции афицерами учинить обстоятельную ведомость, и за их и всех тех афицеров руками прислать в кабинет вашего императорского величества с помянутым каптенармусом Друкортом, о чем и к капитану Шпанберху имянной же вашего императорского величества указ с тем же каптенармусом Друкортом прислан: и на оныя вашего императорского величества имянныя указы посланным в кабинет вашего императорского величества от нас, всенижайших рабов, общим с капитаном Шпанберхом доношением, того ж августа 29 дня 740 году всеподданнейше донесено, что такой ведомости о всем обстоятельно в скором времяни сочинить невозможно было, понеже к тому требовались многия справки и довольное разсмотрение, а капитан командор (л. 66 об.) Беринг с командою своею состоял тогда в Охоцку в готовности в путь до Авачинской губы, которая лежит в Камчацком восточном берегу не в ближнем от Охоцка разстоянии и на пременных румбах, а время приближилось уже к осени, и ежели б еще при Охоцку умедлить, то опасно было, чтоб в переходе от Охоцка морем до оной Авачинской губы не учинилось какого ущербу интересу вашего императорского величества по настоящей экспедиции, а ежели б при Охоцку зимовать, то в нынешнем году за препятствием лдов от Охоцка в путь до половины, а иногда и до последних чисел июня месяца следовать не можно, от чего могло б потерятца немало удобного времяни к следованию пути нашего: того ради сочинена в Охоцку ведомость, что исполнено и чего не исполнено по данным капитану Шпанберху инструкциям толко против тех пунктов, которые наиквящшему вашего императорского величества интересу лежат, и должны исполнены быть им Шпанберхом в походе морем, и о протчем, и та ведомость в кабинет вашего императорского величества при том всеподданнейшем нашем доношении с помянутым каптенармусом Друкортом послана, и при том же всеподданнейше донесено ж, что к тому в дополнение, что против всех данных ему капитану Шпанберху инструкцей исполнено, и чего не исполнено, определено сочинить ему Шпанберху ведомость от себя по силе вашего императорского величества имянного указу и отправить в кабинет вашего императорского величества с ним же с каптенармусом Друкортом немедленно, понеже он, Шпанберх,—для старания в приуготовлении надлежащаго к порученной ему экспедиции в вояж оставлен с камандою там, и велено ему для исправления того быть в Охоцку и в Якуцку, где когда способнее, а обстоятельная ведомость сочинена будет по прибытии капитана камандора на Камчатку и в кабинет вашего императорского величества отправлена быть имеет

*) Как этот, так и последующие документы являются подлинниками, скрепленными собственноручными подписями Беринга и его ближайших помощников.— Текст подготовлен к печати А. Покровским.

отсюда сухим путем чрез Анадырской острог[4]). А ныне по силе объявленных вашего императорского величества имянных указов оная обстоятельная ведомость, что по данным им, капитану командору Берингу и капитану Шпанберху, инструкциям при Камчацкой экспедиции как на сухом пути, так и на море исполнено, и чего еще не исполнено по прибыти на Камчатку нами сочинена, и при сем всеподданнейшем (л. 67) нашем доношении за руками нашими, всенижайших рабов, имеющихся ныне при Камчатке, в кабинет вашего императорского величества отправлена с нарочно посланным Адмиралтейского баталиона каптенармусом Семеном Филиповым от здешней гавани до Болшарецкого острога сухим путем, а оттуды до Охоцка отправитца чрез Пенжинское море[5]) на судне, а из Охоцка в Санкт-Питербурх надлежащим трактом, которому велено ехать со всякою скоростию, а что оная ведомость до сего здесь умедлена и сухим путем чрез Анадырской острог не отправлена была, о том вашему императорскому величеству всеподданнейше доносим, понеже отправились мы из Охоцка, прошедшаго 740 году сентября 8, а пришли в здешную гавень октября 6 чисел, точию и по прибытии сюда вскоре с писмянными делами для сочинения ведомости за неимением здесь хоромного строения разобратца и разсматривать обстоятельно дел негде было, понеже хоромы еще недостроены были; к тому ж наипаче хотя по исправлении того оная ведомость уже и сочинена была, точию сухим путем послать вящшее воспоследствовало препятствие, понеже еще в генваре и в феврале месяцах сего 741 году получили мы известии, что ясашныя камчадалы, которые живут на реках, впадающих в Пенжинское море Утколоки да Подкагирной, где путь лежит к Анадырскому острогу и к Якуцку, забунтовали и подданных вашего императорского величества 12 человек убили до смерти[6]), и затем сухим путем отправить опасно было, дабы те бунтовщики и посланным от нас с ведомостью не учинили также смертного убивства, как и протчим едущим чрез их места, а ведомость не утратилась бы безызвестно, и для того принуждены были ожидать надлежащаго времяни к морскому пути для отправления в Охоцк на судне морем; и того ради оная ведомость до сего здесь и удержана была, а как с помянутыми бунтовщиками и убицами от нас поступать определено, о том во оной ведомости на данную капитану командору Берингу ис правителствующаго сената инструкцию против двадесятого (67 об.) пункта всеподданнейше донесено. А мы, всенижайшия рабы, во определенной нам ваяж на море, ежели бог благоволит, отправимся из Авачинской губы на 2 пакет ботах нынешнею весною, как море ото лдов очиститца, не упуская удобного времяни, и в том вояже по силе данной из адмиралтейской колегии инструкции, по крайней нашей возможности, исполнять будем, а какое положение имеет Авачинская губа и во оной названная нами гавень святых апостол Петра и Павла, тому при сем всеподданнейше предлагаем две карты[7]).

Вашего императорского величества всенижайшия рабы:
Capitain Commandeur Witus Bering.
От флота капитан Алексей Чириков[8]).
Флота лейтенант Иван Чихачев[9]).
Styrman Swen Waxell Leutenants Rang of Flotten.
Штурман в ранге от флота лейтенанта Михала Плаутин.
Флота мастер Сафрон Хитрово.

Гавонь святых апостол Петра и Павла. Апреля 18 дня 1741 году (л. 68).

Ведомость обстоятельная, учиненная против данных капитану командору Берингу и капитану Шпанберху инструкцей, что по оным при Камчатской экспедиции, как на сухом пути, так и на море исполнено и чего не исполнено. *)

В данной из правительствующаго сената капитану командору Берингу марта 16 дня 1733 году инструкции написано:

1.

Весьма нужно быть частой пересылке писем и репортов от тебя и протчих отправляющихся в разныя экспедиции команд. А как известно, что не токмо за Тоболским, но и до Тоболска отсюда установичной почты нет, и затем в пути долго мешкают, а с нарочными всегда посылать—то убыток казенной произойдет, а при бытности в Сибире думного дьяка Андрея Вениуса[10]) было учреждение ординарной почты до Таболска (л. 68), того ради велено сибирскому, снесшись с ямским приказом, также и сибирскому губернатору учредить от Москвы до Таболска почту, чтоб в каждой месяц дважды чрез ту почту писма отправляемы были, а как оная учредитца и в которыя дни отпуск ис Таболска будет, о том тебе потребовать известия от сибирского губернатора. (л. 69)

Что по оной инструкции исполнено и чего не исполнено.

На 1).*

В 734 году генваря 11 числа сибирская губернская канцелярия, по сообщению от капитана командора Беринга с пунктов из инструкции правительствующаго сената о учреждении почт копей, к нему Берингу в бытность его в Таболску ответствовала промемориею: что по приговору де в той губернской канцелярии того ж генваря 8 числа и по общему с ним, Берингом, согласию велено по разписанию учреждения почты в ямской канцелярии присланному из сибирского приказу и по определению бывшаго губернатора тайного действителного (л. 68 об.) советника и ковалера князя Черкаского до правинцыи Соликамской почтовыя станы поставить немедленно в тех же местах и по толикому ж числу лошадей, как определено было: и отправлять по силе того неотменно: и о том де к таболским ямским выборным и в Тюмень, в Туринск, в Верхотурье к воеводам и управителем и к ямским старостам указы. А о учреждении де почты ж от Москвы до Сибирской губернии в немедленном времяни по разписанию ямского приказу, которое получено в Таболску декабря 7 дня 1731 году, и чтоб оная почта доходила по назначению дней и часов, как учреждено в том ямском приказе промемории в ямской приказ, в Казанскую и в Нижегородскую губерни и к Соликамской и в Вятскую правинции; и при тех промемориях с указов вашего императорского величества и с пунктов из данной ис правительствующаго сената капитану командору Берингу инструкции о учреждени той почты копии из сибирской губернской канцелярии посланы будут (л. 69). А учреждена ль почта от Москвы до Таболска и в которыя дни из Таболска отпускается и в указныя дни и часы доходит ли, о том при экспедиции неизвестно, понеже после того от оной губернской канцелярии х капитану командору Берингу сообщения о том не имеется.

*) В подлиннике ответы приведены против каждого вопроса. Каждый ответ скреплен собственноручной подписью: «Флота мастер Сафрон Хитрово», причем эта подпись разделена на отдельные слоги, как это практиковалось при подписании документов XVIII и первой половины XIX в.

2.

С ним же губернатором, будучи тебе в Таболску, зделать определение: дабы за Таболским до Енисейска и до Якуцка по однова в месяц почта отпускалась и как ис Таболска отправитесь в Якуцк, то дорогою велеть росписать и назначить станы, от которого до которого места возить летом и зимою. А от Якуцка до Охоцка и до Камчатки хотя б в два месяца однажды посылки были, а каким образом о том в Якуцке с тамошними командирами с совету учинить (л. 69 об.), дабы чрез те учреждении из Камчатки и Охоцка могли всякия ведомости в Таболск и в Москву и паки туда без остановки ходить. А понеже вы в Камчатке уже были, и путь до Камчатки вам сведом, то губернатору таболскому и в Якуцке воеводе дать вам свое разсуждение, изыскивая безубыточных и нетрудных способов, дабы где пустыя и нежилыя места, в таких местах ныне нарочно станов не учреждать и людей и лошалей не держать, но перевоз почты, сколько мочно, чрез тое пустоту от жилого до жилого места иметь, а впредь велено губернатору с товарищи самим сискивать способов, дабы на болшой дороге, где нужно быть станам, охотники поселились, и в том им вспоможение чинить по истойными (л. 70) увольнении по разсмотрению губернаторскому, а в каких местах и с каким увольнением селитца будут, о том особливо в сенат писать. (л. 73)

На 2.

В бытность капитана командора Беринга в Таболску ж в 734 году генваря 8 дня сибирская губернская канцелярия, по общему ж с ним, Берингом, согласию, определение о почте учинила, и станы от Таболска до Тары, от Тары до Томска, от Томска до Енисейска, от Енисейска до Илимска, от Илимска до Иркуцка, от Иркуцка до границы Китайского государства росписаны с прописанием, сколко от которого до которого места расстоянием верст и во сколко дней и часов доходить назначено, и посколку на котором стану лошадей содержать и какими людми показано. Тако ж росписаны почтовыя станы (л. 69 об.) от Илимска до Якуцка и от Якуцка до Охоцка и показано разстояние верст и назначены ж дни и часы и посколку лошадей и какими людми те станы содержать.

И вышеписанному росписанию сибирская губернская канцелярия сообщила х капитану командору Берингу при промемории ведение, и требовала от него, Беринга, чтоб почтовыя станы освидетелствать и назначить, от которого до которого места возить летом и зимою по однова в месяц от Таболска до Якуцка, а от Якуцка до Охоцка в два месяца, также, чтоб ему, Берингу, в Якуцке с тамошними командирами с совету учинить, дабы чрез те учреждении ис Камчатки и из Охоцка могли всякия ведомости в Таболск и в Москву и паки туды без остановки ходить, и по разсуждению ево изыскать к тому безубыточныя и нетрудныя способы, дабы где пустыя и нежилыя места как удобнее оную почту содержать, и впредь в которых местах и какими людми оныя места обселить, объявила, что о том же де (л. 70) и в городы куда надлежало указы посланы будут немедленно. И по тому требованию в том 734 году генваря 24 дня по ордеру от него, Беринга, послан был ис Таболска лейтенант Плаутин. Велено ему следовать от Таболска чрез Тару, Томск и Енисейск до Илимска, и от Илимска до Ускутской слободы, и оною дорогою изыскивать безубыточныя и нетрудныя способы, дабы где пустыя и нежилыя места, как удобно почту содержать и впредь в которых местах и какими людми оныя места обселить, и по силе присланного из сибирской губернской канцелярии о росписани тех

почтовых станов ведения (с которого при том ордере сообщена к нему, Плаутину, копия) в удобных ли местах те станы показаны, и много ли в тех местах найдетца жилых дворов; и в летнее время от которого до которого места водою или сухим путем будет ходить почта, описывать подлинно и по исполнени ево, Беринга, репортовать обстоятелно (л. 70 об.). По которому ордеру он лейтенант Плаутин исполнение учинил и о учреждении по ево признанию почтовых станов прислал х капитану командору экстракт, которой тако ж при том особливо о пути от Красноярска к Ыркуцку, которым следовал и осматривал капитан командор в каких местах лутче, по ево мнению, надлежит поселить и почтовыя станы учредить и кем содержать, известие послано от него, Беринга, в помянутую сибирскую губернскую канцелярию в том же 734 году июля 20 числа, токмо учреждены ль те почтовыя станы и во всех ли местах, и люди и лошади на них определены ль, о том из сибирской губернской канцелярии х капитану командору не сообщено ж.

А о учреждении от Якуцка вверх Лены реки до Илимского дистрикта,[11]) а имянно до Алекминского острога и от того (л. 71) острога до Витимской слободы, которыя места состоят в ведомстве якуцкой воеводской канцелярии, и от Якуцка ж до Охоцка почтовых станов и о уселении на них людей и лошадей писано от капитана командора Беринга в тое якуцкую воеводскую канцелярию в 734 и в 735 годех; тако ж и от него, Беринга, посылан был дорогу от Якуцка до Витиму осматривать и описывать, где пристойно станциям быть и какими людми содержать надлежит, геодезист Дмитрей Баскаков, которой ездил и осматривал, и где и какими людми содержать, о том сообщил регестр, с которого и в тое якуцкую канцелярию сообщена ж копия, на что от оной канцелярии ответствием показано, — что те станции учреждены, а имянно в 735 году от Витимской слободы до Якуцка, — а в 736 году от Якуцка до Охоцка, и на оныя определены ясашныя якуты с лошадми; точию, как капитан командор (л. 71 об.) Беринг, так и протчия обретающияся во экспедиции обер афицеры ехали из Якуцка в Охоцк сухим путем в 737 году, тогда на многих станциях якутов уже не было, а сказывали якуты ж, что они разбежались, и о присылке для поселения якутов на почты писано в якуцкую воеводскую канцелярию от бывшаго охоцкого командира Писарева[12]), токмо не поселены.

А от Якуцка ж до Камчатки учреждение почтовых станов по присланному указу из сибирской губернской канцелярии к помянутому Писареву положено на него, о чем он ведением х капитану командору в 734 году октября 25 дня сообщил и объявил, что тое почту и учредить он определил, — токмо и поныне не учреждена, да и невозможно, чего ради капитан командор Беринг с якуцкими командирами о том и не советовал, для (л. 72) того понеже он капитан командор по прибытии в Якуцк еще в 734 году уведомился по сообщению того ж охоцкого командира Писарева, да по доношению Анадырского острога ясачных юкагирей, что тот Анадырской острог, чрез который от Якуцка х Камчатке путь лежит, в опасности состоит, ибо в 733 году в небытность там маэора Павлуцкого, которой отправлен был в те места для усмирения и привождения в подданство вашему императорскому величеству немирных чюкочь, когда он, Павлуцкой, отъезжал в Якуцк, приходили к тому Анадырскому острогу те немирныя чюкчи и против того острогу несколко аленей взяли и пастухов побили, а жен их и детей в полон побрали и несколко ясашных коряк да служилых людей двенатцать человек побили, и великое от них нападение всегда претерпевают, к тому ж алюторския ясашныя мужики изменили и острог тот отбили и казаков тамошних побили[13]) и хотя (л. 72 об.) оной острог от дороги, где путь лежит х Камчатке, и не во

близости, токмо и от них имеетца опасность же, понеже они там повремяни везде ходят и на дорогу приходят, ища где что урвать можно. Да и после того в бытность капитана командора Беринга в Охоцку в 739 году, по сообщению ж от Писарева, слух был чрез Тауиских ясашных коряк, что и в 738 году осенним времянем Анадырской острог они ж немирныя чюкчи обсадили, и, ежели б по той дороге учредить почтовыя станции, то б определенныя на них люди от тех немирных чюкочь напрасною смертию погибали, а посыланныя чрез тое почту писма безизвестно пропадали, понеже путь от Якуцка до Камчатки далной и места, кроме стоящих по тому пути осьми острогов и зимовей, все пустыя и от чюкчь около Анадырского острога и поныне опасныя. А на станциях надлежало б поселить ясашных иноземцов не более как по два или и много что по четыре человека на каждой, а те немирныя чюкчи не толко в пустоте и такому малому числу (л. 73) двум или четырем человеком разорение или убивство учинить могут, но и к острогу, где бывает и людство, приступают и многое разорение чинят. Да и бес такого опасения тамощними ясашными иноземцами содержать почту в таких отдаленных и пустых местах ненадежно, понеже они иноземцы кочевныя и на одном месте долго без побегу не уживутца, и затем от Якуцка до Камчатки почтовых станцей и ныне учредить невозможно, а когда случается от Якуцка в Анадырской острог или на Камчатку послать кого и времянно на проезд, и те проезжают с великим страхом и с канвоем, которых оберегая провозят ясашныя иноземцы разными путями.

3.

Чтоб по всем тем станам губернатор с товарыщи определили дни и часы по возможности во сколко от места до места перевозить и роздать (л. 73 об.) на каждой стан билеты и потому во весь путь от города до города и даже до самой Москвы время исчислить и так всегда отправлять не токмо из экспедицей, но и из городов всякия ведомости и репорты, а нарочных кроме необходимых нужд не посылать, дабы напрасного в людех росходу и излишней дачи прогонов не было, а когда и нарочныя с нужными делами на почте посланы будут, тем ехать по тем же станам. (л. 74. об.)

На 3.

По вышеписанным станам (кроме от Таболска до Москвы) дни и часы во сколко от места до места перевозить определены, и время от города до города от Таболска до Китайской границы и до Охоцка исчислено, о чем во втором пункте предложено, а билеты (л. 73 об.) на каждой станец розданы ль и из городов всякия ведомости и репорты потому ль всегда отправляютца, как определено, о том при экспедиции неизвестно, а от капитана командора Беринга писма по экспедиции отправлялись с прилучившимися ездоками и чрез канцелярии, а иногда с нарочными посылщиками до Таболска и до Иркуцка, а иныя толко до Илимска и из Охоцка до Якуцка, понеже попутчики невсегда случались быть, а о самых нужных делах и прямо до Санкт-Питербурха нарочныя посылались з дачею под них подвод с прогонными и поверстными денгами токмо из Охоцка зимним времянем до Майской пристани посылались пешком, на нартах, а оттуда до Якуцка на подводах, за которыя плачены поверстныя ж денги, понеже на Майской пристани живут переведенцы, а летом на лошадях (которые присыланы были из Якуцка к перевоске правианта, и отпусканы были попрежнему

в Якуцк) до Юдомского креста, а от креста до Якуцка водяным путем на лотках, понеже от Охоцка до Майской (л. 74) пристани никаких подвод не имеетца. А понеже хотя х капитану командору Берингу сообщения о том, везде ль по расписанию почта учреждена, ниоткуда и не имеетца, однакож признавается ис присланных к нему из Санкт-Питербурха указов, а ис Таболска и из других городов промеморей, что знатно еще не везде, так учреждена и порядочно содержитца, как определено, или за трудными путями и за пустотою в назначенное время от места до места переезжать неможно, потому что те указы и промемории не в такое скорое время к нему доходят, в какое по росписанию доходить показано, да и от Якуцка, хотя вверх по Лене реке до Илимского дистрикта почтовыя станы и учреждены и на них якуты с лошадми поселены, точию в перевозе от места до места и в отдаче писем поселщикам якутам из рук в руки надеятца на них и в том им поверить, без прилучившихся верных ездоков, кои присыланы бывали в Якуцк с указами и с промемориями, или ежели таких не случитца, то безнарочно посланных отдавать тем якутам и с ними посылать опасно было, чтоб не утратились, понеже места пустыя и до жилых руских деревень расстояние далное, а писма по экспедиции нужные: и ежели б одна посылка писем на тех почтах утратилас, то б за неизвестием о том при экспедиции (л. 74 об.) и за неполучением оных в надлежащих местах могло б во уведомлении и во исполнении надлежащаго и во отправлении потребного во экспедицию немалое воспоследовать препятствие и остановка: и для того от него капитана командора репорты и промемории и протчия по экспедиции писма посыланы были из Якуцка хотя чрез те ж якуцкия станции, токмо с нарочными, а иногда с прилучившимися посылщиками, как выше предложено.

4.

Чтоб за перевоз той почты, где есть ямы,[14]) — ямщикам, а где ямов нет, — уездным людем, кто выбраны будут к вожению той почты, а в далных и нежилых местах ясашным иноземцам, или служилым людем, потому ж нарочно определенным по разстоянию пути назначить прогонныя и поверстныя денги, а ясашником, где денги не ходят и приятнее им товары, то товарами по указом (л. 75) и по прошествии года развозить по всем станам и отдавать самим тем, кто возить будет, в руки с росписками, дабы для челобитья о выдачах в городы не ездили, о чем сибирскому приказу и губернатору в указех написано имянно.

На 4.

За перевоз почты ямщикам и уездным людем прогонныя и поверстныя денги, а ясашным иноземцам вместо денег товарами плата по разстоянию пути назначена ль и те прогонныя и поверстныя денги и товары в городех от канцелярей по прошествии ль года и по станам ли развозят и самим ли тем, кто возит, по рукам роздают, да и почта везде ль установлена, о том при экспедиции неизвестно, а которые от капитана командора (л. 75) Беринга с какими экспедичными писмами или за какими делами куда посылаютца, выдаютца прогонные и поверстныя денги от экспедиции и от Якуцкой канцелярии тем же посылаемым в руки для роздачи в проезде их подводчиком, которые и роздают с росписками разве, где росписатся некому, то без росписки.

5.

А понеже при Виниусе за перевоз почты положена была плата с купецких писем, что и ныне надлежит губернатору на возврат роздаваемых прогонных и поверстных денег по разсмотрению и с вашего общаго согласия, с весу золотника определить и собирать те денги в казну, записывая в особливыя книги. Того ради как тебе, так и всем будучим в команде твоей посылать токмо свои писма без платежа (л. 75 об.) денег, а у посторонних купецких и иных чинов людей партикулярных писем под свои коверты или в пакеты отнюдь не вкладывать и не провозить под опасением суда, а чтоб полза и возврат тех денег был не токмо от Камчатки и Якуцка, но и от Китайской границы, где купечество немалое обращается, то особливо губернатору в указе писано: о учреждении почты до Иркуцка, Селенгинска и Нерчинска и новых пограничных купецких слобод.

На 5.

С купецких и с протчих писем с посылаемых на почте по чему от которого до которого города при взятье тех писем брать с каждого золотника, о том в сибирской губернской канцелярии по общему ж с капитаном командором Берингом согласию определение учинено в 734 году генваря 8 числа, токмо посылаютца ль такия на почте писма и указныя денги с весу берутца ль, о том при экспедиции известия не имеется ж.

6.

Для сыскания ближайшаго пути х Камчатскому морю, не заходя в Якутск, по всемилостивейшему ея императорского величества указу, состоявшемуся прошедшаго декабря 28 дня по 12 пункту, чтоб (л. 76) командрованы были геодезисты два человека с тамошними сибирскими знающими людми, о том тебе предложить сибирскому губернатору с товарищи потому, что там в губерни обретается геодезистов четыре человека, а как им в сыскании и во описывании мест поступать, о том дать инструкцию обще со отправленными из Академии наук профессорами, и что они учинят, с тем приехать в Охоцк к отправленным профессором.

На 6.

Для сыскания оного ближайшаго х Камчацкому морю пути геодезисты два человека из обретающихся в Сибире Петр Скобелцын, Василей Шатилов отправлены были от капитана командора Беринга дважды, токмо в обоих тех посылках того пути не окончали: а имянно посланы были перво в 734 году августа 10 числа из Ыркуцка чрез Нерчинск с нерчинскими (л. 76) служилыми людми и с толмачем и с вожами и со удоволствием подводами, какие по тамошнему пути подлежат, и протчим, и какое исполнение им в том пути чинить надлежало, о том дана им от него, Беринга, и от профессоров общая инструкция. И оные геодезисты, дошед до речки Болшой Еловой, остановились апреля 7 числа 736 году и оттуда прибыли в Якуцк х капитану командору июня 3 числа, а репортом объявили, что определенной де им путь не окончав оставили они затем, что бывшия в команде их служилыя люди и вожи и толмач многия им в том пути чинили препятствии, а потом де явились ослушны и разбежались, едва не все, толко осталось при них пять человек служилых, да один вож; и с таким де малолюдством

дале итить им стало неможно, опасаясь иноземцов, к томуж и знающаго тамошних народов язык никого не осталось; и в том же году августа 13 числа они, геодезисты, паки посланы были из Якуцка в Ыркуцк для отправления их откуда в надлежащей путь к Камчацкому морю чрез Нерчинск же и даны им были нерчинския ж служилыя люди и толмачи и вожи, и для удержания оных от побегов капрал и двенатцать (л. 76 об.) человек салдат и удоволствованы были подводами и протчим; но и по той вторичной посылке они, геодезисты, определенного им пути не окончали ж и возвратились с реки Зеи декабря 24 числа 737 году *) в Нерчинск, объявляя репортом, что они тот путь принуждены оставить за неимением знающаго вожа, понеже де один, которой самохотно объявил, что он такой путь знает, от них, геодезистов, бежал, а оставшие при них еще два вожа объявили ж, что далее реки Зеи вести не знают. А паче де затем, что правианта и никакого корму у салдат и у вожей и у служилых не стало, а всего де в той второй посылке ходу их было от Нерчинска до того места, от которого они с реки Зеи возвратились, тысяча триста шеснатцать верст и притом же они, геодезисты, предложили, что помянутой тракт, по их мнению, ко ближайшему пути быть негоден, понеже де много непроходимых мест и гор каменных и болот топких, что с великою нуждою переправитца можно, и каменныя розсыпи вострыя, также в корму лошадям и быкам имеется немалая нужда и ход на них самой тихой, толко верст по 8 и по 9 в день. А они за необходимою нуждою, что пристать негде, идут и болше (л. 77). А в таком трудном пути невозможно лошадям и быкам прослужить и трех дней, а таких де вожей в Нерчинском, чтоб знали подлинно ход подле хрепта или чрезь поперешныя реки, не имеетца; и за незнанием много вожи блудят и многим рекам и речкам звания не знают, и из Нерчинска де такова пути нерчинскими вожами окончать невозможно, для того, что ходят они хотя и далное разстояние от Нерчинска на соболиныя промыслы, токмо плавают плотами вниз по реке Амуру и выбирают себе пристойную речку, и от Амуру вверх по той речке ходят на быках дней десять, а и много, что пятнатцать и сыщут себе угодныя места и тут быков бьют на пищу. А быки де у промышленных приходят на место в полном жиру; а оной де ход промышленных к их ходу применить нелзя, понеже де они, геодезисты, идут далное разстояние и трудным путем и быки придут в безсилие и едва на себе имеют тело; а ежели де оной путь впредь надобен, то де надлежит окончать из Удцкого острогу ясашными тунгусами, двум быть алекминским, которые кочуют по Тайде и по Силюю и в Зейскую вершину, а четырем тунгусам удским, которые кочуют (л. 77 об.) на зейския покоти на реку Чеп и на реку Хамун да Тацкой волости шесть якутов, коих вменить в число казаков, которыя ходят на соболиныя промыслы, чрез Удцкую вершину на реку Чеп и на Хамунския покоти, и надеютца де они, геодезисты, что такими иноземцами оной путь окончаетца. Токмо капитан командор Беринг по оному их предложению для сыскания ближайшаго пути к Камчацкому морю за вышепоказанными препятствиями более послать их без указу вашего императорского величества не смел, опасаясь, чтоб таких же не воспоследствовало им в пути препятствей и возврату без окончания, как и прежде, и от того б не учинить напрасной траты интересу вашего императорского величества, а предложил о том в разсмотрение адмиралтейской коллегии, посланным генваря 22 дня 739 году репортом и требовал, дабы о том, куда им, геодезистам, впредь повелено будет ехать, определено было вашего императорского величества указом.

*) Так в подлиннике.

Також в тое колегию от него, Беринга, и о прежних их, геодезистов, посылках и возвратах репортовано, и о тех их обоих путях, карты, каталоги и юрналы по присылке (л. 78) от них посланы;—точию на вышепомянутой посланной от капитана командора в адмиралтейскую колегию генваря 22 дня 739 году репорт указу еще не получено. А после того упоминаемыя геодезисты присланным к нему ж капитану командору репортом, писанным сентября 20 739, а полученным в Охоцку апреля 2 чисел 740 году, объявили, что по данной им в Ыркуцку от профессоров инструкции велено ехать им разными путями и описывать одному вниз по Ангаре реке до устья Илимского, а другому сухим путем до Верхоленского острогу, а от Верхоленска Леною рекою до устья Илги реки, також некоторые впадающия реки в Ангару и в Лену реку и между ими волоки или переезды сухим путем описать же.

7.

Для посылки по берегам к Северному морю по силе того ж ея императорского величества указу по 3-му пункту геодезистов с сибиряками послать из вышепомянутых обретающихся (л. 78 об.) в Сибире, а имянно от Обского устья до Енисейского одного, от Енисейского до Ленского одного ж, а понеже между Оби и Енисея рек кочуют называемая Ярацкая самояд, которые в ясак еще не обложены и всегдашния с остяками драки имеют, того ради отправленным каким образом их объехать, о том с губернатором с товарыщи советывать и дать тем геодезистам инструкци обще с профессорами ж, и по сношению с губернатором, о чем и тем, кто из Ленского устья в море до Енисейского устья командрованы будут на морском судне, о предосторожности от той самояди подтвердить. А как вышепомянутыя геодезисты возвратятца, то им (л. 79) быть попрежнему у тех же профессоров; буде же геодезисты в Сибире обретаютца в далных посылках, то отправить ис посланных с профессорами.

На 7.

По оному пункту геодезистов по берегам к Северному морю для описания и сочинения карт не посылано для того: понеже сибирская губернская канцелярия в бытность капитана командора Беринга в Таболску в 734 году генваря 26 дня (л. 78 об.) на посланное от него об отправлении тех геодезистов требование ответствовала, что им геодезистам и ясашникам по берегам сухим путем для описания мест с дубель шлюпкою против водяного ходу до Енисейского устья пройтить ни по которому образу надежды не имеется, понеже де обыкновенно на взморье имеютца реки и болоты, да и от самояди проитить им берегом не безопасности, а по мнению де сибирской губернской канцелярии удобнее карту сочинить на шлюпке или в знатных и удобных местах для осмотрения тамошних мест геодезиста и ясашников выпускать с шлюпки на берега с надлежащим канвоем; и того ради отправлены для описания геодезисты на дубель шлюпках, на одной ис Таболска до Обского устья и оттуда до Енисейского; а на другой из Якуцка к Ленскому и оттуда к Енисейскому ж устьям два человека из свиты профессоров, понеже, кроме тех, других геодезистов в Тоболску не обреталось, а как им, геодезистам, в тех вояжах поступать и какое ко описанию (л. 79) исполнение чинить, о том даны им от капитана командора Беринга надлежащия по силе вашего императорского величества указу инструкции, учиненныя в бытность в Таболску со общаго с профессорами ж согласия, по которым инструкциям велено им о всех обсервациях и изследованиях исправныя юрналы содер-

жать с командующими на тех судах афицерами, и с тех юрналов, рисунков и карт к ним командующим афицерам копии сообщать; а что те афицеры учинили, о том предложено против инструкции адмиралтейской колегии на 7 пункт.

8.

Для счинения земляных и морских чертежей быть геодезистам тем же, которыя обретатца будут в вышепомянутых посылках (л. 79 об.) и при профессорах, а чтоб такия и протчия, какия будут во всей вашей экспедиции деланы чертежи, мочно было здесь в Академии подлинно освидетельствовать, того ради к сочинению оных с юрналов, кои в особливой твоей каманде держаны будут, сообщать копии к профессору астрономии, а ему с своими юрналами и обсервациями сносить и в чем несходство найдетца, то исправя с вами обще, и ко всякому чертежу зделав обстоятелныя из юрналов экстракты, присылать в сенат, а из сената отсыланы быть имеют в Академию наук для совершеннаго и последняго освидетелствования.

На 8.

У сочинения оных чертежей в вышеписанных вояжах были, тако ж и впредь для сочинения таких чертежей имеются быть (л. 79 об.) те ж геодезисты, кои прежде в Сибире были и при профессоре обретаются; а с юрналов как содержащагося в особливой каманде капитана командора Беринга о нынешнем переезде морем из Охоцка сюда на Авачу, так и о вояжах капитана Шпанберха и других афицеров, от которых юрналы присланы: також и с имеющихся чертежей копии к помянутому профессору астрономии от капитана командора сообщаются.

9.

Весма нужно искать способа (л. 80) в перевозе до Охоцка правианта и всяких припасов бес такого труда, каков прежде был, и хотя то до губернатора таболского и вице-губернатора иркуцкого надлежит, однако ж и тебе со обретающимися афицеры всякия меры к ползе интереса ея императорского величества сыскивать, чтоб правианта и припасов доволно в Охоцк поставить и в покупке и в привозе дешевле прежняго, а какия к тому способы изыщете, о том в Таболске губернатору с товарыщи, а в Ыркуцку вице-губернатору представлять и сколко возможно с совету учреждение учинить, о чем и в следующих пунктах для усмотрения таких способов изъясняется, потому что за главное и нужное дело приготовление и провоз (л. 80 об.) в таком отдаленном крае почитается, и что капитан порутчик Чириков объявлял, якобы каждой пуд от Якуцка до Камчатки станет не менше двух рублев, а за многим отправлением по тамошнему месту может де стать и дороже.

10.

Как усмотрено из доношеней Писарева, что заготовляемо было в Якуцке на прежнюю наряженую с ним команду для перевозу правианта и припасов 87 судов, а ныне капитан порутчик Чириков написал, что ко отправлению правианта на Камчатку способнея иркуцкой правинции нет, да и оттуду отправить на два года на 500 человек, считая по 6 чети, итого 3 000 чети,

трудно, а для отправления оного правианта и матриалов (л. 81) надлежит де построить на реке Лене при Верхоленске, при Илге и при других селех, по крайней мере, лодок 200 с подбором, а не плоскодонных, чтоб каждая поднимала не больши 100 пуд, дабы без препятствия могли дойтить до Юдомского зимовья. — А на болших де судах до того урочища весма дойтить не мочно; и тако разсуждается в деле толь немалого числа лодок, а наипаче хотя на каждой лотке по 5 человек, то великой росход в людех будет и потребуется болше полуторы тысячи человек, коих в таком малолюдном месте едва мочно ль собрать. Того ради о сем иметь заблаговремянное разсуждение, где и какие суды лутче и прибыльняе делать и кем и до которых мест сплавливать. (л. 81 об.)

11.

При том же в разсуждение взять, не мочно ль будет в подверховых местах, откуду хлеб сплавливается, зделать плоскодонныя суды болшия, потому что один пример был, что зделан эверс, на котором правианта до Якуцка сплавлено около 500 чети, и оттуду тот эверс ходил Леною до самого моря, о чем справитца в Таболску з губернатором, и буде иного лутчего способа не найдетца, то кажется удобнее на таких болших судах низ Леною до Алдана сплавливать. А Алданом и другими реками вверх подымать, покамест глубина речная даст, и тут зделать магазейн, а ис того магазейна ближе будет мелкими судами до последняго места, называемого Юдомской крест, привозить, которыя суды могут в лето обращатся и не одиножды и в зиму хранены до других отпусков. (л. 82)

12.

От Юдомского зимовья к Охоцку для перевозу сухим путем тех же правиантов и припасов потребны будут лошади, а вышепомянутой же Чириков представлял, что надлежит, взяв из Якуцка, содержать при Охоцком, по крайней мере, 200 или 300 лошадей, понеже де возят вьюками толко по 5 пуд да на волоках по тому ж, а иноково перевозить немочно для болот и тесных дорог, чего ради с губернатором же таболским с товарыщи также в бытность в Якуцке с воеводою и з другими, кто о тех местах доволно знает, о том перевозе советывать и зделать определение, сыскивая способы к ползе интереса ея императорского величества, весь ли тот сухой путь от Юдомского креста до Охоцка лошадми возить или к реке Ураку, коя впадает в море блиско Охоцка, довозя, складывать и оттуду (л. 82 об.)малыми судами в Охоцк сплавливать, дабы лишняго в провозе росходу не было, потому что суды мелкия могут служить не на одно время; а лошадям, коих там не бывало, работы менше будет, о чем в доношениях Писарева объявлено, что присланных к нему служилых людей 30 человек июля в первых числех отправить в Охоцк на лошадях для кошения сен и исправления дороги сухопутной.

На 9 [— 12].

Понеже хотя по оному девятому (л. 80) також и по нижеписанным десятому, первому на десять, да второму на десять пунктам о перевоске правианта и припасов и о строении судов и о изыскани к тому лутчих способов и показано токмо после получения оной инструкции о той перевоске и о строении удобных судов и о протчем в том же правителствующем сенате сочинен проэкт и прислан при указе вашего императорского величества в

сибирской приказ, а ис того приказу со оного проэкта при указе вашего императорского величества в сибирскую губернскую канцелярию и х капитану командору Берингу с протчими афицерами в бытность ево в Таболску в 733 году присланы копии, велено по нем разсмотреть о хлебе и о других припасех, потребных в Камчацкую экспедицию, по которому проэкту також и по вышеписанным пунктам о способном и дешевом провозе правианта и протчаго старание имели.

И для сплавки Леною рекою в Якуцк и перевоски из Якуцка до Юдомского креста отправленных во экспедицию из Санкт-Питербурха и ис Казани (л. 80 об.) и взятых в сибирских городех всех тяжелых и лехких припасов и матриалов построены в Верхоленских и протчих тамо местах в 734 и в 735 годех капитанами Шпанберхом да Чириковым барки дощеники и мелкоходныя суда.

И на оных судах все те припасы и матриалы и несколко тысяч правианта в помянутых годех ими капитанами Шпанберхом и Чириковым и бывшими в командах их афицерами из Ускутской слободы вниз Леною рекою в Якуцк приплавлены, причем были на тех судах в работе экспедицкия морския и адмиралтейския служители и сибирския плотники и работныя люди, определенныя от канцелярей.

А из Якуцка все ж объявленныя припасы и матриалы на построенных капитаном Чириковым судах на дощениках Леною вниз, а Алданом вверх до Майской пристани, где Май реки устье имеется, а на мелкоходных и еще на таких же построенных на Майской (л. 81) пристани и в Якуцку к тем в прибавок судах, оттуда вверх Маею и Юдомою реками до Юдомского креста, а иныя припасы на мелкоходных судах и из Якуцка прямо к тому кресту перевезены были в разных годех, також и правиант на них в 735 и в 736 годах перевозился по отправлениям от капитана командора Беринга и ево командою обще с работными людми за умалением их, причем были командирами ундер и обер афицеры экспедицкия ж; и понеже, особливо Юдома река идущим по ней судам зело противна к тому ж сначала и за новостию перевоски, что тот водяной путь в первой Камчацкой экспедиции еще не очюнь известен был, а до Юдомского креста и никогда опробации до нынешней экспедиции не было,—того ради служители в том многой труд полагали, а хотя перевоска правианта до Юдомского креста положена на иркуцкую правинциалную и якуцкую воеводскую канцелярии, токмо те канцелярии в тое перевоску до опробации и учреждения экспедициею собою не вступались, а после (л. 81 об.) по порядочной той перевоски установлении все суда отданы в якуцкую канцелярию и правиант отправляем был и ныне перевозитца оною якуцкою канцеляриею; точию и в 737 також и в 738 годах у той перевоски для вспоможения экспедицкия служители были ж, а какия суда по проэкту строить и до которых мест на них водою доходить; и как чрез волок от Юдомского креста сухим путем на Урак реку перевозить, и Ураком рекою сплавливать показано; тако ж сколко при экспедиции вышеписанных судов, каких порознь построено и до которых мест доходили и посколку грузу поднимали и каковы способностию были и какая от Юдомского креста в Охоцк сухим путем перевоска и Ураком сплавка была, о том при сей ведомости предложен экстракт, сочиненной на вышеозначенной проэкт.

А что по вышеписанному в ынструкции правителствующаго сената 10 пункту показано, что, заготовляемо де (л. 82) было в Якуцку на прежнюю наряженую с Писаревым команду для перевозу правианта и припасов 87 судов, и толикого числа судов у него не было, а толко построено было з 20,

и теми экспедичного правианта и припасов не перевозили, понеже на них отправлены были от него Писарева команды его служилыя на житие в Охоцк до прибытия капитана командора в Якутск в 734 году, которыя суда к тому Кресту в 2 года из Якуцка не дошли. (л. 82 об.)

13.

Когда назначен был в Охоцк Писарев, тогда определено по отправлении из Якуцка в Охоцк, едучи водою, прилежно смотрить худых и трудных мест в проезде, а особливо между Юдомою и Ураком реками, где надобно быть землею переволоке и как сказано, что место низкое и немочно ль каммуникацию водяную зделать до Охоцка, буде же трудно или весма немочно (л. 83), то хотя дорогу росчистить. А понеже того Писарева посылка во Охоцк переменилась, того ради когда твоей команды отправляемы будут люди с правиантом и с припасами, то с ними послать искусных из твоей же команды афицеров (ежели сам сухим путем поедешь) и тот весь путь прилежно описать и худыя места не токмо показать, но и разсуждение приложить, каким способом мочно поправить, и прислать в сенат, а дорогу от Юдомского креста до Урака велеть росчистить, куда и от Писарева уже для исправления сухопутной дороги посланы, о чем в 12 пункте упомянуто, дабы мочно было (л. 83 об.) сухим путем санми или телегами с полными возами ездить, а не так, как Чириков предлагает толко по 5 пуд вьюками. (л. 84 об.)

На 13.

Оной путь весь осмотрен и описан, а имянно в 736 капитаном Чириковым, в 738 годех лейтенантом Вакселем от Якуцка до Юдомского креста водяной, а от Креста до Охоцка сухопутной еще в прежней Камчацкой экспедиции оным же капитаном Чириковым описан и на карту положен, которую всеподданейше предлагаем при сем, и в том пути от Якуцка реками Леною, Алданом и Маею до устья Юдомы реки (л. 83) ход можно почитать за свободной, которой поправления не требует. А по Юдоме реке много худых и трудных мест имеется, а имянно: один порог да подпорожная шивера и другия шиверы частыя, которые уже известны, что всегда скорому судам ходу весма препятствуют, точию поправить их зело трудно, да и, кроме того, Юдома во многих местах почти повсягодно глубину свою переменяет: где была прежде мелка, тут станет глубже, а где была глубока, тут зделаетца мелка, а в некоторых местах и весма прежния места течением своим оставляет и течет другими местами, что доволно присмотрено экспедицкими служительми, которыя по ней ходили по три и по четыре лета, а притчина тому явная—рухлые многие места, которыми она течет, ибо берег и дно состоит из одних мелких каменьев, которые быстротою с собою влечет и в другие места наносит и оттого делаются мели, где и не было, и течение переменяетца (л. 83 об.). А ежели хотя толко один порог да подпорожье (где всегда наивячшая трудность) росчистить, то многому числу налобно быть работным людем, особливым кроме тех, кои у перевоски обретаются. И на них надлежит завозить туда немалую сумму правианта, к тому ж весма продолжительно будет, ибо то исправление многова требует времяни на несколко лет, а работных людей и к перевоске правианта с великою нуждою набирали и всегда бывал недостаток и ис тех многия бегают, а иныя из сылных показывают важныя дела ложно, отбывая от работы, тако ж и правиант и на экспедицию завозился с немалым трудом и продолжением.

А штоб между Юдомою и Ураком реками водяную каммуникацию зделать, того учинить не токмо трудно, но и невозможно хотя б сколко работных людей было, понеже разстояние и ближнее от Юдомского креста до Ураку верст с сорок, где еще гораздо мелок и к плавежу с того места за мелкостию неудобен, а места низменныя, хотя и есть, токмо тундреныя, к тому ж (л. 84) наивящая неудобность есть к перекопу, что имеетца каменной хребет (или гора) верст на десять, которой никак перекопать не можно, а понеже после получения вышеписанной инструкции помянутой Писарев паки командиром в Охоцк определен был и велено ему чинить по прежней присланной к нему из сибирского приказу инструкции, а по той инструкции все то, что по вышеписанному третьему на десять пункту показано исправлять капитану командору Берингу, положено на него Писарева, в том числе и дорогу росчистить, о чем к нему, Писареву, из сибирской губернской канцелярии указом потверждено, також и от капитана командора Беринга неоднократно писано было, штоб он команды своей казаками дорогу росчистил и в пристойных местах вымостил или нагатил; точию дорога от Юдомского креста до Охоцка не токмо в болотных и грязных местах вымощена или нагачена, но и не росчищена так, как бы надлежало, которая весма кореиста и завалена лесом и дрязгом и во многих местах болотна и гразна и для содержания у Юдомского креста лошадей и для делания телег людей никого не определено, и затем (л. 84 об.) от Юдомского креста до Охоцка и до Урацкого плодбища летом на телегах езды никогда не было, да и учредить тележной дороги не за одними болотными и грязными трудными местами, но и за горами и за пустотою, кроме росчищения оной для лутчей в езде летом вьюками, а зимою санми способности едва возможно ль; токмо и зимою на санях лошадми ж не столко за неудобностию пути, как сколко за неготовлением в зиму к содержанию их сен, кроме одного 736 году, в котором несколко перевезено было на санях до Урацкого плодбища матриалов, в других годах перевоски не было ж, а возили правиант от Креста летом на лошадях вьюками, а зимою людми и аленми на нартах по пяти ж пуд; о чем пространно написано в предложенном на проэкт экстракте.

14.

Также по указу из сената репортовал генерал-лейтенант Генинг с екатеринбурхских заводов (л. 85), что он определил с Аргунских серебряных заводов камисара Бурцова и с ним мастеровых людей, для осмотру на реке Ангаре около Идинского острога и Якуцка железных руд и где лутче и удобнее место найдут, тамо велел неболшей железной завод строить для доволства железом и железными припасами в назначенныя экспедиции, и требует, ежели возможно, чтоб ты ехал чрез Екатеринбурх для лутчаго о тех делах разсуждения, чего ради, как возможно тебе самому к тому генералу-лейтенанту Генингу заехать и о деле железа и железных припасов и о протчем, что каса[е]тца до изыскания металов и минералов, определение общее учинить. (л. 86)

На 14.

По силе оного пункта капитан командор Беринг в Екатеринбурх заежал в 733 году и о строении железного завода и о протчем, о чем надлежало, з генералом-лейтенантом Генингом разсуждение имели (л. 85) и учинили общее определение и железной завод при Ангаре реке за далным от Якуцка разстоянием строить отставили, а определили для близости построить около

Якуцка, где железная руда сыщетца, один колотушечной молоток, и плотину, а домны не строить, для того что литейных припасов тут заготовлятца не будет, понеже оныя приуготовлены и ко экспедиции приняты от екатеринбурхских заводов; и для того определенных к строению при Ангаре реке управителей с мастеровыми людми и с надлежащими инструментами велено отправить х капитану командору Берингу, и о том в правительствующий сенат того ж 733 году ноября 22 дня от них генерала-лейтенанта и капитана командора репортовано.

А по присланному из правителствующаго сената указу, писанному марта 12 дня 1734 году, велено по разсуждению их генерала-лейтенанта и капитана командора железныя заводы при Ангаре реке строением отставить, а вместо их построить для поспешения, изыскав удобное место и руду в близости около Якуцка толко один колотушечной молоток (л. 85 об.) и надлежащую плотину, а домны не строить, понеже пушки и ядра и протчия артилерныя требующияся в Камчацкую экспедицию припасы на екатеринбурских заводах зделаны, а когда та колотушка и надлежащая плотина зделается, то что потребно железа к той экспедиции вытягивать ис криц, которые делаютца в ручных печках.

А в 734 году вышеупомянутыя заводцкия управители с мастеровыми людми и со инструментами в Якуцк прибыли.

И по силе вышеписанного указа малой железной завод выше Якуцка по Лене реке на речке Тамге разстоянием от Якуцка верстах в тридцати в 735 году построен и в действо приведен и руды железной найдено много выше того места по Лене ж реке в урочище Столбах разстоянием от заводу в верстах в пятидесяти, которая руда сплавливаетца к тому заводу на плотах, а иногда на дощениках, а хотя за умалением работных людей в добывании руды и в сплавке оной и в ковке железа бывает (л. 86) и остановка, однако ж железом экспедиция удоволствовалась, и к охоцкому правлению отпускаетца с того новопостроенного заводу, а из других мест железа во экспедицию, как тот завод построен, и поныне уже ниоткуда не требуется.

15.

А для осмотрения, как в сибирских отдаленных краях и на Камчатке руд и минералов, так и в морском походе, где на острова или на натуралныя новыя земли, по особливой данной тебе ис колеги адмиралтейской инструкции—взять от него ж господина генерала-лейтенанта рудознатцов и пробовалщиков человек трех с надлежащими их инструментами и припасы в прибавку к прежде отправленному (л. 86 об.) на Камчатку пробовалному мастеру Гардеболю, дабы напрасно без подлинных осмотров и проб места обойдены и оставлены не были, о чем о всем к нему, Генингу, указ из сената будет послан. (л. 87 об.)

На 15.

В бытность капитана командора Беринга в Екатеринбурхе в 733 году генерал-лейтенант Генинг обще с ним, Берингом, определили отправить к нему, Берингу, для сыскания металов и минералов знающаго одного от Нерчинского бергамта да другово рудознатца; по требованию ево, Беринга, определил он генерал-лейтенант послать к бывшему тогда лейтенанту, что ныне матрозом Дмитрею Овцыну[15]), которой отправлен был ис Таболска на дубель шлюпке к Енисейскому устью, и тот рудознатец к нему, Овцыну, ото-

слан был, токмо оным как во время компании на море, так и на реках, хотя для искания руд во многих местах от него, Овцына, на берег спускан, нигде того не сыскалось, тако ж (л. 86 об.) и упомянутым в инструкции пробирным мастером Гардеболом в проезде Сибирью и во всю бытность его на Камчатке и в Охоцку на сухом пути и в бытность же на море в вояже с капитаном Шпанберхом руд не сыскано ж, а по вышепомянутому генерала-лейтенанта Генинга общему с капитаном командором Берингом определению знающаго в сыскании металов и минералов в нему, Берингу, от Нерчинского бергамта и ниоткуда не прислано; тако ж и Гардебола здесь не обретается, понеже он, Гардебол, в феврале месяце минувшаго 740 году послан из Охоцка в Якуцк для отсылки оттуда в ыркуцкую правинциалную канцелярию в свидетелстве по важному делу; и до отбытия сюда капитана командора в Охоцк еще не бывал; однако ж ныне обретаетца здесь присланной из Санкт-Питербурха адъюнкт истории натуралной Штеллер[16]), которой писмянно объявил, что он в сыскании и в пробовани металов и минералов надлежащее искуство имеет, чего ради капитан командор со экспедицкими афицерами определили его, Штеллера, взять с собою в ваяж, к тому ж он Штеллер объявил же, что в том вояже сверх того (л. 87) чинить будет по своей должности разныя наблюдении, касающияся до истории натуралной и народов и до состояния земли и протчаго, и ежели какия руды найдутца, то оным адъюнктом Штеллером опробованы будут.

Да ныне по общему ж определению послан от капитана командора Беринга камчацких острогов х командиру ордер, велено по Камчатке и на Курилских островах искать руды, какия найдутца, тако ж и при морских берегах и при реках и при речках каменьев мелких, которые видом светлыя и от простых камней отменныя, и ежели где найдутца, то приметя те места, брать руды или такия каменья и прислать х каманде экспедичной для опробования, и притом велено объявить, ежели ис тех руд или каменьев явитца государьственная прибыль, то те люди, которые сыскав объявят, награждены будут высокою вашего императорского величества милостию. (л. 87 об.)

16.

Хотя ныне малой железной завод и определено зделать, о чем выше объявлено, однако ж ис того заводу немалой провоз до Охоцка станет, а без сумнения надежда есть, что ближе к Охоцку подле тамошних морских берегов руда железная сыщетца, то для высокого интереса ея императорского величества впервых как возможно, пока к строению судов леса и протчия припасы заготовить будут, сыскивать железной руды, и где в способных местах найдутца, то две или три сыродутныя печки зделать и железу подспорье учинить на мелкие дела, а после мочно и малую домну зделать, в чем иметь сношение с охоцким командиром и с вышепомянутым камисаром Бурцовым. (л. 88)

На 16.

Железной руды около Охоцка до ныне не ыскано. (л. 88.)

17.

Впротчем, что касаетца до перевозу из Якуцка в Охоцк служилых людей и крестьян и тунгусов для размножения скота и для заводу хлеба и протчего и о посылке ссылочных на жите и о содержании их и о содержании ж тамошних

ясашных народов, о том о всем пространно описано быть имеет в наказе охотского командира, однако ж вам, когда в вашей команде будут морския суды, то на оных как людей, так скот и хлеб для камчацкого росходу и семен в случае тех морских судов походу, на Камчатку перевозить морем с согласия того охоцкого командира, однако ж кроме тех судов, которыя для особливого вашего походу построены будут, ибо на оных никакому перевозу быть уже невозможно, но доволно будет того, что понадобитца с собою забрать в назначенной поход (л. 88 об.).

На 17.

Морских судов для перевозу людей, скота, хлеба, и семен кроме экспедицких, кои к ваяжу подлежат, в команде у капитана командора Беринга не было да и судов таких у охоцкого командира, опричь одного судна «Фартуны»[17]) не было ж, и тое «Фартуну» в 737 году, идучи от Охоцка к Болшерецкому устью, у того устья при входе с моря розбило. А к нынешнему 740 году построено охоцким командиром одно ж судно галиот, которой взят капитаном командором по общему с протчими афицеры согласию для перевоски на нем из Охоцка сюда экспедичного правианта, да на том же судне перевезены профессор Делакроер[18]) с свитою своею да посланныя от охоцкого правления для сбору в здешних острогах и на Курилских островах ясака зборщики и протчия, тако ж и купецкия люди с товарами, а будущим сего году летом помянутой галиот отпущен будет попрежнему в Охоцк. (л. 88 об.)

18.

Для варения соли по представлению твоему и по прежнему правителствующаго сената маия 2 дня 1732 году определению, о чем тебе и указ дан, также и в сибирскую губернию послан, котлы медныя из сибирской губернии взять и велеть отправить с протчими припасами вашей экспедиции, и как оныя в Охоцк привезены будут, то там по сношению с охоцким командиром для доволства твоей и охоцкого командира команд соли наварить з доволством и отправить ис тех котлов половину для такого ж употребления на Камчатку, буде же разсудите еще котлов прибавить, то велеть на заводах железных, кои будут вновь деланы, смотря (л. 89) по росходу зделать и отправить в Охоцк и на Камчатку, чтоб в соли нужды не было и из далних мест от Якуцка не возить, и тем убытку казенного не имеет*), а как то соляное варение установитца, и ежели будет продажа для тамошняго народу и жителей, то какой надлежит быть казенной прибыли, о том определитца в ынструкции охоцкого командира. (л. 89 об.)

На 18.

Для варения соли котлы медныя по требованию капитана командора Беринга присланы в 734 году из Екатеринбурха, а имянно шесть и из них один в 736 году при сплавке правианта на Ураке реке утоплен, два отданы капитану Шпанберху по требованию ево для варения соли на Камчатке; один отослан к охоцкому правлению для варения ж соли в Охоцку. А досталные два оставлены при команде капитана командора и имеютца ныне при Аваче. Токмо в бытность в Охоцку болше доволствовались привозною солью сверху Лены реки из Ускутского усолья, понеже хотя при охоцком правлении для варения соли имелся цырен, и от экспедиции даны были и помянутыя

*) Так в подлиннике.

оба котла, которые ныне здесь при Аваче имеютца и соль варилась и в дачи служителем употреблялась, точию доволного числа на такую (по тамошнему месту разсуждаетца) многолюдную экспедицию и на охоцкую команду наварить охоцким правлением не могли, а и служителями экспедицкими хотя варили ж, токмо малое число, а болше варить некогда было, что обретались у строения судов и у заготовления на оныя лесов и возили правиант (л. 89) и припасы, к тому ж соль употреблялась и на соление мяса в морской правиант и в месечныя дачи служителем, тако ж и рыбы, которая давана, как и мясо, в прибавок к муке, за умалением оной; и без привозной из Ускутска соли обойтитца было не можно. Тако ж хотя на каманды капитана Шпанберха и капитана командора Беринга соль заготовлялась и на Камчатке, точию к Шпанберху в прибавок к той и на первой случай несколко отпущено было, а з Берингом и по болшей части взято сюда не для одной роздачи служителем, но и для употребления на соление рыбы и мяса ис привозной же с Ускуты соли, понеже ускутская соль к солению мяса и рыбы впрок гораздо лутче камчацкой и охоцкой, ибо ускутская варитца ис ключеваго росолу, подобно пермской, а в Охоцку и здесь — из морской воды, которая весма горка и сперва наливают в Охоцку в ямы, а здесь в бочки, понеже таких мест нет, и тое воду вымораживают, а потом уже оставшей из нее росол, наливши в котлы, переваривают, а впредь о присылке сюда ускуцкой соли от капитана командора не требовано и ис Камчацких острогов требоватца (л. 89 об.) не будет, а будет варитца для подспорья привозной, по близости здесь при Аваче под смотрением экспедиции.

19.

Понеже при первом случае, покамест при Охоцке, Удском и на Камчатке хлеб сеянием умножен будет, принуждены всякой правиант привозить чрез Якуцк, о чем выше писано, однако ж вы представляли, что в морской правиант мочно покупать мяса аленья у коряцкого народу, а вместо масла коровья иметь без нужды рыбей жир, а вино мочно сидеть ис тамошней слаткой травы[19]), сколко надобно, к тому ж, как известно, есть на Камчатке за неимением хлеба рыбу сушеную и толченую употреблять, того ради вам в том искать способов таких, чтоб как (л. 90) в морской правиант удовольствоватца вышепоказанным от тебя аленьим мясом и протчим, так и в сухопутном в подспорье муки, сколко по разсуждению всех с тобою будучих афицеров разсуждено будет, употреблять рыбу, готовя по тамошнему обычаю, дабы завезенной чрез далной путь хлеб мог всегда запасным и готовым для доволства людского быть. (л. 91 об.)

На 19.

В морской правиант для вояжу капитана Шпанберха заготовлялось и ныне для вояжу капитана командора Беринга заготовлено и сюда привезено мясо говяже и масло коровье, також и вино хлебное, для того, что суда морския, подлежащия в помянутыя вояжи, построены при Охоцку, а не на Камчатке и отправлялись в вояж от Охоцка, откуда на те суда для первых компаней надежнее взять с собою, и ежели на камчацкое заготовление надеятца, понеже за продолжением строения тех судов (которое продолжение чинилось за умалением в Охоцку правианта, что за недостатком ево служителей надлежащаго числа у того строения и у заготовления к тому лесов содержать было неможно, и затем многия от того строения отлучались и посыланы были к перевоске оного правианта, тако ж матриалов и припасов,

понеже то все возили экспедичною командою) неизвестно было и время в котором те (л. 90) суда в ваяж отправятца, и ежели б весь упоминаемой морской правиант — жир, вино и аленье мясо заготовлять на Камчатке, а с собою из Охоцка не брать, то могло б воспоследовать служителям в пище крайняя нужда, потому что здешней правиант от продолжителного лежания жир горкнет, а мяса портятца, от здешних весма теплых и мокрых воздухов, от чего никак уберечь не можно, також и вино травяное скоро выстаиваетца, не как хлебное, да к тому ж мясо говяжье и вино хлебное (кроме того, что гораздо лутче) и ценою приходило мясо против аленьева не дороже, а вино и дешевле травяного; токмо ктому в прибавок и на Камчатке жир рыбей и вино травяное, тако ж и рыба юкола в заготовлении имелась, и ныне заготовлятца будет, ис которого прежде заготовленное велено было взять капитану Шпанберху, а брал ли он что, о том от него х капитану командору не репортовано, токмо команды его от мичмана Алексея Шхелтинга[20]), которой в бытность с ним в вояже на море отстал и прибыл в Охоцк после ево Шпанберха, репортом показано, что взял он, Шхелтинг, для пропитания служителем рыбы юколы пятнадцать пуд тритцать фунтов. А аленей как в морской правиант в прибавок же говяжему, так и на сухом пути для удоволствия (л. 90 об.) служителем в пропитании, дабы нужды не имели, куплено было около Анадырского острога у коряцкого народу 620 ценою по рублю, а болше по 80 копеек алень, и из оных отпущено на команду капитана Шпанберха 160, також и на каманду капитана командора пригнано было в Большарецк сто аленей, ис которых велено несколко обретающимся там экспедицким служителем роздать, а досталныя, побив, привесть сюда на каюрах, понеже гнать их на Авачю за глубокими ныне снегами, что корму достать им трудно, не можно, а когда привезены будут, тогда служителем даваны будут, а оставшие затем пригоном в Большарецк алени содержатца ныне на кормах за оным Болшарецким острогом на Тигиле, где живут ясашныя сидячия камчадалы. А понеже хотя оныя алени и имеютца и впредь около Анадырского острогу, которого разстояние отсюда хотя и не ближнее, около полуторы тысячи верст, однако ж купить там и сюда до глубоких снегов пригнать можно, токмо можно ль содержать их около Авачи на корму, того еще не опробовано, и осмотреть ныне, имеютца ль аленыя корма за зимним временем не можно. А по первой камчацкой экспедици (л. 91) неизвестно ж было, ибо тогда судно морское для походу на море построено и гавень была при Нижнем камчацком остроге на Камчатке реке, в котором остроге капитан командор Беринг с камандою и зимовал, а здесь в то время не были, и ныне уведомитца о том не от кого ж, понеже и здешния авачен-ския жители не знают, есть ли около Авачи удобныя места к прокормлению аленей, ибо они аленей у себя не имеют, а питаютца рыбою и кореньями и еще что море даст какова зверя и протчее животное.

Да к прибытию капитана командора заготовлено было здесь на Аваче рыбы соленой 80 пуд 15 фунтов, юколы сушеной 292 пуда, которая по общему капитана командора Беринга с протчими афицерами определению употребляетца служителем для подспорья муке и в месячныя дачи; да для меншаго ж росходу завезенного сюда правианта определили из служителей 36 человек разослать и розосланы ради прокормления в здешния ближния острошки к ясашным камчадалам, а имянно к шести таенам (или князцам) х каждому по шти человек, понеже оныя таены доброволно договорились их, (91 об.) служителей, содержать у себя на рыбных кормах. А за то прокормление учинена им плата ис казны ис подарочных вещей по их договору, а им, служителем, в прибавок к тому рыбному корму производилось правианта муки толко по двадцати по два с половиною фунта, а круп полная

дача — по пяти фунтов, тако ж и соли по два фунта на месяц, понеже без того одним рыбным кормом пропитатца не можно.

20.

Також де тебе и обретающимся в команде твоей афицерам, что в такой обширности и далности усмотрите к ползе ея императорского величества новое или о настоящем к лутчему поправлению или какой где вред и убыток, а наипаче обид и разорени руским и ясашником напрасныя, — о том предлагать и писать к охоцкому командиру и к губернатору таболскому, также (л. 92) внося у себя в юрналы, в сенат посылать доношении на почте или как случатца быть посылки о других делах писмам, в случае ж таком, ежели о чем вышепомянутом описыватца будет некогда и надлежит исполнить немедленно, то делать совет со всеми афицеры и, к чему прилично, приглашать профессоров и, как приговорено будет обще, так и поступать. А после писать объявляя имянно, по какой притчине имели резон не описываяся исполнить. (л. 93 об.)

На 20.

По оному пункту к ползе вашего императорского величества нового по настоящему к лутчему поправлению кроме того, что по инструкции адмиралтейской колегии велено строить, 2 пакет бота на Камчатке или где способнее, а они построены в Охоцку, понеже способнее Камчатки, о чем против той инструкции на 8 пункт предложено, также что велено послать для описи геодезистов по берегам, а они по согласию с сибирскою губернскою канцелярию и с профессорами посланы на морских судах, (о чем предложено ж выше в 7 пункте) иного ничего доныне не усмотрено. (л. 92)

А о убытке и об обидах руских и ясашников многия были доносители на самого охоцкого бывшаго командира Скорнякова-Писарева, и те их доношении посланы в правителствующий сенат. А в ыркуцкую правинциалную канцелярию сообщены копии, понеже Охоцк и и все здешния места, состоят в главном (по Сибире) ведомстве в той ыркуцкой канцелярии тако ж одно доношение к нынешнему охоцкому командиру Дивиэру[21]) послано.

А по прибытии сюда капитана командора Беринга подали ему, Берингу, 2 доношения, одно служилой человек Нижнего камчацкого острога на целовалников, которые были в том остроге у винной продажи, о похищении вашего императорского величества интереса кабацких зборов и сладкой травы, собранной на экспедицию для сидения вина, другое ясачного Курилского перваго острова[22]) ясаул[а] на ясашных 738 да 740 годов зборщиков, в обидах и в разорениях их, курилцов, и во взятках с них, по которым доношениям капитан командор посланными ордерами велел исследовать, как вашего императорского величества указы повелевают без всякого упущения, о похищени интереса здешних (л. 92 об.) камчацких острогов командиру Петру Колесову; а об обидах и взятках присланному ныне от охоцкого командира Дивиэра якуцкому сыну боярскому Ивану Эверстову, понеже он Эверстов послан на Курилския острова для збору ясака, ему ж велено и о прежних зборщиках, ежели будут челобитчики в обидах, исследовать, и с тех доношеней сообщены к ним от капитана командора копии. А что по следствию явитца, о том им велено писать к охоцкому командиру Дивиэру, и те следственныя дела для надлежащаго разсмотрения и решения к нему отослать.

Да ныне ясашныя камчадалы, которые живут на реках, впадающих в Пенжинское море, Утколоки да Подкагырной, взбунтовали и русских людей служилых и купецких двенадцать человек убили до смерти, в том числе команды экспедичной одного матроза, да между упомянутых рек, Утколоки и Подкагырной, на Тигиле, где пасутца на кормах покупныя на экспедицию алени, руския ж люди в остроге сидят от тех бунтовщиков в осаде. Того ради капитан командор и протчия экспедицкия афицеры определили, и послали в те места, а имянно на Утколоку команды экспедицкой прапорщика (л. 93) Левашева, и при нем двадцать четыре человека салдат, да к ним в прибавок велено ему взять из здешних острогов служилых людей человек до пятидесят вооруженных, а на Тигиль и х Подкагырной реке — обретающагося в Верхнем камчацком остроге от парти над служилыми командира Петра Борисова с служилыми ж людми, вооруженными ж, и велено им, прибыв туда, послать к тем иноземцам, где они живут, обретающихся там в близости ясашных мирных камчадалов, которым уговаривать их с ласкою, чтоб оне убиц и бунтовщиков выдали, и отдали их прапорщику Левашеву и камандиру от парти Борисову, а притом велено ж объявить протчим, кои в бунте не были и убивству неприличны, что им никакого разорения и обиды учинено не будет, и чтоб они жили, ничего не опасались; а ежели с такою к ним ласкою на уговор не пойдут и доброволно сами убицы и бунтовщики не здадутца, и протчия, защищая их, от себя не выдадут, то велено поступать с ними им, Левашеву и Борисову, военною рукою, как надлежит, и взяв их, привесть сюда на Авачу. А что воспоследует, о том будем репортовать в правителствующий сенат и в адмиралтейскую колегию. (л. 93)

21.

Самому ж тебе отнюдь никаких обид и озълобленей тамошнему народу не чинить, и ни во что противное уставом и указом не вступать и за протчими афицеры и других чинов людми, в твоей каманде будучими, накрепко смотрить и до того не допускать под опасением военного суда, но во всем поступать, исполняя интерес ея императорского величества, по данным инструкциям, как верным и чесным людем пристойно и надлежит, о чем и в инструкции колежской в 19 пункте подтверждено, со обнадеживанием за верныя и добрыя поступки ея императорского величества высочайшей милости. (л. 94)

На 21.

По сему пункту, чтоб капитан командор Беринг или протчия обретающияся здесь в каманде его афицеры и других чинов люди обиды и разорении кому чинили или во что противное уставом и указом вступали, того при команде не видно. Токмо на капитана Шпанберха об обидах и о взятках и протчих его противных указом поступках в бытность его особливою командою в Охоцку и в Болшарецком остроге, как он отправлен был из Охоцка в ваяж, тако ж еще и в проезде его дорогою от Таболска до Охоцка, были протесты и доношении х капитану командору от бывшаго охоцкого командира Писарева, да каманды его, Шпанберха, от карабелного писаря Михайла Перевалова, ис которых Писарева, тако ж и капитана Шпанберха на него Писарева о непорядочных же и противных поступках протестов же обстоятельная выписка в 737, а з доношеней помянутого Перевалова копии в 739 годех посланы от него, Беринга, для надлежащаго разсмотрения в адмиралтейскую колегию. (л. 94)

22.

Когда щастием ея императорского величества в морском хождении ты и протчия морския афицеры найдут острова и земли новыя, неподвласныя никому, и на них народы, по силе ея императорского величества высокого указу прилежным вашим старанием самоизволно подданство примут, с такими поступать ласково а никаково свирепства не показывать и с жестокостию не поступать и уговаривать, чтоб они с вами кого из лутчих людей отпустили до ея императорского величества, причем обнадежить, что никакова зла и удержания им не будет, но наипаче как в пути до здешняго места, так и назад в их отечество провожены будут со всяким довольством и награждены будут ея императорского величества высокою милостию, притом же старатца, дабы имели такия народы, кои к сему склонятца при себе из молодых людей, которых бы в бытность и при вас и в пути руского языка мочно (л. 94 об.) к обучению склонить, и их языку хотя нужныя розговоры и имяна, как что называют, записывать.

23.

Буде из таких народов, как выше упомянуто, отважатца ехать, а вы еще при своем деле пробудете, то их не держать долго, но коль скоро до своих камчацких острогов или иных жилых мест приидете, поручить их тутошним командиром для немедленного отправления в Сибирь и в Москву и притом давать писменыя инструкции, как их препровождать от места до места и чем довольствовать, смотря по их знатности и склонности, однако ж чтоб притом и от вас был приставлен до самой Москвы один или два человека, которых во обхождении с ними для вышепоказанного обучения и разговору и записки могли привыкнуть.

На 22 и на 23.

Капитан командор Беринг с камандою во определенном вояже от Камчатки еще не был, и затем по оным пунктам исполнения никакого не чинено, а впредь как в ваяж пойдем, по крайней нашей возможности, исполнять будем.

А о вояжах капитана Шпанберха и протчих афицеров предложено особливо, а имянно о Шпанберхе на данную ему из адмиралтейской колегии инструкцию против 7, а о протчих афицерах на инструкцию ж, данную от той же колегии капитану командору Берингу против 7 ж пунктов. (л. 94 об.)

24.

Что же по всемилостивейшему ея императорского величества соизволению занесенных (л. 95) х камчацким берегам японцов велено отвозить попрежнему в их жилища, давая знак соседской дружбы, а ежели из таких японцов будут люди молодыя и ко обучению руского языка надежныя, таких ласкою уговаривать, чтоб они поехали в Россию на время, обнадежа зато от ея императорского величества награждением, и кого уговорят, тех и посылать в Москву, определяя им дорожной корм и всякое довольство по разсмотрению, и хотя б таких человека 2 или 3 выслать и в пути с ними, как и с вышеписанными, не пропуская времяни отправленному пристовнику во обучении языка поступать. А буде явятца охотников болшее число, тех в Охоцке командиру отдавать и на кормовых деньгах в довольстве ж содержать и

обучать руского языка, и их язык списывать, дабы с их народом к будущему обхождению чрез то удобность иметь. А по обучении об отправлении их попрежнему во отечество (л. 95 об.) написано быть имеет в наказе охоцкого командира.

На 24.

Занесенных японцов к камчацким берегам никого не имеетца. (л. 95 об.)

25.

Сию инструкцию как тебе иметь, так и протчим афицерам по камандам к их особливым колежским инструкциям, о чем кому надлежит дополнять, дабы во время разлучки в разных путях ничто упущено и пренебрежено не было. (л. 96)

На 25.

По оному пункту капитану Шпанберху в дополнение к данной ему из адмиралтейской колегии инструкции от капитана командора сообщено из вышеписанной правителствующаго сената инструкци со 8, 20, 21,22, 23 и з 24 пунктов.

Capitain Commandeur Witus Bering.

Капитан Алексей Чириков.

Лейтенант Иван Чихачев.

Styrman Swen Waxell, Leutenants Rang of Flotten.

Штурман в ранге от флота лейтенанта Михала Плаутин.

Флота мастер Сафрон Хитрово.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Этот документ от 18 апреля 1741 г. представляет собою ответ на запрос правительства, подписанный Анной Иоанновной 14 апреля 1740 г. и полученный в Охотске почти через полгода, именно 24 августа 1740 г.— Беринг и его спутники ничего не знали о том, что тогда происходило в Петербурге, а здесь в это время имел место целый ряд дворцовых переворотов; как известно, 17 октября 1740 г. скончалась Анна Иоанновна, императором был провозглашен малолетний Иоанн Антонович (родился в августе 1740 г.), а до его совершеннолетия правительницей была объявлена его мать Анна Леопольдовна вместе с Бироном; вскоре последний был арестован Минихом, а после вступления на престол Елизаветы Анна Леопольдовна с Иоанном Антоновичем были посланы в ссылку.

Внизу на листе 66-м, с которого начинается «доношение» Беринга, находятся две приписки того времени: 1) «В известие», 2) «1742 г. № 197 марта 4». Последняя отметка показывает, вероятно, получение этого донесения в Петербурге. Следовательно донесение Беринга, адресованное им на имя Анны Иоанновны, попало в руки Елизаветы Петровны.

2) Беринг, Витус, родом датчанин, с 1704 г. находился на русской службе в Балтийском флоте. По указу Петра I был назначен командиром первой Камчатской экспедиции (13 июля 1728 г. — 2 июня 1729 г.). 17 апреля 1732 г. состоялся указ о снаряжении второй экспедиции; под общим наблюдением Беринга был на-

правлен ряд экспедиций к северным и восточным берегам Азиатской России, а также для установления путей в Америку и Японию. Сам Беринг, имея задачей достигнуть берегов Америки, 4 июня 1741 года вышел в море с 2 пакет ботами из Авачинской губы, лежащей на восточном берегу Камчатки; под непосредственным его командованием находился пакет бот «Св. Петр». На обратном пути его пакет бот потерпел крушение, и сам он 8 декабря 1741 года умер на острове, получившем о имя. Вскоре после его смерти, именно в 1743 году, прекратилась и вся деятельность Камчатской экспедиции.

3) Шпанберх, Мартын, капитан, один из главнейших соучастников в экспедициях Беринга, родом датчанин, принимал участие в первой экспедиции Беринга. Во время второй экспедиции он исполнял разные подготовительные работы — наблюдение за постройкой судов, доставкой провианта, установлением путей сообщения, но особенно получил известность своим двукратным посещением берегов Японии. Первое его плавание продолжалось с 18 июня по 17 августа 1738 года, причем в нем принимали участие суда: «Михаил» под командованием самого Шпанберха, «Надежда» и «Гавриил»; вторичный его рейс длился с 21 мая по 29 августа 1739 года. Уже после смерти Беринга в 1742 году Шпанберх совершил третью, но не столь удачную поездку к берегам Японии. Умер в 1761 г.

4) Острог — укрепленный пункт, где совершались и торговые сделки.

5) Пенжинская губа, отделяющая с запада полуостров Камчатку от материка.

6) О восстании камчадалов в 1741 г. см. «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» под ред. А. П. Алькора и А. К. Дрезена, со вступительной статьей С. Б. Окуня. Ленинград 1935 г., стр. 81—86.

7) При сохранившемся до нас деле никаких карт и приложений не имеется.

8) Чириков, Алексей Ильич, капитан, начал служить во флоте с 1716 г. Он принимал участие в экспедиции самого Беринга с целью разыскать берега Америки и командовал при этом пакет ботом «Св. Павел». Во время путешествия — 20 июня 1741 г. они потеряли друг друга из вида, так что дальнейшее путешествие Чириков продолжал один, достиг даже ранее Беринга берегов Америки, был на Алеутских островах и 10 октября 1741 г. вернулся в Авачу, потеряв многих из своей команды вследствие болезней и недостатка воды. Умев в 1748 г.

9) Чихачев, Иван, лейтенант — плавал вместе с Чириковым и во время этого путешествия умер в октябре 1741 г.

10) Виниус, Андрей — переводчик Посольского приказа; в 1775 г. ведал почтовым делом в Европейской России. В Сибири почта была учреждена с 1724 г.

11) Дистрикт — округ, область.

12) Скорняков-Писарев, Григорий Григорьевич, генерал-майор, один из «доверенных» офицеров Петра I. Кроме участия в разных военных походах того времени (Полтавский бой, взятие Выборга и т. д.) он был привлечен к разработке гидрографических начинаний того времени (соединение р. Ловати с Двиною, постройка Ладожского канала). Известен как активный участник в политических процессах того времени (суд над царевичем Алексеем Петровичем), где проявил себя суровым исполнителем воли Петра. Участвуя в дворцовых распрях по поводу назначения преемника Екатерине I, он выступил противником всесильного тогда Меншикова, проводившего на престол Петра II, за что вместе с Антоном Дивиером и другими был осужден Верховным судом — был бит кнутом, лишен чинов, имения и сослан на поселение в Иркутскую область. После окончания первой экспедиции Беринга, по представлению последнего, Скорняков-Писарев 10 мая 1731 г. был назначен командиром в Охотский порт; по вступлении на престол Елизаветы он был прощен и возвращен в Петербург (см. ниже, прим. 21).

13) В военных походах против чукчей, камчадалов, коряков принимали видное участие члены экспедиции Беринга (см. «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.»). Одним из усмирителей восставших чукчей был майор Д. И. Павлуцкий, под начальством которого был организован целый ряд карательных экспедиций. В 30-х годах XVIII в. мы видим, что между туземцами—чукчами и коряками—не было еще мирных отношений, причем коряки часто искали защиты против чукчей у русских (там же, стр. 158—159). Под именем «Алюторских ясашных мужиков» следует подразумевать тех из коряков, которые жили по реке Алютору и уже выплачивали подати («ясак»).

14) Яма — станция на тракте.

15) Овцин, Д. Л., лейтенант, один из участников Беринговой экспедиции. В 1734—1738 г.г. он занимался описанием берегов Северного Ледовитого океана от Оби до Енисея. (Подробный отчет об этом приводится в дальнейших публикациях). Зиму 1736/1737 года Овцин проводил на стоянке в Обдорске, а сам жил в Березове, где познакомился в бывшим там в ссылке кн. И. А. Долгоруковым, братом Е. А. Долгоруковой — невесты Петра II. По доносу канцеляриста Тишина он был

привлечен за это знакомство к суду Тайной канцелярии, разжалован в матросы и послан в Охотск в команду Беринга, вместе с которым принимал участие в экспедиции к берегам Америки и зимовал на острове Беринга. Со вступлением на престол Елизаветы Петровны в 1741 г. он был восстановлен в прежнем чине.

16) Стеллер, Георг-Вильгельм, (1709—1746), известный естествоиспытатель, адъюнкт натуральной истории при Петербургской академии наук, был назначен во вторую Камчатскую экспедицию, вместе с Берингом принимал участие в его поездке к берегам Америки, переносил тяжелую зимовку на острове Беринга и даже писал в это время свои исследования.

17) Бот «Фортуна» был построен для первой Экспедиции Беринга в 1725 году, спущен на воду в июне 1727 г. Для второй кспедиции этот бот был исправлен. 4 октября 1737 г. он был послан из Охотска на Камчатку для перевозки провианта; приближаясь к Большерецку, судно было выброшено ветром на берег и совершенно разбито.

18) Делиль де-ля-Кройер, Людвиг, профессор астрономии, назначенный во вторую экспедицию от Академии наук; ему было поручено производить астрономические наблюдения и заведывать производством съемок. К берегам Америки он ездил в 1741 г. вместе с Чириковым на боте «Св. Павел» и умер 10 октября 1741 г. в день прибытия экспедиции в Авачу.

19) Из «сладкой травы» (heracleum dulce)) туземцы изготовляли сладкую приправу, а русские гнали («сидели») вино.

20) Шхелтинг, А., мичман, принявший участие в экспедиции по собственному почину («охотою»), плавал в отряде Шпанберха к берегам Японии в 1738 году, причем был командиром бота «Гавриил». Отделившись от Шпанберха, он самостоятельно продолжал рейс и 7 августа 1738 г. вернулся в Большерецк. В 1742 году он также вместе со Шпанберхом выехал к берегам Японии и с 1 августа до 10 сентября плавал у берегов Сахалина до пролива Лаперуза.

21) Дивиер, Антон Эммануилович, граф (1682—1745), начал служить юнгой в голландском флоте, по приглашению Петра I перешел на русскую службу, с 1718 года — генерал-полицеймейстер в Петербурге, был близок к Петру I и Екатерине I. На почве семейных отношений он постоянно имел в лице Меншикова своего заклятого врага. Перед смертью Екатерины I образовалась целая партия вельмож с целью устранить Меншикова; к ней примкнул вместе с Скорняковым-Писаревым и Дивиер. Деятельность этой группы была вскрыта Меншиковым, и Дивиер, после жестоких пыток был сослан в Якутскую область. В противоположность Писареву, который был человеком неуживчивым и не чуждался взяток, Дивиер отличался честностью и добросовестностью. Скорняков-Писарев, назначенный командиром порта в Охотск, вступил в пререкания с Берингом, имел целый ряд столкновений с Шпанберхом и т. д. Поэтому он был устранен и на его место в Охотск был назначен с 13 апреля 1739 г. Дивиер. По вступлении на престол Елизаветы он был возвращен в Петербург.

22) Первый Курильский остров — теперь остров Шумчу.

Из записной книжки архивиста

Полиция и похороны А. П. Чехова

Публикуемые материалы о похоронах Чехова приоткрывают до конца завесу над возмутительно-циничным пренебрежительным отношением царского правительства и охранки к великому писателю. Все действия власти в дни похорон Чехова, о которых с нескрываемым возмущением рассказывают в своих воспоминаниях друзья Чехова, современники и почитатели его таланта, свидетельствовали о том же. Новые материалы не оставляют сомнений в том, что в проведении всех этих мероприятий мы видим проявление определенной системы.

Правительство боялось демонстраций, боялось, что похороны признанного писателя вызовут общественный подъем. Не решаясь и не имея оснований наложить на это запрет, царское правительство сделало все, чтобы напомнить в момент похорон Чехова, — неустанного борца против мещанства и пошлости, — что последние живучи и имеют своих преданных носителей. Известно, что по «нераспорядительности» царского правительства тело Чехова прибыло в вагоне для устриц, вагон был загнан далеко в тупик, и друзья и почитатели Чехова, пришедшие отдать последний долг любимому писателю, принуждены были долго разыскивать этот вагон для устриц, где оказался гроб с телом Чехова.

Публикуемые нами секретные отношения чинов охранки раскрывают воочию, чего хотели блюстители порядка. «Не произносить никаких речей или надгробных слов, посвященных памяти покойного» — ставилось непременным условием со стороны охранки ближайшим друзьям Чехова, если они хотят получить возможность устроить общественные открытые похороны. Писатель лишен был царским правительством права, чтобы над его могилой были высказаны его друзьями последние прощальные слова, чтобы была выражена искренняя оценка его долголетней творческой деятельности.

Телефонные донесения полицейских надзирателей дорисовывают картину беспокойства охранки и полиции за исход этого события. Кроме того, они дают ценные подробности для биографии писателя и для уяснения отношения общества того времени к Чехову. Несмотря на запрещения, говорили «много речей»; толпа, провожавшая гроб Чехова, росла, и у МХАТа было 3 000 человек.

Особенно отметила полиция присутствие в толпе пролетарского писателя М. Горького, который так заклеймил поведение власти на похоронах Чехова: «Впереди процессии величественно ехал толстый околоточный на толстой, белой лошади. Все это (т. е. вагон для устриц, путаница похорон Чехова с похоронами ген. Келлера с оркестром военной музыки и др.) и еще многое было жестоко пошло и несовместимо с памятью о крупном и тонком художнике» [1]).

Ник. Бельчиков.

Доклад начальника Московского охранного отделения московскому обер-полицеймейстеру от 7 июля 1904 г. 851 [2]).

Представляя при сем для подписки письмо на имя В. И. Немировича-Данченко, а также предполагаемый маршрут следования похоронной процессии с телом покойного писателя А. П. Чехова, охранное отделение имеет честь доложить его превосходительству господину московскому обер-полицеймейстеру, что катафалк для тела усопшего будет поставлен от бюро похоронных процессий «П. В. Котова», что на Сретенке, в районе 2 участка Сретенской части.

---

[1]) М. Горький о Чехове.

[2]) Текст подготовлен к печати В. В. Далаго. — Центр. архив революции, фонд Моск. охр. отд., 1896 г., д. № 512. На подлиннике резолюция: «Обязать Котова следовать указанным маршрутом и иметь повозки для перевозки венков. 7/VII 1904 г. Копию с маршрута прислать мне».

Письмо московского обер-полицеймейстера В. И. Немировичу-Данченко от 8 июля 1904 г. № 6461.

Московский обер-полицеймейстер, свидетельствуя свое почтение, имеет честь уведомить вас, милостивый государь, что при следовании похоронной процессии с телом покойного писателя А. П. Чехова мимо Художественного театра и мимо редакции «Русской мысли», разрешается отслужить литии, но при условии не произносить при этом никаких речей или надгробных слов, посвященных памяти покойного[1]).

Доклад начальника Московского охранного отделения московскому обер-полицеймейстеру от 8 июля 1904 г. № 352.

Вследствие революции от 7 сего июля, охранное отделение имеет честь доложить его превосходительству господину обер-полицеймейстеру, что чрез пристава 2 участка Сретенской части сделано распоряжение об обязании Котова подпиской следовать утвержденному его превосходительством маршруту при похоронной процессии Чехова.

Копия с маршрута при сем представляется.

Маршрут следования похоронной процессии с телом покойного писателя А. П. Чехова в городе Москве[2]).

1. Николаевский вокзал.
2. Домниковская улица.
3. Уланский переулок. (Пересечь Сретенский бульвар). Юшков переулок.
4. Сретенский переулок.
5. Часть Большой Лубянки.
6. Большой Кисельный переулок.
7. Нижне-Кисельный переулок.
8. Рахмановский переулок.
9. Часть Петровки.
10. Салтыковский переулок.
11. Камергерский переулок (лития). (Пересечь Тверскую).
12. Старо-Газетный переулок. (Пересечь Никитскую).
13. Часть Большой Никитской.
14. Шереметевский переулок. (Пересечь Воздвиженку).
15. По Ваганьковскому переулку около дома Куманина (лития). Часть Знаменки.
16. Волхонка.
17. Пречистенка до Зубовской площади.
18. Откуда мимо университетских клиник до Ново-Девичьего монастыря.

Телеграмма полицейского пристава Воронец в Московское охранное отделение от 8 июля 1904 г.

Завтра, 9 июля, в 7 часов 30 минут утра, поездом № 3 Николаевской железной дороги прибывает в Москву тело писателя А. П. Чехова.

Пристав Воронец.

Телеграмма полицейского пристава Воронец в Московское охранное отделение от 9 июля 1904 г.

Сегодня, 9 июля, в 7 часов 30 минут утра, по Николаевской железной дороге прибыло в Москву тело покойного литератора А. П. Чехова. Затем, после панихиды на Николаевском вокзале, процессия проследовала по направлению к Ново-Девичьему монастырю.

Пристав Воронец.

Телефонные донесения полицейских надзирателей в Московское охранное отделение 9 июля 1904 г.

7—25. Медведев передал, что на вокзале публики встречает очень много.

7—50. Околоточный фабричной полиции передал, что рабочие у Густава Лист вышли все своевременно на работу, каковую и продолжают.

8—45. Чудотворов передал с Николаевского вокзала, что процессия направилась по Садовой, провожает около 2000 чел., тут и Максим Горький, много на повозках венков.

9—10. Околоточный надзиратель 2 уч. Сретенской части передал, что, по сообщению ему Котовым, тело писателя повезли по утвержденному маршруту.

9—25. Охопкин передал, что похоронная процессия Уланским переулком прошла, идет около почтамта, провожает очень много; порядок полный.

9—35. Прудниченко передал, что около Художественного театра собралось публики около 500 человек — публика разнородная.

10—00. Остроумов — похоронная процессия прошла Кузнецкий мост.

10—15. Прудниченко — у Художественного театра лития окончилась, пуб-

---

[1]) На отпуске письма далее зачеркнуто: «каковые могут быть допущены лишь на самой могиле усопшего».

[2]) Заголовок подлинника, на котором надпись: «Посылаю утвержденный мной маршрут, о котором поставить в известность бюро Котова 8. VII, 1904 г.». Первые три пункта подчеркнуты синим карандашом, следующие с 4 по 12 зачеркнуты и сбоку вписано—4. Тургеневская площадь. 5. Мясницкая. 6. Фуркасовский пер. 7. Кузнецкий мост. 8. Кузнецкий пер. 9. Камергерский пер.».

лики около 3 000 человек, процессия направилась дальше.

10—30. Куликов сообщает, что к Ново-Девичьему монастырю публики идет очень много.

10—50. Прудниченко — процессия прошла Знаменку.

11—30. Туляков — процессия идет по Пречистенке.

11—35. То же.

12—15. Прудниченко — процессия идет по Девичьему полю.

4—00. Прудниченко. Тело Чехова предано земле, говорили много речей, публики очень много.

Церковный обман при открытии «мощей» Питирима Тамбовского

Среди разнообразных средств религиозного одурманивания трудящихся большое значение имел культ святых и почитание так называемых «мощей».

В начале текущего столетия, в эпоху царствования Николая Романова, церковная работа по канонизации святых и по открытию мощей приняла особенно широкий размах. В борьбе против растущего революционного движения самодержавие усиленно пользовалось церковным клапаном, чтобы отвлечь внимание широких масс трудящихся от актуальных вопросов действительности. По приказу царского правительства синод объявил святыми Серафима Саровского, Анну Кашинскую, Иоасафа Белгородского, Гермогена, Питирима Тамбовского, Иоанна Тобольского и т. д. Каждое из этих дел дает замечательные образцы церковного обмана, лицемерия, фальши, подлогов.

В нашем распоряжении имеется ряд документов, показывающих царскую систему канонизации на примере «прославления» Питирима Тамбовского [1]. Он был объявлен святым 28 июня 1913 г., а его «мощи» были открыты для паломников 28 июля 1914 г.

Прежде всего следует хотя бы кратко остановиться на личности Питирима, жившего с 1645 г. по 1698 г. Его «житие» сообщает, что Питирим являлся сыном состоятельных родителей; будучи монахом, старательно выполнял волю начальства; занимая должность архимандрита Вяземского Предтеченского монастыря, так жестоко эксплоатировал крестьян, что однажды едва не был убит толпой окрестных жителей, и только вмешательство местного воеводы спасло его. Впоследствии он был назначен епископом тамбовским.

Подготовительные мероприятия по открытию «мощей» Питирима Тамбовского местные церковники, помещики и буржуазия начали осуществлять с 1911 г. В этом году помещики, фабриканты и купцы г. Тамбова, согласно договоренности, обратились к тамбовскому епископу Кириллу с просьбой возбудить перед синодом ходатайство о причислении Питирима к «лику святых». Епископ Кирилл ответил, что эта просьба должна быть поддержана населением других городов Тамбовской губ. В соответствии с этим пожеланием тамбовская дума — купцы и домовладельцы — обратилась к другим буржуазным организациям с просьбой о поддержке, что и было выполнено.

Подготовляя канонизацию, синод предложил епископу Кириллу секретно освидетельствовать остатки трупа Питирима. Поручение было выполнено, и результаты осмотра изложены в донесении Кирилла на имя синода от 5 марта 1913 г.

Приводим текст этого любопытного документа:

«Божиею милостью смиренный Кирилл, епископ тамбовский и шацкий, 1913 г. марта 4 дня, в понедельник второй седмицы великого поста, на память св. мученика Конона, в $10^1/_4$ часов вечера прибыл в кафедральный тамбовский собор в сопровождении ключаря собора протоиерея Тихона Поспелова для подробного исследования места погребения и честных останков святителя Питирима, во исполнение совершенно секретного поручения св. синода, изложенного в письме на мое имя первенствующего члена св. синода высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита с.-петербургского от 13 февраля сего 1913 г. за № 2.

Надгробная сень над местом почивания святителя Питирима была заблаговременно, согласно моему распоряжению, разобрана; металлическое надгробие с решеткой и подставкой сняты с своего места и размещены в том же порядке, как было при первом осмотре мною места погребения святителя, 15 января сего года; три половые доски над склепом вынуты и сложены в стороне.

Разобрав, по совершении литии, знакомое уже нам прикрытие склепа, мы расширили отверстие в своде склепа на большее пространство, чем делали это раньше. Кирпичи, неправильно сложенные, отделялись один от другого и по несколько штук вместе, при незначительном усилии рук. Поддерживалось все это сооружение, кроме решетки, виденной нами 15 января, еще железной фигурной пластиной. Освободивши от кирпичей

[1] Документы из архива синода, выдержки из которого здесь приводятся, хранятся в ЛОЦИА и обработаны научным сотрудником ЛОЦИА т. Перепеченовой.

эту пластину и упомянутую раньше решетку, мы получили достаточное отверстие, и при помощи лестницы я спустился в склеп. Над ногами и головой покоящегося в склепе святителя лежит слой земли и куски довольно истлевшего дерева, представляющего либо останки гроба святителя, либо останки деревянных подпор, которые, может быть, были нужны для поддержания кружал при первоначальном устройстве свода над склепом. Толщина некоторых из этих кусков наводит меня на это второе предположение.

Вынувши из могилы эти куски дерева и несколько кирпичных обломков, я освидетельствовал ту часть останков, которая оказалась незасыпанной землей. Сквозь мантию ощупывалась локтевая кость, находящаяся в приподнятом положении. Разобрав мантию, представляющую в этом месте довольно прочную ткань, издающую при разрывании даже треск, я открыл костяк руки от локтя до кисти; проникая рукою дальше, ощупал кости, вероятно, ключицы. Разбирая понемногу землю, чтобы раскрыть голову, я нашел железную скобу от гроба и часть черепа, близкого уже к совершенному разрушению.

После этого я вышел из склепа, а туда спустился о. ключарь. При помощи ведра мы вынули из склепа достаточное количество земли. После этого о. ключарь нащупал и вынул из земли затылочную кость. Раскрыв шире мантию у руки, находящейся в приподнятом положении, о. ключарь обнаружил окружающий эту кость рукав рубахи, довольно хорошо сохранившийся, а по направлению к ногам — тазобедренные кости и голени. Внутри мантии оказался ременной поясок, у ступней же ног нашлись очень сырые две подошвы той обуви, в которой был погребен почивший. Теснота склепа не позволяет разбираться там слишком подробно, и мы отказались от первоначальной своей мысли переложить останки святителя в новую мантию, а, отделивши часть мантии, в которой он почивает, накрыли честные останки его новой архиерейской мантией, заложили отверстие железной доской, прикрыли его кирпичами и землей и совершили литию.

После этого в 12½ час. я отбыл из собора, а о. ключарь остался там для приведения всего в прежний вид.

Все это написано мною сейчас же по возвращении из собора, в ночь с 4 на 5 марта 1913 г. Аминь [1])».

Отсюда следует, что никаких «нетленных мощей» в подвале Тамбовского собора не имелось. Сам же Кирилл признается, что он нашел лишь землю, истлевшее дерево, остатки костей и обрывки одежды.

Этот документ конечно опубликован не был. Профессиональные обманщики сочли необходимым умолчать о действительном состоянии «нетленных мощей».

В скором времени церковники составили доклад, в котором на всевозможные лады говорилось о «святости» Питирима.

«Всепресветлейшему, державнейшему, великому государю императору, самодержцу всероссийскому.

Всеподданнейший доклад синода.

В январе 1912 г. преосвященный тамбовский Кирилл, представив св. синоду целый ряд засвидетельствованных многочисленными подписями прошений от разных классов населения Тамбовской епархии о причтении к лику святых святителя Питирима, второго епископа Тамбовской епархии, изъяснил, что имя приснопамятного святителя Питирима, управлявшего Тамбовской епархией втечение 13 лет (с 1685 г. по 1698 г.), яркой звездой горит в истории тамбовской церкви. Будучи преисполнен христовой любви к людям, и в частности к своей пастве, и пламенея высоким благочестивым настроением, святитель Питирим оставил после себя память великого молитвенника и заступника пред богом за всех ищущих его помощи и утешения. Духовная связь его с тамбовскою паствою не прекратилась с его кончиною. Почивая под сводами им же самим основанного тамбовского Спасо-Преображенского кафедрального собора, святитель Питирим остается и теперь близок тамбовской пастве, всегда обращающейся к нему с молитвами, как к своему заступнику и великому предстателю пред престолом божиим. И милосердный господь всегда внимал молитвенному заступлению великого праведника — святителя за свою паству, ниспосылая страждущим облегчения, претворяя их скорбь и радость, даруя больным выздоровление и исцеление и никого вообще не оставляя без утешения. Каждое новое знамение милости божией, являемое по молитвам святителя Питирима, утверждало тамбовскую паству в мысли, что почитаемый ею епископ есть поистине избранник божий. Почитание святителя Питирима выходит в настоящее время далеко за пределы Тамбовской епархии, подтверждением чего служат обращаемые со всех сторон к соборному причту просьбы и ходатайства о совершении панихид пред гробницею святителя Питирима. Среди же самой тамбовской паствы в последнее время замечается необычайный подъем религиозного воодушевления, вызываемого и возбуждаемого всеобщим преклонением пред памятью святителя. Ныне уже не отдельные лица, а

[1]) Канцелярия синода, Секретный отдел, 1913 г., д. № 161, лл. 6 — 7.

целые города и общества Тамбовской епархии видят и признают в святителе Питириме не только своего заступника, теплого молитвенника и ходатая пред богом, но и запечатленного любовию божиею избранника. С благоговением почитая память святителя Питирима и с чувством сыновней благодарности преклоняясь пред его молитвенными подвигами пред милосердным богом за всех притекающих к нему с верою, жители Тамбовской епархии повергают дерзновенное, но благочестивое желание и ходатайство о причислении епископа Питирима Тамбовского к лику святых и о прославлении его мощей, почивающих ныне под спудом в тамбовском кафедральном соборе. Усматривая в этом всенародном религиозном движении указание промысла божия на то, что нынешнее время может быть признаваемо за благопотребное для прославления святителя Питирима, и всею душою и с полным благоговением разделяя одушевляющие тамбовскую паству в отношении к святителю религиозные чувства, преосвященный тамбовский присоединяется к общему желанию богом врученной ему паствы и тоже просит направить к благоприятному концу дело о прославлении святителя Питирима... Синод нашел, что многочисленные случаи благодатной помощи по молитвам епископа Питирима, обследованные надлежащим образом, не оставляют никакого сомнения в своей достоверности и по свойству их принадлежат к событиям, являющим чудодейственную силу божию... Посему синод, в полном убеждении в достоверности таковых чудес, воздав хвалу дивному во святых своих господу богу, присно благодеющему твердой в праотеческом православии Российской державе, благоволившему явить в дни благословенного царствования вашего императорского величества нового светильника церкви российской, как новое и великое знамение своих благодеяний к православному народу русскому, полагает: 1) во блаженной памяти почившего Питирима, епископа тамбовского, признать в лике святых, благодатию божиею прославленных, оставив всечестные останки его под спудом, на месте их упокоения; 2) торжественное прославление святителя Питирима совершить 28 июня 1914 г., в день памяти его; 3) службу святителю Питириму составить особую, а до времени составления таковой, после дня прославления памяти его, отправлять ему службу общую святителям, память же его праздновать в день представления и прославления его, 28 июля и 4) объявить о сем во всенародное известие св. синода. Изъясненные свои предположения синод повергает на всемилостивейшее вашего императорского величества благовоззрение.

Вашего императорского величества всеподданнейшие: Владимир, митрополит, с.-петербургский и ладожский, Иннокентий, архиепископ, экзарх Грузии, Сергей, архиепископ финляндский и выборгский, Владимир, архиепископ донской и новочеркасский, Алексей, епископ тобольский, Митрофан, епископ минский [1].

Для оценки этого документа нужно отметить такие факты:

1. Ходатайства тамбовских толстосумов синод выдает за массовое религиозное движение. 2. Дается заведомо лживое указание на «чудеса», якобы совершенные трупом Питирима. 3. Ничего не сказано о том, что же в действительности имеется в гробу, где хранятся остатки Питирима. 4. Опасаясь разоблачения церковного обмана, синодальные «отцы» указывают, что мощи должны остаться «под спудом», т. е. не будут показаны массе паломников, а будут храниться в церковном подвале.

Заслушав доклад обер-прокурора синода В. Саблера, Николай Романов положил на нем следующую резолюцию: «Согласен. Прочел с чувством истинной радости и умиления» [1].

В тамбовской епархии и в первую очередь в г. Тамбове была развернута усиленная кампания по подготовке к ожидаемому торжеству прославления. В первую очередь стали заботиться о том, чтобы это дело обставить, соответствующей пышностью, чтобы произвести наибольшее впечатление на паломников. Для этого требовались деньги.

2 октября 1913 г. епископ Кирилл обратился к синоду со следующим ходатайством:

«До сего времени все приготовления в тамбовском кафедральном соборе по приведению его в надлежащий вид к предстоящему торжеству прославления святителя Питирима, второго епископа тамбовского, производились на средства благотворителей. Израсходовано уже около 100 000 руб. на замощение обширной соборной площади, на устройство каменной ограды вокруг собора и каменной с гранитными ступенями лестницы к колодцу святителя Питирима, а также на наружный и внутренний ремонт самого собора. Но для последней надобности и других недостает еще приблизительно до 50 000 руб.

Так как у кафедрального собора такой суммы в распоряжении не имеется и рассчитывать на скорый приток пожертвований от благотворителей нельзя, между тем все работы должны быть закончены к сроку, то причт кафедрального собора решил взять взаймы 50 000 руб. у Носовского Спасо-Преображенского монастыря тамбовской епархии. Управление мона-

[1]) Канцелярия синода, всеподданнейшие доклады за 1913 г.

стыря на заем изъявило свое согласие, о чем сообщило мне рапортом от 16 сентября 1913 г. № 199.

У Носовского монастыря имеется запасного капитала 250 100 руб. Весь капитал заключается в свидетельствах 4% государственной ренты. Проценты с него обращаются на содержание монастыря.

За пользование 50 000 руб. тамбовский кафедральный собор будет платить Носовскому монастырю ежегодно 4% и самый капитал обязуется уплатить рентою же в 10 лет, а если средства позволят, то и раньше.

Признавая с своей стороны заем 50 000 руб. у Носовского Спасо-Преображенского монастыря единственно возможным для тамбовского кафедрального собора выходом из затруднительного положения и полагая, что втечение десяти лет он успеет погасить свой долг названному монастырю, долгом поставляю почтительнейше просить на сие разрешение св. синода»[1]).

Само собой разумеется, синод дал согласие. Церковные воротилы рассчитывали, что эта сумма вернется с лихвой, так как с церковного «стада» можно будет собрать золотой урожай.

Во всем этом деле все же была одна деталь, которая смущала церковников. В связи с этим 28 апреля 1914 г. епископ Кирилл обратился к синоду со следующим секретным ходатайством:

«В удовлетворение благочестивого ходатайства паствы и клира Тамбовской епархии св. синодом в январе месяце сего года обнародовано деяние, коим объявлено о причтении к лику святых божих второго тамбовского епископа, приснопамятного Питирима, с оставлением честных его мощей под спудом. Эта последняя подробность синодального деяния была встречена паствой тамбовской с нескрываемым недоумением, но наличность такого же обстоятельства и в деле прославления святейшего патриарха Ермогена до некоторой степени ослабляла остроту сего недоумения.

В настоящее время, когда стало известно о предстоящем открытии честных мощей святителя Ермогена, недоуменные настроения, а, может быть, и недобрые толкования подробностей предстоящего в июле месяце прославления святителя Питирима на замедлят обнаружиться.

Посему осмеливаюсь почтительнейше просить св. правительствующий синод, на основании представленных мною в свое время сведений о состоянии честных останков святителя Питирима, разрешить при предстоящем прославлении сего святителя совершить и открытие его честных мощей в соответствии с тем, как это в настоящее время устроется по отношению к святителю Ермогену»[1]).

Как и следовало ожидать, синод дал разрешение.

Постановление гласило:

«По указу его императорского величества святейший правительствующий синод слушали: предложение исп. об. товарища обер-прокурора от 11 мая 1914 г. на № 5983 о том, что его императорскому величеству на всеподданнейшем докладе г. синодального обер-прокурора с представлением всеподданнейшего доклада св. синода о разрешении преосвященному тамбовскому архиепископу Кириллу, при предстоящем прославлении святителя Питирима, тамбовского чудотворца, изнести из земли честные его останки и положить их в особый гроб и раку для благоговейного поклонения верующих, благоугодно было в 8 день текущего мая, в Ливадии, собственноручно начертать: «Согласен».

Предложение это при сем прилагается.

Приказали: «Об изъясненном в настоящем предложении высочайшем его императорского величества соизволении уведомить преосвященного архиепископа Кирилла указом»[2]).

В скором времени в тамбовском соборе появилась новая блестящая рака, в которой, по словам попов, находились «мощи Питирима».

Весь этот обман был полностью раскрыт после Октябрьской революции. Интересы духовного раскрепощения масс требовали ликвидации очагов мракобесия.

Начиная с осени 1918 г. во многих городах было произведено вскрытие мощей. Сами трудящиеся—рабочие и крестьяне—принимали резолюции, в которых выражали требование освидетельствовать местные мощи. По директивам НКЮ вскрытия происходили с участием представителей советских учреждений, общественных организаций, населения, групп верующих и духовенства.

15 февраля 1919 г. Тамбовский губернский исполнительный комитет Советов принял решение о вскрытии «мощей» Питирима. Под председательством заведующего губернским отделом юстиции т. Юревича была организована особая комиссия в составе представителей Губисполкома, Губкома, Губчрезкомиссии, отделов Губисполкома, Губпролеткульта, красноармейских частей, профессиональных союзов, печати, епархиального совета, советов приходских церквей и т. д.

Приводим акт вскрытия:

«1919 г., февраля 22 дня комиссия... явилась в 14 часов дня в церковь кафедрального собора для вскрытия и осви-

[1]) Канцелярия синода, 1913 г., 6 отд., 3 стол, д. № 836, лл. 194—195.

[1]) Там же, лл. 249—249 об.

[2]) Там же, л. 283.

детельствования мощей Питирима, согласно постановления Губисполкома совдепа от 15 февраля.

Комиссия застала в церкви служение молебна, по окончании коего в 15 часов дня было приступлено к исполнению возложенного поручения...

Мощи Питирима находятся в гробнице под навесом (сенью) в правой половине храма между двумя колоннами. По удалении наружных покровов с крышки гробницы, крышка была снята, причем фотографом был сделан снимок с находящегося в гробнице под крышкой. После этого было приступлено к выемке покровов и одеяний, облегавших ковчег с заключенными в нем мощами. По снятии всего этого, был обнаружен так называемый ковчег (металлический ящик-футляр) в форме человеческого тела и длиною в средний рост человека, створчатый, раскрывающийся спереди и посредине в обе стороны... Ковчег был обвязан шнуром и скреплен печатью архиепископа Кирилла... В головной части ковчега имеется сквозное отверстие, диаметром до четырех сантиметров, в котором видна почерневшая кость, лишенная кожных покровов и мягких частей...

Ковчег в закрытом виде был сфотографирован.

По предложению настоятеля, представитель губернского отдела управления освидетельствовал целость печати и надпись на ней, после чего настоятелем был перерезан шнур, снята печать и раскрыты крышки ковчега. По раскрытии таковых обнаружено: внутри ковчега дно его на всем протяжении, приблизительно до половины высоты ковчега, залито белым воском, имеющим совершенно ровную дискообразную поверхность. Из слоя воска выступают залитые в нем различные кости человеческого скелета, причем некоторые из них выступают до половины, другие только частью, а некоторые, мелкие, едва заметны в слое воска. В средине ящика (ковчега) лежат параллельно длине его четыре трубчатых кости, а именно: две бедренных (ближе к стенкам ящика) и две больше-берцовых между этими бедренными. Выше их, в правой стороне ящика-ковчега, выступает тазовая кость. Влево от нее выдается средняя часть верхней челюсти без зубов; кроме того замечается несколько мелких костей, которые нельзя определить, так как большинство их находится в воске. Все перечисленные кости потемневшие, но довольно свежие, частью с уцелевшими связками-обрывками. Головная часть ящика открывается отдельно. По вскрытии ее обнаружен восковой слепок в виде головы, причем на стороне этого слепка, соответствующей лицевой стороне головы, виднелся кружок кости, видимый сквозь вышеописанное отверстие ковчега; вся же остальная часть покрыта воском. По распоряжению настоятеля Поспелова было принесено копье, при помощи которого Поспеловым был снят слой воска различной толщины до сантиметра; под этим слоем воска оказались следующие кости задней половины черепа: теменные, височные и затылочные.

Таким образом незалитая воском кость, видная сквозь отверстие ящика-ковчега (место целования) и принимавшаяся за лобную, оказалась теменной, прилежащей к затылочной.

В нижней части описанных костей прилегала нижняя челюсть (без зубов) нижним краем кверху. Все остальное пространство слепка представляет собою воск. Слепок головы был предъявлен всем присутствовавшим. Воск, находившийся в ящике-ковчеге, издает бальзамический запах.

По окончании вскрытия ковчег в таком виде сфотографирован. Желавшим из присутствовавших была предоставлена возможность осмотреть вскрытый ковчег и его содержание. Вскрытие было закончено в $16^1/_4$ часов дня; при вскрытии, кроме членов комиссии, присутствовала молящаяся публика в значительном числе, причем двери храма были все время открыты и желающие войти в него имели свободный доступ.

В присутствии комиссии и находившихся в храме граждан рака была приведена в прежнее положение, причем опечатания ковчега не произведено вследствие отсутствия, по заявлению настоятеля, печати и шнура.

Во все время акта освидетельствования мощей был сохранен полный порядок и никаких протестов как со стороны духовенства, так и присутствовавших граждан о порядке вскрытия не поступало».

Акт о вскрытии полностью вскрывает церковную «технику» обмана. Вместо «нетленных мощей» комиссия обнаружила металлический ящик-футляр и в нем церковное «заливное» из воска и старых, гнилых костей. Вот эти-то костяшки и воск втечение ряда лет были использованы в качестве приманки паломников, приносивших сюда свои гроши.

Б. Кандидов.

Ответственный редактор **Я. Берзин.**
Редакционная коллегия: **В. Максаков** (зам. редактора), **С. Пашуканис, Ф. Ротштейн**